

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXVI Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 11–12 декабря 2020 г.)

Материалы и доклады

Самара
2021

УДК 94
ББК 63.3
П37

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов (отв. редактор);
д-р ист. наук, проф. Э.Л. Дубман;
д-р ист. наук, проф. М.М. Леонов;
д-р ист. наук, проф. Н.Н. Кабытова;
д-р ист. наук, проф. Ю.Н. Смирнов;
канд. ист. наук, доц. В.А. Тюрин (отв. секретарь)

П37 Платоновские чтения: материалы и доклады XXVI Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 11–12 декабря 2020 г.) / отв. редактор П.С. Кабытов. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2021. – 216 с.

ISBN 978-5-98996-248-8

Сборник содержит статьи участников XXVI Всероссийской конференции «Платоновские чтения», проходившей в Самарском университете 11–12 декабря 2020 г.

Проблематика материалов сборника представляет собой широкий спектр сюжетов социально-экономической истории, истории взаимоотношений власти и общества, международных связей, а также основных направлений общественной и исторической мысли, истории культуры и повседневности России.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-98996-248-8

© Авторы, 2021
© Самарский университет, 2021
© Центр периодических изданий Самарского университета, оформление, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

XXVI Всероссийские Платоновские чтения – 2020 г. 8

Секция I. Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России

Кроз Т.В. Перстни Торновского могильника (об одной категории мордовских украшений XVIII–XIX вв.)	13
Тягун Д.Б. Роль грамот патриарха Гермогена в истории Смутного времени	16
Кривова Д.А. Взаимодействие Кабинета министров с Оренбургской экспедицией (комиссией) в период ее руководства В.Н. Татищевым в 1737–1739 гг.	19
Пискунов А.В. Завоевание Восточной Пруссии русской армией в 1758 году	22
Агапова А.А. Общественная деятельность В.Т. Золотницкого в Уложенной комиссии 1767–1774 гг.	25
Мкртчян Л. Г. Армянская гора и армяне Самарского края в XVIII в.	27
Чугунов А.А. Положение и обязанности учеников городских ремесленников в конце XVIII – середине XIX вв.: материалы Сергиевского посада	29
Кирилук А.В. Геральдические органы Российской империи	31
Тулупов Н.С. Торговля в Поволжье в условиях эпидемии холеры 1830 года	33
Мионов И.В. «Свобода рук» во внешней политике России конца XVIII – начала XIX века	36
Торунов В.А. Черноморский театр военных действий Крымской войны в отечественной историографии	38
Рыбакова А.А. Проблемы перестройки промышленного предприятия на военный лад (на примере деятельности завода им. Масленникова в 1941–1942 гг.)	41
Мишустин Д.В. Куйбышевский оборонительный рубеж в Великой Отечественной войне	43
Зубкова А.А. Недостатки в работе торговых организаций в годы Великой Отечественной войны	46

Секция II. Власть и общество в истории России

Сметанин Д.В. Бюрократия и патрон-клиентские отношения в Российской империи первой половины XIX в. Кейс новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова	49
---	----

Лунева Е.В. Социопсихологический портрет Николая Ивановича Пирогова (по материалам «Вопросы жизни: дневник старого врача...») 52
Зверева А.А. Особенности формирования дворянского землевладения в Самарской губернии 55
Трубицын И.О. Социальный портрет заседателя Дворянской опеки второй половины XIX – начала XX в. 57
Токарева Н.Д. Политический строй в России после Третьеиюньского переворота 59
Авданов А.В. Взаимоотношения председателя Государственной думы М.В. Родзянко с Императорской семьей 61
Борисова В.А. К вопросу об эвакуации в Самару Юрьевского университета 64
Елисеев А.И. Депутат Государственной Думы Российской империи В.Г. Архангельский 66
Михайлова А.Е. Вклад М.Д. Чельшова в антиалкогольное законодательство III Государственной Думы 68
Кирдяшев М.С. Помощь Общества Друзей (квакеров) голодающему населению Бузулукского уезда Самарской губернии в начале 1920-х гг. 71
Трофимов М.О. Стратегии организованного сопротивления: Людвигбургское отделение организации «Боевое сотрудничество военнопленных» 73
Фролова А.М. Общественно-политическая деятельность Г.Н. Костромитинова 75
Романова А.С. Императрица Александра Федоровна и великие князья в годы Первой мировой войны 78
Федулов А.А., Холостяков Д.А. Становление и деятельность основателя куйбышевской (самарской) школы проктологов Александра Михайловича Аминова 80
Вертей И.И. Муниципалитеты и социальная защита населения в 1990-е гг. в Самарской области 82

Секция III. История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций

Бучинский А.С. Переписка Екатерины II с Вольтером как исторический источник 85
Карапетян Г.С. Журнал «Русская мысль» как интеллектуальная площадка отечественной либеральной интеллигенции 87
Зиновьева Ю.А. Феминистская пресса начала XX века (на примере издания журналов «Женский вестник» и «Союз женщин») 89

Зотова А.А. Феномен рабства в периодике Российской империи: о нас или о них?	91
Парахин А.С. Октябристы в Первой Государственной Думе	93
Слискова В.В. Публикации Н.И. Кареева во французской научной периодике 1920-х гг.	95
Цибулько Ю.А. Мотивы создания публицистических текстов в среде русской эмиграции на примере исследовательской деятельности В.М. Зензинова	98
Ломакин А.В. Поэзия как исторический источник (на примере исследования социокультурных процессов «оттепели» г. Куйбышева)	100
Вербовой В.А. Духовно-нравственное воспитание паствы митрополитом Иоанном (Снычевым) в Куйбышевской епархии в 1965 – 1990 годы	102
Денисова А.Д. Английская Реформация в трудах отечественных историков	104
Мякинина М.А. Страноведческие периодические издания в СССР как исторический источник по развитию общественного сознания в 1960–1980-е гг. (по материалам журналов «Вокруг света», «Америка», «Корея»)	108
Труханов Р.О. Докладная записка М.Я. Толкача 1961 года в ЦК КПСС: источниковедческий анализ	110
Жигалов А.В. Проблема оценки советской культуры при трансформации социальных связей	112
Губанова Т.С. Гендерные стереотипы в современных российских школьных учебниках по истории и обществознанию	115
Быданова Е.Е. Тема сталинских репрессий в исторической памяти Беларуси	117
Романова В.Б. Повседневная жизнь эмиграции «первой волны» в Париже на материалах источников личного происхождения	120

Секция IV. Русская культура, история этносов и повседневность

Юрецкая Е.М. «В поощрение сего юноши» – начало творческого пути А.Ф. Мерзлякова	123
Ерофеев И.Д. Политика Тадеуша Чацкого в отношении женского образования на юго-западных землях империи в начале XIX века	125
Павлов А.В. Повседневные практики богохульства в Самарской губернии во второй половине XIX в.: казус или знак?	127
Исакова С.С. Роль образования в жизни женского населения на примере Самарской губернии на рубеже 1890–1910-х гг.	130
Панкеева К.В. Трактровка «панисламизма» в Российской империи и за рубежом в начале XX в.	133

Протасова А.В. Обновленческий раскол в Русской Православной Церкви в 1920-е гг. в Самарской губернии	137
Приймак Е.И. Идеологема «победа» как составляющая патриотического воспитания граждан СССР в 1941–1946 гг.	139
Ермолаева М.А. Куйбышевская писательская организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	141
Янцен И.Д. Советская историография женской фронтовой повседневности в годы Великой Отечественной войны	144
Рамм Д.А. Повседневность рабочих Тольяттинского электротехнического завода в 1960-е годы	146
Хажайнов А.А. Начало футбольной карьеры Эдуарда Стрельцова (1951–1955 гг.)	148
Хамченко А.М. Воспитательная деятельность советских молодежных организаций в 1950–1985-е гг.	151
Николаев С.В. Владимир Высоцкий: поэт в пространстве власти и повседневности	153
Сурдина Е.Ю. А.Я. Басс – директор Самарского художественного музея: профессиональная и общественная деятельность	156
Семенihin С.А. Личность Игоря Борисовича Солдатова и его вклад в развитие отечественной отоларингологии (по материалам личных источников и документов фонда И.Б. Солдатова в Российском государственном архиве в Самаре)	158
Сочнева Д.В. Деятельность религиозной организации «Великое Белое Братство» на территории Ульяновской области в 1990-е гг.	160
Аншаков Е.А. Отражение политических событий середины 1990–2000-х гг. в изобразительном искусстве	162

Секция V. История России в XX в.: проблемы, поиски решения

Кухорев В. С. Деятельность Куйбышевского краевого коммунистического института журналистики имени В.М. Молотова в 1935–1939 гг.	165
Писарева А.И. Демографическая ситуация в сельской местности Самарской губернии в 1920-е гг.	167
Панова А.Р. Производство готового платья в СССР 1920–30-х гг.	171
Тагирова Д.Р. Коллективные хозяйства села Сабакаево во время Великой Отечественной войны	172
Маркарян Т.Ю. Женщины Куйбышевской области на трудовом фронте в годы Великой Отечественной войны (на примере Ставропольского района)	175
Новикова А.С. Состояние работы с детьми и подростками, учащейся молодежью и воспитанниками детских домов в советском тылу (по материалам Куйбышевской области)	176

Ильин А.В. Участие населения г. Сызрани в создании фондов обороны в 1941–1945 гг.	179
Садомцева А.Р. «Финский вопрос» в советско-шведских отношениях (сентябрь 1944 г. – 1948 г.)	181
Анфилогова А.А. Контрацепция в советском обществе в конце 1960 – 1970-х гг.	183
Ковзик Г.О. «Чернобыльский синдром» в идеологическом дискурсе КПСС: постановка проблемы	185
Кокорев М.А. Общественно-патриотическая деятельность воинов-интернационалистов на примере деятельности Тольяттинского отделения Российского Союза ветеранов Афганистана	188
Кузнецова А.А. Идеологическая работа в вузах Куйбышева в 80-е гг. XX в.	190
Богданов Д.В. Структура и доходы ректората Куйбышевского университета в 1980–1989 годы	192
Карманова Е.В. Е.В. Шпакова – руководитель шоколадной фабрики «Россия»: этапы производственной и общественной деятельности	194
Разумов Н.В. Меры по борьбе с дефицитом товаров народного потребления в Куйбышевской области в период перестройки	196
Литичевский Б.В., Жукова А.В. Процесс формирования многопартийности в СССР в 1988–1991 гг.	198
Абрашкин С.Н. Партийная идентичность губернаторов Поволжья в 1991–1999 гг. (на примере Самарской, Саратовской и Ульяновской областей).	200

Стендовые доклады

Чугунова Д.А. Содержание и функции теоретической геральдики: исторические традиции и современность	204
Голубева О.Н. Концептуальная идеология власти в проведении культурно-массовых мероприятий	206
Желтоухова Д.В. Элементы фетишизации музейного предметов краеведческих музеев Среднего Поволжья второй половины XX века	209
Графова Д.Ф. Аграрные беспорядки в семантике и семиотике политического диалога начала XX века	210
Шептякова А.А. Символика политических партий в России: история и современность	213

XXVI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2020 Г.

12 декабря 2020 г. в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева на базе кафедры российской истории состоялась ежегодная конференция студентов и молодых ученых – XXVI Всероссийские Платоновские Чтения.

Это была очередная конференция российских студентов – историков и молодых ученых. В российском научном сообществе четверть века Платоновские Чтения традиционно считаются одним из самых известных и популярных межвузовских исторических форумов научной молодежи России. В них принимают участие молодые исследователи из многих регионов европейской части страны, Урала и Сибири, а также некоторых стран зарубежья. По Положению о Платоновских Чтениях в работе конференции участвуют бакалавры, магистры, а также аспиранты, научные сотрудники и преподаватели в возрасте не старше 30 лет, не имеющие ученой степени или звания. В основе проведения Чтений заложен конкурсный принцип.

Начиная с первой конференции, состоявшейся в 1996 г., при организации Чтений их Оргкомитет традиционно ставит перед собой следующие основные задачи:

- содействовать развитию научного творчества молодежи,
- пропагандировать российское национальное историческое наследие.

За всю историю проведения Платоновских Чтений они показали высокую эффективность для развития отечественной науки, приобрели особую значимость и привлекательность для молодых исследователей. В среднем в работе каждой из ежегодных конференций принимало участие до 120-150 студентов, соискателей и аспирантов. С докладами выступали от 50 до 90 молодых исследователей. Тексты всех докладов, прошедших конкурсную экспертизу и прозвучавших на конференции, публикуются в ежегодном сборнике «Платоновские чтения».

Чтения получили заслуженное признание в среде университетского молодежного сообщества. Их базовой особенностью является постоянство, регулярность, единство требований к уровню научных работ и составу участников. Проведение конференций стало общероссийской научной традицией. В Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Чебоксарах, Оренбурге, Саратове, Волгограде, Пензе и других городах нашей страны сложился круг постоянных участников этого форума.

Постоянным организатором и головным исполнителем Платоновских Чтений являлся Самарский государственный университет (с 2015 г. Самарский национальный исследовательский университет имени академика

ка С.П. Королева). Традиционно, методическую и научную помощь в проведении конференции оказывает Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Проведенные в декабре 2020 г. XXVI Платоновские Чтения были организованы при финансовой и методической поддержке дирекции социально-гуманитарного института Самарского университета.

Проект «Платоновские Чтения» стал неотъемлемой частью системы научной и учебной работы кафедры российской истории исторического факультета Самарского университета, ежегодно проводимых научных конференций молодых ученых и студентов. Чтения объединили эту сферу научно-исследовательской деятельности в области исторических наук в единое целое не только в рамках Самары и других городов Среднего Поволжья, но и всей Российской Федерации.

Традиционным на протяжении многих лет является состав Оргкомитета конференции во главе с профессором П.С. Кабытовым. В 2020 г. в него вошли профессора и доценты Самарского университета А.Ю. Нестеров, А.Я. Голубинов, М.М. Леонов, Ю.Н. Смирнов, Э.Л. Дубман, Н.Н. Кабытова, М.И. Леонов, О.Б. Леонтьева, ответственный секретарь Чтений доцент В.А. Тюрин, секретарь Д.А. Кривова. Активное участие в организации и проведении Чтений приняли студенты исторического факультета университета.

Как и для предшествующих конференций традиционным для проведения XXVI Всероссийских Платоновских Чтений являлось стабильное количество секций. В 2020 г. конференция проводилась на 5 секциях. В связи с пандемией коронавируса заседания конференции пришлось провести в дистанционном режиме. Чтений проходила в 2 этапа: определение призеров секций и конкурс победителей секций на пленарном заседании конференции.

Для участия в Чтениях были отобраны 84 доклада (из них 5 стендовых). Докладчики представляли 7 вузовских центров России: Москву (Московский государственный университет – 3 чел., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – 2 чел., Российский государственный гуманитарный университет – 1 чел., Институт общественных наук РАНХиГС – 1 чел.), Санкт-Петербург (Санкт-Петербургский государственный университет – 2 чел (1 доклад), Казань (Казанский (Приволжский) федеральный университет – 1 чел.), Ульяновск (Ульяновский государственный педагогический университет – 1 чел.), Новосибирск (Новосибирский государственный университет – 1 чел.), Тольятти (Тольяттинский государственный университет – 1 чел.), Самара (Самарский национальный исследовательский университет – 53 чел., Самарский государственный социально-педагогический университет – 3 чел., Самарский государственный институт культуры – 4 чел., Самарский филиал Московского городского педагогического университета –

8 чел., Самарский государственный медицинский университет – 3 чел.). В качестве исключения был принят для участия с докладом учащийся лицея в г. Бор Нижегородской области. Всего с докладами на всех 5 секциях выступило 83 чел.

На Пленарном заседании Чтений принимало участие более 100 чел.

На первой секции «Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России» в числе 14 докладчиков были 2 аспиранта, 6 магистрантов, 5 бакалавров и 1 лицеист. Они представляли Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва) (1), Самарский национальный исследовательский университет (8), Самарский филиал Московского городского педагогического университета (1), Самарский государственный социально-педагогический университет (1), Самарский государственный институт культуры (2) и лицей г. Бор Нижегородской области (1).

Первое место на секции за доклад «Общественная деятельность В.Т. Золотницкого в Уложенной комиссии 1767-1774 гг.» заняла А.А. Агапова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», магистрант). Второе место получила Д.А. Кривова за доклад «Взаимодействие Кабинета министров с Оренбургской экспедицией (комиссией) в период ее руководства В.Н. Татищевым в 1737-1739 гг.» (Самарский национальный исследовательский университет, магистрант). Третье место присуждено А.А. Зубковой, выступившей с докладом «Недостатки в работе торговых организаций в годы Великой Отечественной войны» (Самарский государственный социально-педагогический университет, магистрант).

Вторая секция «Власть и общество в истории России» (15 докладчиков) объединила 5 бакалавров, 8 магистрантов и 2 аспиранта. Из них 1 представляет Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), 9 – Самарский национальный исследовательский университет, 1 – Самарский государственный социально-педагогический университет, 2 – Самарский государственный медицинский университет; 2 – Самарский филиал Московского городского педагогического университета.

Первое место за доклад «Бюрократия и патрон-клиентские отношения в Российской империи первой половины XIX в. Кейс новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова» получил Д.В. Сметанин (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», магистрант).

Второе место за доклад «Социальный портрет заседателя Дворянской опеки второй половины XIX – начала XX в.» присуждено И.О. Трубицыну (Самарский национальный исследовательский университет, аспирант).

Третье место за доклад «Вклад М.Д. Челышова в антиалкогольное законодательство III Государственной Думы» заняла А.Е. Михайлова (Самарский национальный исследовательский университет, бакалавр.).

В секции «История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций» прозвучало 16 докладов (8 магистрантов и 6 бакалавров, 2 аспиранта). Из них Самарский национальный исследовательский университет представляли 12 докладчиков, Российский государственный гуманитарный университет (Москва) – 1, Новосибирский государственный университет – 1, Самарский государственный социально-педагогический университет – 1, Самарский филиал Московского городского педагогического университета – 1.

Первое место за доклад «Публикации Н.И. Кареева во французской научной периодике 1920-х гг.» присуждено В.В. Слисковой (Российский государственный гуманитарный университет, магистрант). Второе место получил Р.О. Труханов за доклад «Докладная записка М.Я. Толкача 1961 года в ЦК КПСС: источниковедческий анализ» (Самарский национальный исследовательский университет, бакалавр). Третьим местом награждена Т.С. Губанова с докладом «Гендерные стереотипы в современных российских школьных учебниках по истории и обществознанию» (Самарский национальный исследовательский университет, магистрант).

Секция «Русская культура, история этносов и повседневность», на которую было записано 17 докладов (10 магистрантов, 6 бакалавров, 1 аспирант), по своему составу выглядела следующим образом. Вузы Самары – 15 докладов, из них национальный исследовательский университет – 10, государственный институт культуры – 1, государственный медицинский университет – 1, Самарский филиал Московского городского педагогического университета – 3. Представители других городов – 2 доклада, в том числе: Московский государственный университет – 1, Ульяновский государственный педагогический университет – 1.

Первое место за доклад «Идеологема «победа» как составляющая патриотического воспитания граждан СССР в 1941-1946 гг.» присуждено Е.И. Приймак (Самарский национальный исследовательский университет, магистрант). Второе место получила А.В. Протасова, выступившая с докладом «Обновленческий раскол в Русской Православной Церкви в 1920-е гг. в Самарской губернии» (Самарский национальный исследовательский университет, аспирант). Третьим местом награжден А.В. Павлов за доклад «Повседневные практики богохульства в Самарской губернии во второй половине XIX в.: казус или знак?» (Самарский национальный исследовательский университет, бакалавр).

Пятая секция «История России в XX-XXI вв.: проблемы, поиски, решения» объединила 18 докладчиков с 17 докладами (9 аспиранта, 5 магистрантов и 4 бакалавра). Из них 10 докладчиков представлял Самарский национальный исследовательский университет, 2 – Московский государственный университет, 1 – Институт общественных наук РАНХиГС, 2 (1 доклад) – Санкт-Петербургский государственный университет,

1 – Самарский государственный институт культуры, 1 – Самарский филиал Московского городского педагогического университета и 1 – Тольяттинский государственный университет.

Первое место на секции за доклад «Финский вопрос» в советско-шведских отношениях (сентябрь 1944 г. – 1948 г.)» присуждено А.Р. Садомцевой (Московский государственный университет, аспирант). Вторым местом награжден С.Н. Абрашкин с докладом «Партийная идентичность губернаторов Поволжья в 1991-1999 гг. (на примере Самарской, Саратовской и Ульяновской областей)» (Самарский национальный исследовательский университет, аспирант). Третье место получила А.И. Писарева за выступление с докладом «Демографическая ситуация в сельской местности Самарской губернии в 1920-е гг.» (Самарский национальный исследовательский университет, магистрант).

Помимо того на Чтениях были представлены 5 стендовых докладов (3 бакалавра, 1 аспирант и 1 соискатель). Из них 4 представлены Самарским национальным исследовательским университетом и 1 – Казанским (Приволжским) федеральным университетом.

12 декабря 2020 г. состоялось пленарное заседание XXVI Платоновских Чтений. К участникам конференции обратился председатель Оргкомитета профессор П.С. Кабытов. Он отметил высокий уровень состоявшейся конференции и необходимость дальнейшего совершенствования ее организации, расширения географии участников Чтений, повышения уровня докладов. Вторая часть пленарного заседания была посвящена конкурсным выступлениям соискателей, занявших первые места на своих секциях. Доклады соискателей вызвали многочисленные вопросы присутствующих и были выслушаны с большим интересом. По ряду проблем, поднятых в докладах, развернулась научная дискуссия.

Коллегией профессоров звание лауреата XXVI Всероссийских Платоновских Чтений было присуждено Е.И. Приймак, магистранту Самарского национального исследовательского университета.

Пленарное заседание завершилось награждением Лауреата, дипломантов и обладателей поощрительных премий, определившихся по итогам работы секций. В завершающей части пленарного заседания состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, необходимости проведения всероссийских и региональных форумов научной молодежи. Участники заседания поддержали предложение оказать всемерное содействие закреплению уже сложившейся традиции молодежной конференции всероссийского уровня и посчитали необходимым повысить статус предстоящих в конце 2021 гг. XXVII Платоновских Чтений до международного с приглашением зарубежных участников.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, В.А. Тюрин

СЕКЦИЯ I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Т.В. Кроз

Самарский национальный исследовательский университет

ПЕРСТНИ ТОРНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА (ОБ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ МОРДОВСКИХ УКРАШЕНИЙ XVIII–XIX ВВ.)

В изучении истории Самарского края XVIII–XIX вв. материалы археологических памятников, оставленных народами, населявшими эту территорию, практически не используются. Однако, их изучение следует назвать перспективным. Именно в этот период происходит активное освоение мордвой Самарского Поволжья. К 1885 г. в регионе насчитывалось 146 мордовских сел, в которых проживало 184 тыс. человек обоего пола [3, с. 440–446]. Изучение богатой истории и духовной культуры невозможно без использования археологических материалов.

В 1958 г. научными сотрудниками Куйбышевского областного музея краеведения М.Б. Корнеевой и С.П. Хрушевой было произведено обследование разрушающихся погребений грунтового могильника у с. Торновое, Волжского района Самарской области, оставленного мордвой-эрзей в XVIII – середине XIX в. Всего было изучено четыре погребения. Материал из погребений представлен фрагментами украшений костюма: браслетами, сьюльгамами, бусами, большим количеством орнаментированных перстней.

Из трех погребений происходит 21 перстень. Такое обилие украшений в погребениях – обычное явление для захоронений мордвы XVII–XIX вв., объясняющееся традицией – провожать усопших в последний путь в парадном уборе. Хорошо известны этнографические описания современников, иллюстрирующие богатство их праздничного костюма. Например, участник Академической экспедиции 1768–1773 гг. И.И. Лепехин отмечает: «Пальцы эрзянки украшают перстнями, и до того богатые на них шеголихи, что ни одного пальца без перстня не оставляют» [6, с. 158]. П.С. Паллас уточняет: «надевают по два и по три кольца на руку, но носят только с праздничным одеянием» [9, с. 82].

Все перстни, происходящие из погребений, относятся к типу печатных и на лицевой стороне щитка украшены растительным или геометрическим орнаментом. Чаще всего встречается изображение трилистника (на 12 перстнях как центральный мотив, на остальных – часть компози-

ции). Трилистник (крин) очень распространенный орнаментальный мотив, семантика которого восходит к символу зарождения жизни. Обширная классификация различных вариантов изображений трилистника была собрана К.А. Руденко применительно к серебряным перстням с чернью Волжской Болгарии XI-XIII вв., на которых большинство орнаментальных мотивов являются вариантами растительного побега (трилистника/крин) [11, с. 65]. Необходимо отметить, что самый ранний и простой тип орнамента по классификации К.А. Руденко имеет гораздо большую сложность, чем на перстнях торновского могильника, изображение на которых отличается схематичностью и небрежностью. Сам мотив трилистника был широко распространен в восточной Европе с эпохи средневековья и имел ближневосточные корни [10, с. 84], но впоследствии был сильно упрощен в среде финно-угорских народов. Возможно, одним из вариантов подобного упрощенного изображения являлись изображения на шелехах – монетовидных жетонах, используемых народами Поволжья в качестве шумящих привесок к костюму (изображение трилистника встречается на шелехах из Коноваловского могильника [7, с. 268] (рис. III; 7,9). В тех же материалах встречаются шелехи с символами солярно-лунной тематики, в которых композиция схожа с перстнями типа 2 – центральное изображение обрамляют ногтевидные завитки (которые на шелехе обозначают луну), а между ними вклинены звезды (рис. III; 13) [7, с. 268]. Возможно, что в мордовском варианте это изображение приобрело значение трилистника или ростка. Бронзовые перстни-печатки с аналогичным типу 2 мотивом трилистника встречены в материалах из могильника у с. Коноваловка, датированного концом XVIII – началом XIX вв. [7, с. 249]. Аналогичный перстень был найден в могильнике у с. Шелехметь, датированным XVII-XVIII вв. [4, с. 142-143].

Часто встречается изображение шестилучевой звезды. Это один из вариантов солярной символики, распространенной у финно-угорских народов. Изображения шести- и восьмилучевых звезд встречаются в декоре мордовских «Парей» – орнаментированных деревянных кадушек, выполняющих роль сундука для хранения приданного невесты. Важным элементом резьбы были солярные символы, способствующие большому потомству, благополучию в семье, достатку, долгой жизни и т.д. [13, с. 122]. Возможно, использование на рассматриваемых перстнях изображения именно шестилучевой звезды объясняется его составным характером – лучи звезды одновременно являются частью трилистников, изображенных по кругу. Такое изображение должно было выступать двойным оберегом, совмещая два элемента – солнце и росток. Другим постоянным элементом можно считать крест – прямой или скошенный, семантика которого восходит к изображению орудия для добывания огня [12, с. 2]. Впоследствии крест приобретает значения очищающего огня [1, с. 160]. Другая трактовка этого символа согласуется с высказанным С.В. Ивано-

вым законом упрощения изображения [5, с. 97]. Так, прямой крест может считаться одной из поздних вариаций изображения мирового дерева [5, с. 98-99], которое в мифологии мордвы выступает связующим элементом трех миров, наделяется жизнеобеспечивающими функциями [2, с. 30-31]. Аналогичный перстень с прямым крестом также имеется в материалах Коноваловского могильника [7, с. 256]. Все перстни имеют один повторяющийся элемент – обрамление резной линией по контуру. Такой круг-колесо является наиболее распространенным в финно-угорском мире солярным символом. Поэтому неудивительно, что он встречается на всех мордовских перстнях XVIII–XIX вв., обнаруженных в материалах могильников у с. Торное, Коноваловка, Шелехметь.

Изучение такой группы источников как перстни из погребальных памятников мордвы XVIII – середины XIX в. позволяет сделать вывод о том, что мордва в это время, несмотря на сведения из письменных источников о проводившейся российским правительством политике христианизации инородцев, [8, с. 568-577] сохраняет приверженность языческим верованиям. Археологические данные свидетельствуют, что погребальный обряд совершается по языческим традициям, сохраняется почитание древних земледельческих культов, символы которых остаются популярным мотивом и используются в украшениях, которые играют роль оберегов.

Библиографический список

1. Вихляев В.И. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
2. Вишневецкая В.М. Многозначность символов народного творчества // Декоративное искусство СССР. 1974. № 9.
3. Гребнев М. Мордва Самарской губернии: историко-этнографический очерк // Самарские епархиальные ведомости. 1886. №22. С. 440-446.
4. Иванов В.А. Мордовский могильник у села Шелехметь // Краеведческие записки. Вып. 3. Куйбышев, 1975.
5. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.-Л., 1963.
6. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771.
7. Малкова Н.М, Морозов В.Ю. Украшение мордовского костюма XVIII – начала XIX вв. // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара, 1996.
8. Мокшин Н.Ф. Языческие верования мордвы и ее христианизация // Мордва: историко-культурные очерки / под ред. В.А. Балашова. Саранск, 1995.
9. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям российской империи: В 3 ч. Ч. I. СПб., 1809.

10. Руденко К.А. Мотив трилистника в ювелирном искусстве Волжской Булгарии XI – начала XIII века // Наследие и современность. 2020. №3(2).

11. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015.

12. Рябов Н.В. Традиции Мордовского орнамента в общей концепции народной культуры Поволжья // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 2.

13. Юрченкова Н.Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002.

Д.Б. Тягун

Самарский национальный исследовательский университет

РОЛЬ ГРАМОТ ПАТРИАРХА ГЕРМОГЕНА В ИСТОРИИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Смута XVII в. была одним из переломных моментов в истории Российского государства. По мнению историка С.Ф.Платонова [8, с. 125], зачатки многих ее причин были заметны еще в XVI в. Однако большее внимание хочется уделить не причинам Смутного времени, достойным отдельной работы, а роли церкви, которая не осталась в стороне от событий, а принимала активное участие в различных кампаниях на протяжении всей Смуты. Мне бы хотелось рассмотреть следующий аспект: влияние грамот патриарха Гермогена на формирование второго ополчения и, как следствие, окончание польско-литовской интервенции в 1612 г.

Патриарх Гермоген (в миру Ермолай) – митрополит Казанский (с 13 мая 1589 г.), а также большой «книжник» и крупный духовный писатель русского Средневековья. О его образованности и начитанности писали как почитатели, так и недруги [1, с. 62]. С тех пор, как 3 июля 1606 г. патриарх Гермоген был возведен в сан патриарха Московского и всея Руси (по приказу В.Шуйского), главной его обязанностью стало участие не только во всех церковных соборах, но и в собраниях Боярской Думы, где решались вопросы о будущем российского государства и престолонаследии. Несмотря на то, что по суду боярина Мстиславского, Гермоген находился под постоянным надзором [7, с. 161], он пытался приблизить к себе тех бояр и дворян, которые были против воцарения Сигизмунда III его потомков на русский престол [2, с. 174]. В дальнейшем предпринимались различные попытки отстранить Гермогена от дел. Однако сколько не находили различных беглых холопов [10, с. 304-305], обличавших его как нечестивого человека и противника воцарения Владислава на престол, Гермогена не смогли лишить духовного сана. Но, в январе 1612 г., когда Минин и Пожарский объявили о намерении начать московский

поход, он был переведен в одну из темниц Чудова монастыря, где его уморили голодом [10, с. 331].

За то время, что Гермоген занимал пост патриарха Московского и всея Руси, он много писал и активно поддерживал связь с митрополитами церковных кафедр [9, с. 44–45]. Среди написанного было много наставлений о разрешении тех или иных проблем, происходивших в духовных сферах. Однако большее внимание стоит обратить на те грамоты, которые Гермоген писал первому и второму ополчению, и на протяжении всей интервенции поднимал ими дух православных христиан.

Среди исследователей бытует большое количество мнений о том, писал ли святитель Гермоген двум ополчениям грамоты, и существовали ли они вообще. Для начала стоит отметить, что многие историки доверяют актовым материалам земской переписки, отложившейся в Соликамском архиве [9, с. 42]. В них есть лишь упоминание о грамотах патриарха Гермогена, и нет даже их краткого пересказа [9, с. 48]. В основном бытуют две точки зрения: первая – что грамоты были, (и их часто подделывали), [это отражено в сочинениях польских (С. Маскевича, С. Жолкевского) и русских (С.И. Шаховского) авторов, в Столярове хронографе]; вторая – их не существовало в принципе [Арсений Елассонский, И. Хворостинин] [9, с. 42–43]. Говоря про первое ополчение, стоит отметить, что здесь главную роль играет Прокопий Ляпунов, который очертил себя связями с самозванцами (Лжедмитрием I и многими другими темными личностями). Про него говорили, что он то «кривой», то «прямой» из-за своих политических взглядов [10, с. 310]. Ляпунов писал в письмах конца января 1611 г., что патриарх Гермоген дал им свое благословение («по благословению святейшего Ермогена»). Многие исследователи подвергают это сомнению в связи с тем, что в переписке Гермогена была цитата по поводу представителей первого ополчения, что оно «странное и не единоверное» [10, с. 320]. Также отмечают, что самой переписки между Ляпуновым и Гермогеном не существовало, как и их возможной встречи [9, с. 44]. В добавление хочется отметить: раз грамоты доходили до городов, то это свидетельствует о том, что у Гермогена были помощники, которые помогали ему в их распространении, и хоть малейший, возможно, даже тайный доступ, к нему был. На чем я строю свою точку зрения: во-первых, представители монастырей и церквей в разных городах страны, от юга и до севера, писали о том, что патриарх присылал им свои грамоты, наставлял, что делать в это тяжелое время, и что необходимо поднимать патриотических дух среди православных [2, с. 255]. Во-вторых, если до городов доходили грамоты (и сведения об этом отражены в записях игуменов и прочих церковных представителей) [9, с. 44–45], то значит, что отсутствие помощников в написании и плохое зрение, были не помеха для патриарха в их создании. Более того, бытует мнение, что некий Ефрем (Хвостов), будущий митрополит Казанский и Свияжский, был должателем дела Гермогена [5]. Ведь именно ему патриарх доверял, сде-

лав вместо себя митрополитом Казанским в августе 1606г., и на его имя писал грамоты (и прочих своих сторонников просил писать Ефрему) [5]. Ефрем был верен патриарху Гермогену, исполнял его волю, поэтому вполне возможно, что его роль в распространении грамот святителя на территории всей России была не последней.

Подводя итог о грамотах патриарха Гермогена, можно сказать, что он сделал все возможное, чтобы не допустить иноверцев на русский престол и не спровоцировать «помутнение умов» в стране. Несмотря на ограничения со стороны власти и козни недоброжелателей, патриарх все равно продолжал верить в православный люд, населяющий Россию, и словом своим их напутствовал. Можно согласиться с исследователями, что не существовало грамоты, обращенной к первому ополчению, но ко второму ополчению и городам русским, они все-таки были. Разумеется, мы находим эти записи в церковных листах, мемуарах современников и отрывках из писем святителя. Они бедны и отрывочны, что и порождает огромное количество гипотез. Однако, если бы Гермоген бездействовал, то вряд ли он мог мешать новой власти, полякам и прочим ревнителям его деяний. Значит, у представителей Семибоярщины, поддерживающих поляков, были большие опасения относительно влияния патриарха на ополчения и православный люд, что и подтолкнуло их к отстранению Гермогена от церковных и государственных дел, а также они стали главными инициаторами его преждевременной кончины.

Библиографический список

1. Агафонов Николай, прот. Адамант земли русской. М.: Благовест, 2012.
2. Володихин Д.М. Патриарх Гермоген. М.: Молодая гвардия, 2015.
3. Грамоты патриарха Гермогена // Володихин Д.М. Патриарх Гермоген. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 281-289.
4. Житие патриарха Гермогена[Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/days/sv-ermogen-moskovskij>.
5. О митрополите Казанском и Свяжском Ефреме[Электронный ресурс]. URL: <https://ruskline.ru>.
6. Платонов С.Ф. О происхождении патр. Гермогена // Платонов С.Ф. Статьи по русской истории 1883-1902). СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903.
7. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 624 с.
8. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1999. 576 с.
9. Рыбалко Н.В., Дмитриева Е.Г., Малеева Е.С. Роль грамот патриарха Гермогена в организации земского ополчения 1611 г. // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т.22. №1. С. 41-52[Электронный ресурс]:<https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gramot-patriarha-germogena-v-organizatsii-zemskogo-opolcheniya-1611-goda>.
10. Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л.: Лениздат, 1990. 352 с.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ
С ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ (КОМИССИЕЙ)
В ПЕРИОД ЕЕ РУКОВОДСТВА В.Н. ТАТИЩЕВЫМ В 1737–1739 ГГ.**

В годы правления Анны Иоанновны большое значение имела деятельность Оренбургской экспедиции, которая способствовала расширению Российского государства за счет территорий Южного Приуралья и Казахстана. В то же время власть в стране фактически была сосредоточена в руках Кабинета министров. Чтобы выяснить, насколько эффективно центр мог контролировать работу своих представителей на окраинах, в качестве примера рассмотрим взаимодействие Кабинета министров с Оренбургской экспедицией в период ее руководства Василием Никитичем Татищевым.

Как известно, новым начальником Оренбургской экспедиции, переименованной в комиссию (однако старое название сохранилось), указом Анны Иоанновны 10 мая 1737 г. на место умершего Ивана Кириллова был назначен В.Н. Татищев, одновременно пожалованный в тайные советники [4, с. 279]. Исследователи неоднократно отмечали, что таким образом правительство Анны Иоанновны пыталось избавиться от неугодного чиновника, вызвавшего недовольство фаворита императрицы Э.И. Бирона [6, с. 64].

С момента своего назначения Татищев постарался исправить те недостатки, которые допустил его предшественник Кириллов. Выяснилось, что отчетность экспедиции находилась в запустении – Кириллов вовсе не предоставлял ее в Кабинет; последний получил первые подробные сведения о расходах на экспедицию лишь в 1737 г. и именно от Татищева [2, с. 524]. Интересно, что и сам Кабинет не предпринимал никаких действий, чтобы получить документацию, что подчеркивает слабость его контроля на этот регион. Приехав в Самару, штаб-квартиру Оренбургской экспедиции, Татищев проявил недовольство составом служащих, а также предложил перенести Оренбург с того места, которое выбрал Кириллов [1, с. 289].

Осуществление подобных практических задач было невозможно без реального и постоянного государственного финансирования, которого добивался Василий Никитич. Со временем он планировал окупить его прибылью с гороблагодатских заводов, в строительстве которых было заинтересовано правительство. Благодаря поддержке кабинет-министров А.И. Остермана и А.М. Черкасского Татищеву удалось добиться задуманного [6, с. 534]. Так, согласно указу от 10 ноября 1737 г. было принято решение об отпуске В.Н. Татищеву 50 тыс. рублей на оренбургскую

экспедицию [2, с. 524]. В этой связи следует упомянуть и высочайшее повеление от 8 февраля 1739 г. ... из Кабинета Сенату, о выдаче из штатс-конторы «на объявленные от него нужнейшие расходы» на счет оренбургской экспедиции в общей сложности 74 тыс. рублей [5, с. 228-229]. Все эти средства были преимущественно использованы Татищевым на строительство заводов, содержание войск, а также обустройство территорий в Заволжье и крепостей по башкирским границам во время его действительного руководства экспедицией непосредственно на месте [2, с. 534].

Кабинет осуществлял поддержку Татищеву и в научных трудах. Как известно, по указу от 23 мая 1737 г. Татищеву было велено составить «ландкарту Российской империи» на основе сохранившихся бумаг Кириллова. Рассмотрев эти материалы, «из которых ландкарт 18, геодезических журнала 4», Татищев сделал вывод, что «ни единого правильно сочиненного нет; особливо здешних, хотя много трудились, да не от прилежности и недостатка инструментов, а паче, что порядочных... инструкций не имели» [7, с. 262]. В связи с этим Кабинетом было принято решение, что «ежели ему (Татищеву) повелено будет исправлять и такую карту сочинить, то местным губернаторам подтвердить указами, «дабы оные, по посланным от него, для меры, требованиям, давали на проезды и на работников деньги и, по требованиям его, известия нужные к нему присылали» [4, с. 491].

Серьезная проблема, с которой столкнулся Василий Никитич в период исполнения своей должности, заключалась в нехватке людей, необходимых для заселения на вверенных ему территориях. По именному указу, данному из Кабинета от 15 февраля 1738 г., было принято решение «о непринимании в Яицкие городки пришлых из Великороссийских губерний людей...; о запрещении торговать в Оренбурге крестьянам, незаписанным в посады» [3, с. 411]. Кроме того, Кабинет настаивал на высылке с линий и возвращении на прежние места жительства тех, кто уже успел незаконно поселиться, что было указано в указе от 17 марта 1738 г. [3, с. 444].

Однако реализовать на практике эти правительственные указы было невозможно, не оставив при этом без людей построенные крепости и поселки, не ослабив охрану дорог и селений, в том числе и в Заволжье. Поэтому в данной ситуации Татищев просто проигнорировал указания правительства. За время своего руководства краем к высылке беглых, которые записались на казачью службу, он так и не приступил, однако и не способствовал более их притоку, как раньше [6, с. 91].

Случаи возврата беглых крестьян имели только единичный характер и происходили лишь при активизации действий со стороны их прежних владельцев, а не по инициативе руководства экспедиции. Что интересно, подобное отношение к правительственным распоряжениям было характерно и для старой кирилловской администрации Заволжья и Приуралья [6, с. 91].

В целом деятельность Татищева в период его руководства Оренбургской комиссией была очень разносторонней – помимо постройки крепостей по рекам Самаре и Яику, их заселению, переносу Оренбурга ему приходилось усмирять и Башкирское восстание [1, с. 290]. Он желал погасить восстание, насколько это возможно, мирными средствами и нередко действовал довольно рискованно, идя на такой шаг, как отпуск являвшихся с повинной предводителей восстания еще до получения согласия Кабинета министра на свои планы. Кроме того, Татищев настаивал на необходимости упорядочить сбор ясака. Он предложил возложить сбор ясака в руки самих башкир, а не русских целовальников и ясачников [2, с. 551-552]. Любопытно, что он стал проводить свои идеи на практике, не дожидаясь официального разрешения правительства о сборе ясака, которое последовало 17 марта 1738 г. [3, с. 445].

В конце концов, кипучая деятельность Татищева привела его к опале. Хотя официально он был арестован в связи с жалобой мурзы А.И. Тевкелева, вероятно, здесь не обошлось без интриг Э.И. Бирона. Вследствие поданных на него жалоб Татищев был отстранен от должности и отдан под суд следственной комиссии 27 мая 1739 г. Следствие над Татищевым фактически временно свело на нет работу Оренбургской комиссии, в которой наступил годичный перерыв [2, с. 586-687].

Таким образом, можно прийти к выводу, что Кабинет министров на протяжении деятельности Татищева в качестве начальника Оренбургской экспедиции оказывал ему финансовую поддержку, без которой он не мог воплотить в реальность свои замыслы. Однако удаленность Оренбургского края от центра и слабость контроля Кабинета способствовали тому, что Татищев часто был вынужден действовать самостоятельно, иногда идя вразрез с правительственными постановлениями. Подводя итоги, следует понять, что взаимодействие центра и окраины в период правления Анны Иоанновны нуждалось в лучшей организации.

Библиографический список

1. Носкова О.Л. В.Н. Татищев – государственный деятель, военный, ученый (к 325-летию со дня рождения) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 5. С. 287-291.
2. Петрухицев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). М., 2014.
3. Полное собрание законов Российской империи, изд.1. СПб., 1830. Т. 10.
4. СИРИО. Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 6. (1737 г). Юрьев, 1904.
5. СИРИО. Т. 126. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 9. (январь-июнь 1739 г). Юрьев, 1907.
6. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.
7. Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717-1750 гг. М., 1990.

ЗАВОЕВАНИЕ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ РУССКОЙ АРМИЕЙ В 1758 ГОДУ

К началу 1758 г. из всех завоеванных территорий Россия смогла сохранить за собой лишь город Мемель, который и стал отправной точкой для нового наступления русской армии. С середины ноября 1757 г. Конференция при Высочайшем дворе настоятельно советовала главнокомандующему В.В. Фермору как можно скорее начать зимнюю кампанию. В своих письмах к генерал-аншефу вице-канцлер М.И. Воронцов просил последнего не терять времени и поторопиться с наступлением: «Ваше превосходительство тем Ее Величеству и Отечеству нашему бессмертную славу и честь доставите, а для своей персоны заслужите вечную благодарность» [1, с. 350]. Но Фермор, ссылаясь на неблагоприятные климатические условия, с походом не торопился.

Таким образом, тщательно подготовившись к наступлению и получив из Петербурга инструкции о начале зимней кампании, в конце декабря 1757 г. Фермор, наконец, повел свои войска в Восточную Пруссию. В первый же день 1758 г. отряд П.А. Румянцева вступил в прусский город Тильзит: «Мещане того [города], самопроизвольно из города к командирующему тою партией прапорщику Ребенфелту выехав, объявили, что оный город от войск прусских совсем испражнен и отверстным к принятию войск ее императорского величества представили» [2, с. 100]. В рапорте главнокомандующему Петр Александрович счел нужным отметить, что жители завоеванного города добровольно принимают подданство Российской империи: «несколько духовных и гражданских особ к подполковнику Зоричу <...> явились, прося ее императорского величества высочайшей протекции и защищения, подвергая себя в подданство» [2, с. 100]. За образцово проведенную операцию по захвату Тильзита 7 января Румянцеву был присвоен чин генерал-лейтенанта [2, с. 103]. Развивая успех, русская армия, не встречая серьезного сопротивления, в короткий срок заняла весь анклав. 10 января в город Лобио, где в это время находился В.В. Фермор, прибыли делегаты из Кенигсберга, главного города Восточной Пруссии, с просьбой «принять их в покровительство» российской императрицы [3, с. 462]. Была подписана капитуляция, и на следующий день главнокомандующий русской армии торжественно въехал в древнюю королевскую столицу, где ему были вручены ключи от города [4, с. 105]. В качестве награды Мария Терезия пожаловала Фермору титул имперского графа, а Елизавета Петровна утвердила все постановления главнокомандующего [5, с. 135-136] и назначила его генерал-губернатором Прусского королевства.

Главная причина столь быстрого и легкого завоевания Восточной Пруссии заключалась в отсутствии в регионе значительных сил противника. Вследствие того, что Фридриху II приходилось вести боевые действия в различных частях королевства, он был ограничен в людских ресурсах. По представлениям прусского короля основные события должны были развернуться на полях сражений в междуречье Одера и Эльбы. По этой причине 30-тысячной армии генерала Левальда пришлось покинуть пределы Восточной Пруссии и отправиться на главный театр военных действий, где и должна была решиться судьба королевства [4, с. 100]. Таким образом, вся провинция оказалась брошенной на произвол судьбы. Стоит отметить и недооценку возможностей русской армии, к которой король Пруссии относился с явным пренебрежением. Он считал Россию отсталым государством, не способным на крупные военные успехи: «Эта нация покрыта ржавчиной варварства, она <...> воображает, что она имеет уже некоторое значение» [6, с. 517]. Окрыленный победами при Росбахе и Лейтене и уверовавший в силу прусского оружия, Фридрих II не верил в способности русских военачальников, считая, что Россия не готова к проведению сложной операции в зимний период [7, с. 17-18].

В историографии нет единого мнения о том, какое место занимала Восточная Пруссия в планах России. Дореволюционный историк П.В. Безобразов [8, с. 255] и его современные коллеги П.П. Черкасов [9, с. 294] и М.К. Чиняков [10, с. 87], которые основываясь на сообщениях французских дипломатов, считали, что под напором Версаля российская императрица в 1760 г. отказалась от намерения присоединить провинцию к Российской империи. Большинство же исследователей (А.И. Тургенев [11, с. 142], М.Ю. Анисимов [12, с. 151] и др.), опираясь на дипломатические документы русского правительства, сообщают, что еще до начала Семилетней войны в Петербурге строили планы по захвату Восточной Пруссии для последующего обмена ее Польше на Курляндию. Но чтобы подобный обмен состоялся, Восточной Пруссии пришлось бы войти в состав Российской империи. Правовое положение провинции после 1757 г. остается открытым. Но, учитывая тот факт, что русская армия с января 1758 г. не покидала пределов региона, до середины 1762 г. Восточная Пруссия фактически принадлежала России.

Жители Кенигсберга, как и население других районов провинции, спокойно восприняли свое новое положение и, по-видимому, особой неприязни к завоевателям не испытывали. Как видим, российское правительство еще до начала похода рассматривало Восточную Пруссию как будущую часть Российской империи, поэтому особым приказом войскам было запрещено совершать насильственные действия по отношению к местному населению [13, с. 358]. За время четырехлетнего владычества русских в провинции не произошло каких-либо серьезных выступлений против новой власти. Кроме смены высшего должностного лица, в уп-

равлении регионом мало что изменилось. Вполне возможно, что со временем Восточная Пруссия могла бы превратиться в такую же часть империи, как Ливония и Эстония, где бюргерство и дворянство практически полностью было немецким.

Завоевание Восточной Пруссии оказало большое влияние на дипломатию антипрусской коалиции. С одной стороны, венский двор был доволен тем, что часть земель Прусского королевства была захвачена союзниками, с другой – испытывал беспокойство, боясь дальнейшей экспансии русских в Европе. В России были возмущены столь явным нежеланием Австрии поддерживать своего союзника. Вена и Петербург обменялись резкими нотами протеста [3, с. 463]. Французы были встревожены не меньше австрийцев – в Версале не желали дальнейшего продвижения русских войск на запад. Больше всего Людовик XV опасался возможного обмена Восточной Пруссии на польские земли, т. к. целостность Польши для него была важнее всего. Помимо этого, французский король был обеспокоен близостью русских войск к Данцигу.

1762 год выдался для жителей Восточной Пруссии непростым – в течении пяти месяцев они успели побывать под властью нескольких монархов. Петербургский мирный договор, заключенный между Петром III и Фридрихом II 24 апреля 1762 г., возвращал Пруссии все территории, завоеванные Россией во время Семилетней войны. Два месяца спустя, взошедшая на престол Екатерина II, объявила договор недействительным; таким образом, Восточная Пруссия снова вошла в состав Российской империи. И только 23 августа, после того как русская армия, застрявшая в Силезии, благополучно вернулась домой, Восточная Пруссия окончательно была возвращена прусскому королю.

Библиографический список

1. Из черновых писем графа М.Л. Воронцова к графу В.В. Фермору // Архив князя Воронцова. 1873. Т. 6.
2. Румянцев П.А. Документы: в 3 т. 1953-1959. Т. I. 1756-1763.
3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М., 1963-1965. Кн. 12.
4. Рамбо А. Русские и пруссаки: История Семилетней войны. М., 2004.
5. Архенгольц фон И.В. История Семилетней войны. М., 2001.
6. Неизданные письма Фридриха Великого о его отношениях к России / Под ред. Н.А. Беловой // Русская старина. 1915. Кн. 1. Вып. 3.
7. Масловский Д.М. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 2. М., 1888.
8. Безобразов П.В. О сношениях России с Францией. М., 1892.
9. Черкасов. Елизавета Петровна и Людовик XV. М., 2010.
10. Чиняков М.К. Россия (СССР) в «коалиционных войнах» от Тридцатилетней войны до Второй мировой: к постановке проблемы // Национальная безопасность / NotaBene. 2010. № 6.

11. Тургенев А.И. Российский двор в XVIII в. СПб., 2005.

12. Анисимов М.Ю. Восточная Пруссия в российских планах в годы Семилетней войны (1756-1763 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16. 2014. № 3.

13. Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 2005.

А.А. Агапова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.Т. ЗОЛОТНИЦКОГО В УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ 1767–1774 ГГ.

Развитие русской литературы и периодической печати в середине XVIII века, во многом за счет покровительства монархии, способствовало использованию текста в качестве демонстрации интеллектуального капитала для завоевания внимания вышестоящих лиц на государственной службе. Одним из авторов, который с помощью своих произведений и переводов продвигался по карьерной лестнице, был писатель и член Уложенной комиссии 1767-1774 гг. Владимир Трофимович Золотницкий. В 1760-1762 гг. Золотницкий получил философское образование в Московском университете, где впервые опубликовал переводы нравоучительных басен, и по окончании обучения был переведен преподавателем немецкого языка в Сухопутный шляхетский корпус [1, с. 258]. К моменту Уложенной комиссии Золотницкий, начиная с июня 1765 г., служил секретарем у П.И. Панина, которому посвятил свое сочинение «Общество разнородных лиц, или Рассуждение о действиях и нравах человеческих» и позже, в 1767 г., оду по случаю пожалования в графы. Данный сборник рассуждений, а также произведения, посвященные проблеме бессмертия души (1768; 1780), свидетельствуют о влиянии и рецепции философского курса Просвещения на мировоззрение Золотницкого.

В статье предлагается осветить проект Золотницкого о начальном и среднем образовании в Уложенной комиссии 1767-1774 гг. Этому этапу разработки реформы предшествовали обсуждения конца 1750-х – начала 1760-х гг., после создания Московского университета и гимназии при нем. В данный период было предложено две точки зрения на организацию учебного процесса: М.В. Ломоносов отстаивал бессловный подход в обучении, отдавая предпочтение индивидуальным способностям учащихся; И. И. Бецкой и образовательная комиссия 1764-1767 гг. рассчитывали на повсеместное заведение сословных пансионов, что было частично воплощено в Смольном институте благородных девиц и Воспитательном доме, созданных по инициативе Бецкого в том же 1764 г. Ко-

миссией был составлен «Генеральный план гимназий, или государственных училищ», предполагавший четыре вида пансионов: ученые, военные, гражданские и купеческие [4, с. 276]. Однако к моменту созыва Уложенной комиссии Екатерина разочаровалась в попытке воспитания «новой породы» людей, и специальной комиссии было поручено проектирование публичной системы образования [3, с. 68].

В.Т. Золотницкий был избран членом комиссии «о училищах и призрения требующих» в мае 1768 г. и покинул ее в 1769 г., отправившись в действующую армию с началом Бендерской кампании [5, с. 98]. Кроме образовательной комиссии, Золотницкий участвовал в обсуждении законопроекта «правам благородных», где выступал с замечаниями к тексту комиссии «о государственных родах». Предложение Золотницкого – краткий план и его расширенный проект – является наиболее подробным из имеющихся в архивном деле комиссии «о училищах и призрения требующих» и именно оно легло в основу общего проекта о нижнем и среднем образовании (комиссия не приступила к обсуждению высших учебных заведений). Золотницкий так же, как и авторы «Генерального плана», исходит из первостепенного значения воспитания добродетелей в подданных. Согласно проекту члена комиссии, нижнюю ступень системы образования составляют воскресные школы для крестьян, среднюю – одиннадцать «меньших» и четыре «больших» гимназий [2, с. 118-120]. Обязанности священника по отношению к крестьянам ограничены устным наставлением в следовании православному закону, повиновении своему помещику и действующей власти; Золотницкий не исключал обучение письму и арифметике, но советовал не отвлекать земледельцев от работы в поле [2, с. 181]. В отношении средней ступени обучения Золотницкий и другие члены комиссии объединяют светские и духовные гимназии, сохраняя при этом профильное и сословное деление [2, с. 253]. Учебные материалы как в начальных школах, так и в гимназиях должны быть «сколь можно сокращенные», позволяющие освоить знания без «схоластических тонкостей» [2, с. 153]. Кроме этого, оба проекта предполагают производство в чины по окончании гимназий в соответствии с сословным статусом, в чем проявляется мобилизационный характер будущей реформы [2, с. 211].

Таким образом, можно выделить следующие базовые функции системы образования на момент окончания работы комиссии: контроль за поведением подданных посредством воспитания общих добродетелей и воспроизводство социальной стратификации на основе сословного подхода к учебной программе.

Изучение политического лексикона В.Т. Золотницкого, используемого им как при переводе европейских сочинений, так и в обсуждении проектов Уложенной комиссии, кажется перспективным для истории понятий. Пониманию значения участия Золотницкого в комиссии для

его служебной карьеры может способствовать восстановление его интеллектуальной биографии, что является перспективой дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Императорский Московский университет, 1755-1917: энциклопедический словарь. М., 2010.
2. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII-XIX веках: Прил. к «Очеркам по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках». Т. 1. СПб., 1910.
3. Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения Екатерины II: Первоначальный конспект наказа, источники, переводы, тексты / изд. подг. Н.Ю. Плавинской. М., 2018.
4. Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. Том 1. СПб., 1912.
5. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 32.

Л.Г. Мкртчян

Самарский национальный исследовательский университет

АРМЯНСКАЯ ГОРА И АРМЯНЕ САМАРСКОГО КРАЯ В XVIII В.

Первые сведения об армянской диаспоре Самарского края относятся ко второй половине XVIII в. Иван Лепехин в своих записках под датировкой от 17 мая 1769 года описывает Усольские горы, где упоминает так называемый «Армянский крутец», который сомкнулся с Соколей горой в Жигулях. «За Армянским крутцом через глубокое ущелье возвышалась Грунина гора; а за сею Молодецкий курган», — пишет И. Лепехин [1, с. 323]. Затем он дает объяснение данному названию: «Армянский крутец называется от Армян, взбунтовавшихся некогда в Астрахани и засевших на сей горе. Бывшего у них тут укрепления еще и поныне видны остатки» [1, с. 323]. Автор источника не имеет сведений о том, когда именно было построено это укрепление.

Однако из истории армянской общины Астрахани известно, что в 1740-гг. жители Армянской слободы Астрахани, преимущественно купечество, вели активную борьбу за свои привилегии, которых они лишились в 1745 г. по указу Сената астраханскому магистрату [4, с. 55]. За непокорность власти армянские купцы подверглись аресту и гонениям, а невыгодное экономическое положение еще больше способствовало их отходу из Астрахани.

1768-1769 годами датируются и «Путевые записки академика П.С. Палла-са о Самарском крае», где он описывает глубокую долину (или широкий

буерак) в Жигулевских горах, простиравшуюся к Волге. «Помянутая долина по стоявшему там прежде сего кабаку называется Кабацким оврагом, а гора Кабацкою горою, которая для некоторого нового случая и Армянскою проименована. Вся страна заросла частым мелким лесом, в котором много находится медведей, коих следы и мы находили», — так описывает Армянскую гору П.С. Паллас, добавляя, что она была очень высокая [2, с. 215]. Помимо этого, гора была неприступна с восточной и северной стороны в силу утесистых боков. Это наводит на мысль о том, что «взбунтовавшиеся армяне Астрахани», как называл их Иван Лепехин, скрывались в горной долине довольно тщательно, обеспечивая себе безопасное существование.

В географическом справочнике начала XX в. также упоминается об Армянской горе: «...Близ села Усолья находится также другая гора, получившая название от стоявшего прежде на ней кабака — Кабацкой (иначе Армянской). Гора эта высока и со стороны Волги утесиста, состоит из известковой опоки; на вершине ее находятся остатки укрепления, имевшего в окружности до 500 саж.» [3, с. 412].

По свидетельствам из источников можно сделать вывод о том, что армяне населяли Жигулевские горы в XVIII в., после чего покинули свои укрепления. При этом сохранялись топонимы «Армянская гора» и «Армянский крутец» (долина), свидетельствующие о временном пребывании армянского населения на самарской земле. Площадь поселения на горе составляла 1 км.

Таким образом, первая армянская диаспора Самарского края появилась в XVIII в. Она представляла собой небольшую общину купцов-переселенцев из Астрахани, которая временно населяла Самарскую Луку, а затем ее покинула. Сопоставление и сравнение данных об Армянской горе из исторических источников позволяет сделать вывод, что она находится близ сел Березовка и Усолье Шигонского района Самарской области на берегу Куйбышевского водохранилища, недалеко от города Тольятти.

Библиографический список

1. Дневниковые записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768-1769 году. СПб., 1771.
2. Путевые записки академика П.С. Палласа о Самарском крае. 1768-1769 гг. // Самарское Поволжье с древности до конца XIX века. Сборник документов и материалов / Под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2000.
3. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. Т.6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье / Под ред. В.П.Семенова. СПб., 1901.
4. Юхт А.И. Правовое положение астраханских армян в первой половине XVIII века // Известия Академии наук Армянской ССР. Ереван, 1960. № 12. С.47-60.

**ПОЛОЖЕНИЕ И ОБЯЗАННОСТИ УЧЕНИКОВ ГОРОДСКИХ
РЕМЕСЛЕННИКОВ В КОНЦЕ ХVIII – СЕРЕДИНЕ ХIХ ВВ.:
МАТЕРИАЛЫ СЕРГИЕВСКОГО ПОСАДА**

Проблемы истории обучения и воспитания ХVIII – первой половины ХIХ веков, вопросы о месте опыта и традиций той эпохи в современном образовании являются актуальными для исторической науки. Об этом говорит обращение к ним в исследованиях, осуществленных за последние годы, как на общероссийские сюжеты [4], так и на региональные [3].

Интересно и полезно узнать, как и чему учились наши предки, в том числе проанализировать положительные и негативные особенности процесса профессионального обучения. В качестве объекта сообщения избраны источники о положении и обязанностях учеников городских ремесленников Сергиевского посада в дореформенной России. В ХVIII–ХIХ вв. жители часто отдавали детей мастерам для обучения какому-либо ремеслу и профессии. Об этом сохранилось немало документов ратуши Сергиевского посада, в т. ч. контрактов с условиями обучения, выявленных Н.А. Четыриной [7].

Следует определить, что в то время означали понятия «ремесло» и «ремесленник». А.В. Келлер отмечает, что на языке рассматриваемой эпохи ремесленником называли мастера в каком-либо ремесле или в каком-либо профессиональном деле. Соответственно, ремесло – это дело, профессия или мастерство. Синонимами ремесла и ремесленника являются слова художество и художник, «которые, в свою очередь, совпадают со значением искусства». Поэтому ремесленника также могли называть искусником [6, с. 103].

Внесенное в Жалованную грамоту городам 1785 года «Ремесленное положение» (123-я статья, пункты 1–117) достаточно подробно описывало и регламентировало отношения мастеров и учеников [1, с. 369–379]. Мастеру полагалось учить хорошо и порядочно, относится к ученику снисходительно, без причины не наказывать и не обременять лишней и не ремесленной работой. Ученик должен был быть порядочным, верным, послушным, учтивым к мастеру и его семье [5, с. 230].

Однако точный формуляр договоров и контрактов об обучении, их содержание не были строго регламентированы. Каждый документ является особенным, отличным от других. В документах указывались разные условия обучения, а где-то эти условия не были указаны и, видимо, дополнялись устными договоренностям или следовали обычаю.

Характерным примером может служить запись контракта 1796 года мещанина Ивана Дружинина об отдаче сына Ивана купцу Никите Же-

мочкину для обучения серебрено-мелочному мастерству. В этом документе указаны следующие условия обучения. Иван отдавался в обучение на 8 лет, купец должен был обеспечивать его одеждой и едой. Ученик обязывался жить честно и добропорядочно, не отлучаясь никуда без дозволения купца [2, с. 153].

Подобного рода документы подписывались и заверялись в ратуше Сергиевского посада. Их анализ показывает, что в большинстве случаев детей отдавали на учебу периодом от 3 до 5 лет [2, с. 153–212]. Однако были и исключения, как в вышеуказанном восьмилетнем контракте.

Одеждой и едой ученика почти всегда обеспечивал мастер. Плата за обучение и содержание не всегда оговаривалась, но обычно составляла 5 руб. в год. Вместе с тем нередко сам мастер платил родителям ученика эту сумму, о чем также встречаются записи в контрактах [2, с. 157, 165].

Исходя из специализации на российском рынке ремесленников Сергиевского посада, который «стал символом кукольного производства» [8, с. 172], детей здесь чаще всего отдавали в обучение игрушечному мастерству. Однако круг обучения ремеслам был более разнообразным.

Среди востребованных ремесел были токарная и столярная работа, обработка драгоценных металлов, например, серебряное «мелочное мастерство» или ковка сусального золота. Имелся также спрос на обучение различным видам декоративного искусства, например, раскрашиванию кукол или росписи фарфоровых чашек [2, с. 166–170, 178–180].

Порядок обучения ремеслам был совсем другим, нежели в нынешних образовательных учреждениях профессионального образования. Детей отдавали в чужой дом на содержание и обучение на несколько лет к мастеру, который занимался не с большой группой учеников, а с одним или несколькими. Отношения между учениками и мастерами были более тесными и патриархальными, чем в наше время, ведь наставник-ремесленник не просто учил своих учеников, он фактически включал их в свою семью, и как ее глава получал право их наказывать и пользоваться их трудом. В ту эпоху данные взаимоотношения считались вполне нормальными. В целом рассмотренный порядок обучения выполнял функцию передачи специальных знаний и навыков мастерства. Среди сохранившихся документов, которые регулировали такие взаимоотношения, материалы ратуши Сергиевского посада обладают высокой степенью информативности и достоверности.

Библиографический список

1. Грамота на права и выгоды городам Российской империи. 21 апреля 1785 года // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е]. Т. 22. СПб., 1830. С. 358–384.

2. Профессиональное обучение мастерству // Четырина Н.А. «Для науки кукольного мастерства»: художественные промыслы в документах ратуши Сергиевского посада (1796–1864 гг.). М.: АИРО-XXI, 2015. С. 153–212.

3. Артамонова Л.М. Деревянная голова Минервы. Самарское общество и народное просвещение при Александре I // Родина. 2011. № 7. С. 86-88.
4. Артамонова Л.М. Просвещение и социальная эмансипация в представлениях элиты эпохи Екатерины II: от «культурного шока» – к модернизационным практикам // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 2. С. 525-538.
5. Келлер А.В. Становление и развитие ремесленного образования в Санкт-Петербурге XVIII-XX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 227-240.
6. Келлер А.В. Терминология российского городского ремесла XVIII – XIX веков // Россия XXI. 2017. № 3. С. 100-124.
7. Четырина Н.А. Книги записи условий и контрактов ратуши Сергиевского посада о кукольном промысле в кон. XVIII – нач. XIX вв. // Вторые Бартамовские чтения. Международ. науч.-практ. конф.: сборник материалов. Сергиев Посад: Художественно-педагогический музей игрушки, 2008. С. 137-145.
8. Четырина Н.А. Сергиевский посад и кукольный промысел в конце XVIII века // Отечественная история. 2003. № 4. С. 172-177.

А.В. Кирилук

Самарский национальный исследовательский университет

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ОРГАНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

За последние два десятилетия возрастает интерес к символам, эмблемам и прежде всего к гербам, который можно объяснить возрождением многих исторических традиций [5. с. 2]. Это обуславливает необходимость изучения сведений и объяснения смысла исторической и политической целесообразности знаков государственного суверенитета.

Нами был рассмотрен период с XV по XIX в. и проведен анализ истории появления двуглавого орла в качестве государственного символа, рассмотрены этапы видоизменения российского герба и появления частных гербов, а также исследована должность и функции государственных служащих, которые занимались геральдикой. Также мы проанализировали и изучили историю создания Петром Великим Геральдической системы, деятельность первых геральдистов в России (Фридерик Гизен, Франц Санти, С. А. Колычев), внешние преобразования герба эпохи правителей XVIIIв. и рассмотрели историю создания городских и дворянских гербов.

Итак, с XV по XVII века геральдической, преимущественно государственной, деятельностью занимались царские печатники, находившиеся на службе Печатного и Посольского приказов. Известны имена многих печатников, игравших видную роль при дворах великих князей и царей Всея Руси – Ивана Михайловича Висковатова, Романа Васильевича Олферьева, Андрея и Василия Яковлевичей Щелкаловых, однако до сих пор

никто еще не рассматривал герольдмейстерский аспект их деятельности [4 с. 113]. Печатники отвечали за сохранность великокняжеской печати, в ходе дипломатических переписок с другими государствами они должны были разбираться в вопросах символики, соответственно имели прямое отношение к появлению и видоизменениям царских и государственных символов. Говорить о юридически закрепленной геральдической службе пока рано, но знания печатников в этой области вполне соответствовали своему времени. Государственный чин царские печатники, а ныне герольдмейстеры, приобретают в первой четверти XVIII века. Тогда же создается государственный геральдический орган – Герольдмейстерская Контора, функции которой заключаются в организации дворянской службы, видоизменении государственного символа согласно правилам гербоведения, разработке, создании и учреждении городских и дворянских гербов.

В первой половине XIXв. был создан «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи», что стало важным актом, призванным придать российской родовой геральдике законченность и систему [2, с. 1]. Также геральдические службы изменяли свой юридический статус и структуру, но их функции и полномочия оставались неизменными. Во второй четверти XIXстолетия полномочия геральдических органов были сосредоточены на организации дворянской службы. Что касается видоизменений гербового орла, то в период правления Павла II Александра Iони были обусловлены личными симпатиями государей, но во время царствования Николая Iразвитие герба происходило в духе «охранительных идей», направленных на укрепление России [1, с. 76].

Во второй половине XIXвека наступил новый этап оживления интереса к городской геральдике. Мы проанализировали деятельность выдающихся геральдистов Российской Империи (барон Б.В. Кене, П.П. фон Винклер, А. П. Барсуков, В. К. Лукомский), которые не только хорошо разбирались в законах геральдики, но и стремились к улучшению геральдической деятельности в России [3, с. 17]. Государственный символ Российской империи лишь при Александре IIобрел свой окончательный вид, передавая силу Российского государства.

Подводя итоги, мы можем говорить о том, что геральдические структуры являлись важнейшей единицей государственной службы. Именно они занимались в начале своей истории закреплением документов царской печатью с изображением государственного герба как символа государственной власти, а позже разработкой и учреждением дворянских гербов, городских и областных, видоизменением государственного герба и, конечно, организацией дворянской службы и контролем за ней.

Библиографический список

1. Вилинбахов Г.В. Государственная геральдика в России: теория и практика. Докт. дис. в форме науч. докл. СПб., 2003.

2. Думин С.В. Право на родовой герб в свете российских законов и традиций // Собрание по вопросам личной (родовой) геральдики в России. СПб., 23.02.1999.

3. Наумов О.Н. Отечественная историография геральдики. Ч. 1. М., 2003.

4. Силаев А.Г. Истоки русской геральдики. М., 2003.

5. Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006.

Н.С. Тулупов

МАОУ лицей г. Бор

ТОРГОВЛЯ В ПОВОЛЖЬЕ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ ХОЛЕРЫ 1830 ГОДА

Распространение холеры всегда совпадало с направлением путей передвижения человека, а скорость ее движения зависела от скорости и интенсивности сношения... [1, с. 248]. Архивные документы свидетельствуют о значительном числе заболевших (131 человек) среди людей «не принадлежащих Нижегородской губернии, но находившихся в одной по торговле» [5, л. 112]. Поэтому одной из первых мер «Центральной комиссии для прекращения холеры» был указ о борьбе с болезнью от 12 сентября 1830 г. В губернии, прилегающие к Поволжью, были посланы предписания «...сделать оцепление губерний и принять нужные меры к удержанию дальнейшего хода болезни холеры...». Несмотря на оцепление, болезнь быстро распространилась по всей территории России, через неделю были изданы правила для «внутреннего оцепления пораженных холерой мест». Вышло распоряжение министра внутренних дел графа Закревского об оцеплении губерний внутренними аванпостами и заставами со строжайшим предписанием никого не впускать и не выпускать из оцепленных мест без особого разрешения и 14-ти дневной обсервации [4, с. 217]. Таким образом, нарушались сложившиеся веками экономические связи, подвоз хлеба в центральные губернии почти прекратился. Стоимость продуктов питания в оцепленных местах значительно возросла. Хлеб являлся для крестьянина не только основным продуктом питания, но и главным рыночным товаром. Деньги от его продажи шли на уплату налогов, на хозяйственные и бытовые нужды [3, с. 19]. В условиях усугубляющегося экономического и социального кризисов правительство обеспокоилось возможностью начала настоящего голода и социальных взрывов. Тогда карантинным заставам и внутренним оцеплениям предписывалось, чтобы «имеющие надлежащие свидетельства, что они следуют из благополучных мест и о том паче крестьяне, везущие в такие места на продажу свои продукты не были нигде задерживаемы» [2, оп. 1. д. 50. л. 8].

22 октября распоряжение от министра внутренних дел о свободном сообщении между губерниями получили Тамбовский и Рязанский Гражданские губернаторы. 30 октября – Воронежский, Орловский, Тульский, Владимирский [2, оп. 1. д. 50. л. 10] и Курский [2, оп. 1. д. 50.л. 22] губернаторы. Учитывая недовольство крестьянского населения, в открытии свободного сообщения между населенными пунктами были заинтересованы и местные власти. В одном из прошений о возобновлении сношений с Тамбовской губернией Рязанский губернатор пишет: «снятие оцеплений не только будет полезно для жителей обоих Губерний, но и весьма нужно для подвоза продовольственных припасов в столичный город Москву» [2, оп. 1. д. 50. л. 14 об.]. 30 октября «эпидемическая болезнь Холера в городе Нижнем Новгороде прекратилась, по сему ... оцепление с города снято с соблюдением некоторых предосторожностей» [2, оп. 1. д. 50. л. 34]. Эти предосторожности заключались, прежде всего в том, что «если в Губерниях появится зараза, то Губернаторы ... обязаны немедленно сделать оцепление со стороны неблагополучных губерний ...» [2, оп. 1. д. 50. л. 45], это же касалось и сношений между уездами и даже отдельными деревнями. Несмотря на возможность распространения болезни граф Закревский 12 ноября дает распоряжение о снятии карантинных оцеплений и свободной торговли с трех наиболее крупных торговых губерний – Нижегородской, Тамбовской и Казанской [2, оп. 1. д. 50. л. 71]. Несмотря на это «Комиссия...» признавала, что холера передается «посредством людей, товаров и вещей, принявших в себя заразу, при способствующих тому обстоятельствах, холера заносится и завозится из зараженных мест в благополучные». Поэтому единственным вариантом для возобновления торговли было названо очищение товаров и окуривание платьев крестьян. Признавалось «необходимым подвергнуть сему не только действительно зараженные товары и вещи, привезенные из Нижегородской ярмонки и прочих неблагополучных мест, но вообще все находящиеся в открытых лавках во время холеры» [2, оп. 1. д. 82. л. 10-11]. В декабре 1830 года министр внутренних дел рапортовал: «Эпидемическая болезнь Холера в Московской Столице находится в весьма слабом виде ... я убежден, что ... зараза не многим распространится дальше... Рязанскому, Тульскому, Калужскому, Смоленскому Губернаторам ... на границе четырех губерний против Московской губернии оцепления снять» [2, оп. 1. д. 82. л. 114].

Таким образом, с начала эпидемии холеры не прошло и полугода, а большинство ограничений уже было снято. Во многом эту ситуацию предопределило ухудшающееся продовольственное положение в провинциях, когда содержание карантинных осуществлялось за счет изъятия продовольствия у местного населения, что порождало массовые недовольства. Так, вследствие возникшего требования от Начальствующего в ка-

рантине в Лукояновском уезде Нижегородской области, на счет продовольствия людей, не имеющих средств к пропитанию себя, Нижегородский вице-Губернатор разрешил Лукояновскому Предводителю Дворянства «займствовать хлеб на продовольствие у жителей Лукояновского уезда, с обозначением самой умеренной цены, и потом за тот хлеб производить взыскание с тех задержанных людей, в местах их жительства» [2, оп. 1. д. 38. л. 55]. При этом министр внутренних дел обязал иметь при каждом запасе припасы, смотрителей застав снабдить шнуровыми книгами на записку расходуемого продовольствия, немедленно по окончании обсервации сделать сношения о взыскании и возмещении издержек. Учитывая всевозможные злоупотребления, было вынесено решение: «продовольствие задержанным людям на обсервационных заставах производить заимообразно в таком только случае, когда действительно они не будут иметь собственных к тому способов» и «людям достаточным, имеющим возможность довольствоваться самим, предоставить возможность получать все припасы, не доводя их до малейшего стеснения» [2, оп. 1. д. 38. л. 56-56 об.].

Таким образом, мы можем говорить о том, что приостановка торговых отношений в период лета-осени 1830 года вынудили правительство и губернские власти пойти на снятие большинства ограничений в передвижении населения, что предопределило дальнейшее распространение болезни зимой-весной 1830 года и повлияло на резкий рост заболеваемости в 1831 году.

Библиографический список

1. Васильев К.Г., Сегал А.Е. Холерные годы // История эпидемий в России (материалы и очерки). М.: ГИМЛ, 1960.
2. Российской государственной исторической архив (РГИА). Ф. 1301.
3. Тарасова И. А. К вопросу о деятельности министерства внутренних дел Российской империи по управлению системой продовольственного обеспечения населения в первой половине XIX века // Бизнес в законе. 2012. № 4.
4. Тулупов Н.С., Красовский А.В. Организация проведения профилактических мероприятий на транспортных магистралях в условиях эпидемии холеры (исторический опыт Нижегородской губернии) // Безопасность дорожного движения как одна из важных социально-экономических и демографических задач Российской Федерации (сборник научных статей по итогам межвузовского круглого стола). Новое время. 2020.
5. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 5. Оп. 45. Д. 31.

«СВОБОДА РУК» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

Одной из внешнеполитических тактик российской дипломатии в конце XVIII – начале XIX в. стала «свобода рук» – политика нейтралитета в отношении международных конфликтов, т.е. отказ от военно-политических союзов с какой-либо из противоборствующих сторон. Ее базовыми положениями в последние годы правления Екатерины II стали:

1) Нейтральный статус в конфликте между революционной Францией и державами I антифранцузской коалиции при безусловной моральной и декларативной, но потенциально возможной и материальной поддержкой [4, с. 46-47];

2) Смещение фокуса внешней политики России на охрану собственных границ от посягательств соседей и распространения «революционной заразы», освоение имперского наследия в виде тех территорий, которые отошли к России в результате военных и дипломатических акций Петербурга в XVIII веке [3, с. 111-112].

Однако в 1789-1796 гг. политика «свободы рук» как один из инструментов российской дипломатии только формировалась. Так, в годы существования конституционной монархии, а затем якобинской диктатуры повергнутые в ужас и страх перед распространением идей и лозунгов революции по Европе традиционные монархии Старого Света, в том числе и Россия, еще руководствовались в своих действиях принципом легитимизма, веруя, что совместными силами им удастся откатить ситуацию назад, военной силой свергнуть республиканский институты власти и реставрировать династию Бурбонов на французском престоле [2]. Но фактическое поражение коалиции в войне, череда сепаратных мирных договоров пошатнули надежды на реставрацию.

Дальнейшие события 1796-1797 гг. были первой проверкой на прочность тех внешнеполитических взглядов императора Павла I, которые формировались у него на протяжении 70-90-х годов и которые вполне соответствовали принципам «свободы рук». Придя к власти, он начал реализовывать свою программу, отказавшись от завоевательной политики своей матери и сосредоточив силы на внутренних преобразованиях. Не предоставив военной помощи антифранцузской коалиции, император попытался выступить в качестве посредника в дипломатическом разрешении европейского конфликта, пытаясь остановить французскую экспансию и восстановить равновесие на континенте исключительно мирными средствами. В своем решении он следовал идеи о том, что никакие связи и обязательства «никогда не должны заставлять забывать прямого

государственного интереса» [5, с. XXXVI]. Это значит, что внешняя политика должна стать более гибкой, учитывающей потребности времени и способной приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам.

Понимая, что добиться посредничества возможно только с согласия на это со стороны Франции, он сделал шаг на сближение, вступив с ней в переговоры. Но республика воспользовалась инициативой русского царя для легкой победы над обескровленной и лишенной поддержки Австрии. Именно поэтому всеобщее примирение не входило в сферу французских интересов. К осени 1797 года стало понятно, что политика умиротворения окончательно провалилась.

Возвращение преемника Павла I на российском престоле — Александра I — к политике «свободы рук» было продиктовано теми же мотивами, что и у его предшественника: истощением людских и материальных ресурсов и необходимостью сосредоточиться на внутренних преобразованиях [6, с. 243-244]. Однако в отличие от 1796-1797 гг. к причинам отказа от возвращения в антифранцузскую коалицию добавился внешнеполитический фактор — фактический разгром бывших союзников, к 1801 г. принужденных французами к прекращению боевых действий. В то же время одних английских субсидий для противостояния Наполеону Бонапарту было явно недостаточно.

Стоит особо подчеркнуть, что «свобода рук» в условиях конца XVIII — начала XIX в. не означала полную изоляцию от внешнего мира. Более того, реализация этой политики в российском варианте предусматривала активную дипломатическую позицию и неоднократные попытки сохранить мир в Европе путем оказания посреднических услуг в переговорах между воюющими державами и сохранения целостности территорий малых государств Европы. Это было необходимо для того, чтобы не допустить чрезмерного усиления какой-либо державы и увеличить собственный престиж на международной арене как защитницы «слабых» от посягательств сильных мира сего [1, с. 96-101].

Принципы, заложенные в основу «свободы рук», не стали и не могли стать постоянно действующей позицией российской дипломатии. На наш взгляд, это объясняется самим геополитическим положением России, являвшейся огромной континентальной империей, масштабом своей территории вынужденная претендовать на роль ведущей региональной и мировой державы. Александр I, вернувшись к политике невмешательства, рассчитывал на то, что Англия и Франция, крупнейшие государства Европы, в продолжительном противостоянии ослабят друг друга, что позволит установить нарушенное революционными войнами равновесие сил, а России — снять угрозу экспансии Парижа на Восток, которая непосредственно затрагивала бы интересы Петербурга по сохранению спокойствия на собственных рубежах. Продолжение экспансионистской политики Бонапарта в очередной раз доказали, что сохранение наполеоновской

антисистемы международных отношений, в конечном итоге, подрывает ее традиционный политический строй в форме абсолютной монархии, угрожает внутренней стабильности в империи, распространяя опасные для благосостояния дворянского сословия идеи социального равенства, а также экономическому положению, нарушая интенсивные связи России с ее главным торговым партнером – Великобританией. Данные факторы означали неизбежность решающей схватки с империей Наполеона – единственно возможным способом сохранения России как геополитического субъекта.

Библиографический список

1. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел: Серия первая 1801-1815 гг. Т. 1. М., 1960.
2. Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. М., 2012.
3. Записка Екатерины II «О мерах к восстановлению во Франции королевского правительства». URL: <https://www.history.ru/content/view/1224/87/>
4. Иголкин И.Ю. Российско-французские отношения в конце XVIII – начале XIX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2010.
5. Томсинов В.А. Законодательство императора Павла I. М., 2008.
6. Федин А.В. Англо-русские отношения вокруг Великой Французской революции: дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2001.

В.А. Торунов

Самарский национальный исследовательский университет

ЧЕРНОМОРСКИЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Крымская война (1853-1856 гг.) является одним из центральных событий в истории России XIX века. Многие историки и историографы на протяжении нескольких десятилетий, так или иначе, обращались к этой теме, охватывая тот или иной ракурс данной военной кампании. Поскольку Крымская война является достаточно большим полем для исторических исследований, то главным объектом настоящего исследования является черноморский театр военных действий Крымской войны в отечественной историографии.

Непосредственно, главным событием черноморского театра военных действий Крымской войны является знаменитое Синопское сражение, состоявшееся 18 (30) ноября 1853 года и ставшее последним сражением в истории российского парусного флота. Оно обессмертило имя П.С. На-

химова, не имевшего в своем послужном списке иных крупных морских побед. Вместе с тем, Синопская баталия преподносилась как иллюстрация военного превосходства России над Турцией. С другой стороны, она служила диссонансом с последующим затоплением русского флота перед лицом англо-французской эскадры, обнаруживая техническое отставание империи Николая I от ведущих стран Запада. В связи с этим возникает вопрос: как отечественная историография трактует эту победу российского флота?

Высоко оценивая Синопскую победу, Н.Ф. Дубровин, вместе с тем, приводил информацию, бросающую тень на действия русского командования. Симпатизировавший В.А. Корнилову А.С. Меншиков желал, чтобы именно тому достались лавры победителя. Между В.А. Корниловым и П.С. Нахимовым давно велось соперничество, подогреваемое личной неприязнью друг к другу. В.А. Корнилов спешил к месту дислокации русского флота, чтобы возглавить руководство им. Это мотивировало П.С. Нахимова к оперативным действиям, в результате которых В.А. Корнилов явился с опозданием. Таким образом, стремительная атака русской эскадры была предопределена не только военно-тактическими соображениями, но, и интригами генералитета [3].

П.В. Алабин объяснял неблагоприятное, заранее проигрышное расположение турецкого флота в Синопской бухте, не столько просчетами Осман-паши, сколько неэффективностью рекогносцировки второй турецко-египетской эскадры в Черном море. Ей вменялось в задачу предпринять отвлекающий маневр, предотвращавший нападение русского флота на попавшие в бурю, а потому и укrywшиеся в Синопской бухте суда Осман-паши. По какому-то недоразумению флотилия П.С. Нахимова ей не была обнаружена. Высшему турецкому и союзническому командованию докладывалось, что А.С. Меншиков, по-видимому, не отважится вывести флот в море. Таким образом, фактор внезапности предопределил русскую победу при Синопе [1].

Е.В. Тарле считал фатальной причиной неудач в сущности неплохого турецкого флота отсутствие в нем дееспособных адмиралов. В битве при Синопе Осман – паша, таким образом, расположил свои корабли, что они мешали ведению огня с береговых батарей. Таким образом, сам же турецкий адмирал сводил на нет преимущества наличия в его распоряжении береговой артиллерии. Впрочем, оговаривается историк: «Гений русского флотоводца и первоклассный по своей боевой морали и выучке состав экипажей его эскадры справились бы со всеми препятствиями, даже если бы турецкое командование оказалось более дееспособным» [5].

Другим событием черноморского театра военных действий Крымской войны, считающимся дискуссионным в истории, является затопление судов на рейде в Севастополе. На военном совете 9 сентября 1854 года вице-адмирал В.А. Корнилов предлагал следующий план действий: выйти

в море и атаковать союзный англо-французский флот. При удаче этой операции союзники бы были лишены продовольствия и подкреплений, а при неудаче Корнилов предлагал взорвать себя и часть неприятельского флота. Однако члены военного совета во главе с главнокомандующим А.С. Меншиковым не одобрили столь рискованный план, поскольку кораблей защитников было вдове меньше неприятельских и к тому же, они все были парусными. Более того, противники плана Корнилова были уверены в том, что в случае возможной победы над противником, союзники, сумев привлечь подкрепление, смогли бы ворваться в Севастополь. Поэтому, было в итоге решено затопить старые корабли на фарватере и усилить гарнизон за счет их экипажей [3].

М.И. Богданович и Н.Ф. Дубровин подчеркивали, что затопление русских судов было вызвано не техническим превосходством боевых единиц флота союзников, а его численным перевесом. Оба историка указывали, что обсуждался и корниловский план принятия жертвенного боя в открытом море, свидетельствующий о высоком воинском духе российских моряков [2].

Н.С. Милошевич в своих «Записках севастопольца» также указывает на правильность, выбранных на военном совете действий защитников города, но, не отрицая при этом возможный результат рискованного плана Корнилова. При этом Милошевич выделяет тот факт, что при Корнилове – первом руководителе обороны – все население город от матросов и солдат до женщин и детей по приказу адмирала в кратчайшие сроки возвели укрепления на подступах к Севастополю. Таким образом, за полмесяца (сентября) были вооружены батареи на важнейших пунктах [4]. Разбирая аргументы за и против затопления русского флота, следует уточнить, что он и не был затоплен. Из находящихся на Черном море 17 линейных кораблей, 7 парусных и 4 паровых фрегатов, 10 пароходов, 65 мелких судов (корветов, бригов, катеров и т.п.) потоплению в Севастопольской бухте подлежало только 7 судов.

Подводя итог, следует отметить, что основные различия во взглядах историков исходят из их определенных взглядов на объект исследования. Тем не менее, они также дают поиск абсолютной истины для анализа данной темы.

Библиографический список

1. Алабин П.В. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854-1856 и 1877-78 гг. М., 1892.
2. Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 гг. СПб., 1876.
3. Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1871-1872.
4. Милошевич Н.С. Из записок севастопольца. СПб., 1904.
5. Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1, 2. 1941-1943.

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСТРОЙКИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ
НА ВОЕННЫЙ ЛАД (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАВОДА
ИМ. МАСЛЕННИКОВА В 1941-1942 ГГ.)**

На основе архивных документов проанализированы направления деятельности партийного комитета завода №42 и выявлены факторы, отрицательно влияющие на выполнение поставленных задач по изготовлению военной продукции перед предприятием. Исходя из цели исследования, были систематизированы архивные документы Самарского областного государственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ), позволяющие детально изучить функционирование завода в условиях военного времени, дать оценку уровня выполненных работ на предприятии и выявить факторы, тормозящие стабильный выпуск продукции. В частности, актуальной проблемой является вскрытие недостатков в деятельности завода имени Масленникова на период перестройки промышленного предприятия на военный лад.

Выполняя указания И.В. Сталина от 6-7 ноября 1941 г. об усилении помощи фронту парторганизации и партийные комитеты предприятия №42 провели комсомольские и партийные собрания. На них были обсуждены мероприятия по проведению необходимых преобразований на заводе, которые в конечном итоге привели к «значительному повышению роли коммунистов на производстве, перевыполняющих нормы выработки» [2].

Завод за время войны значительно увеличил объем выпускаемой продукции. Валовый выпуск по отношению к 1 полугодью 1941 года составил во 2 полугодии 193% и товарный – 181%. Производительность труда: май – 100%; июль – 106,6%; август – 115,3%; сентябрь – 114, 9%; октябрь – 127,5%; ноябрь – 132, 2% [2, с. 34].

Основные недостатки в работе завода им. Масленникова отмечены в протоколе Куйбышевского горкома ВКП (б) от 4 февраля 1942 года [2] – невыполнение графика работ по всем цехам промышленного предприятия и процент брака на производстве. По мнению секретаря завода им. Масленникова Двинова, именно партийный комитет не предпринимал никаких мер по обсуждению вопросов о внедрении графика, не боролся с неравномерным выпуском продукции и не предпринимал результативных мер по сокращению процента брака по изготовлению тех или иных деталей, вследствие чего «на заводе росло число рабочих невыполняющих нормы выработки: в ноябре – 16,8%; в декабре – 19,8%» [2, с.35] из-

за отсутствия в цехах инструментов, металла, своевременная подача которых и замедляла работы.

Плохая организованность труда – один из главных недостатков в работе предприятия, напрямую связанная с невыполнением поставленных задач перед промышленным объединением: «росло число прогулов – 1320 прогулов; невыхода – 364 чел., опоздания – 345 чел., самовольные уходы – 111 чел., преждевременное бросание работы – 84 чел., бездельничанье – 63» [2].

Отсутствие технологической дисциплины на производстве, вытекающий недостаток, следствием которого являлся увеличивающийся процент брака изделий. Его основные причины крылись, в первую очередь, в отсутствии точной технологии, в частой многочисленной переброске рабочих с одной детали на другую. Ярким подтверждением являлась «работница Федулова, которая в начале работы на простых пилах не выполняла нормы, но с продолжительностью процесса работы освоила и стала перевыполнять нормы, но ее быстро перебросили на другую деталь, где она должна была вновь осваивать производство новой детали, в результате этого % невыполняющих норм не уменьшился» [1, с. 14]. По мнению инструктора Горкома ВКП (б) оборонной машиностроительной промышленности Егорова, «парторганизация цеха проходила мимо этих фактов, не мобилизовала коллектив рабочих на безбрачную работу и устранение причин, рождающих возвраты, не организовывала общественное мнение вокруг людей, которые своим нерадивым отношением и неряшливостью в работе создавали возвраты» [1, с. 43]. Секретарь ГК ВКП (б) оборонной машиностроительной промышленности В.А.Дегтярев считал, что главная причина, не позволившая наладить бесперебойный выпуск продукции – недостаточное внимание руководства, как партийного, так и хозяйственного к процессу производства, что порождало плохое использование всех материальных ресурсов и возможностей завода.

В целях поднятия производства технологической дисциплины и снижения брака заводом проводилась работа по внедрению корректировки норм точностей на оборудование, приспособлений и инструмента с разработкой метода-контроля и изготовлению приспособлений, необходимых для осуществления поверки [1, с. 32]. Организовывался единый центральный архив с аппаратом инспекторов Главного технолога, контролирующего состояние технологической документации в производстве.

Стоит отметить, что проведенные изменения в деятельности промышленного предприятия во втором квартале «привели к улучшению технологии» [1, с. 139]. По всем цехам и отделам «проводились ежедневные политинформации с зачиткой сообщений информбюро и обсуждением итогов работы цеха за предыдущий день, о трудовой дисциплине, с разбором недостатков и конкретных людей, тормозивших выполнение заданий и, наоборот, показавших образцы работы, а также новых задач» [1].

Однако, результаты работы завода свидетельствовали о том, что парторганизация недостаточно участвовала в деятельности промышленного предприятия, в свою очередь, это подтверждалось тем, что промышленное объединение №42 не смогло выполнить программу: июль – 77,2%, август – 92,7%, сентябрь – 94,4%, квартал – 88,2% [1].

В ноябре 1941 года постановление Бюро Куйбышевского Горкома ВКП (б) «О внутрипартийной работе на заводе имени Масленникова» оценило проведенную работу партийного комитета как «слабое руководство внутрипартийной работой в цеховых парторганизациях» [1, с. 212].

Подводя итог, можно утверждать, что главная ответственность за стабильную деятельность завода имени Масленникова, лежала на партийном комитете. Но, как неоднократно упоминалось, партийный комитет предприятия своевременно не вскрывал недостатки и ошибки в работе цеховых партийных организаций, которые, в свою очередь, отражались в браке промышленной продукции.

Библиографический список

1. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 714. Оп. 1. Д. 816.
2. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 842.

Д.В. Мишустин

Самарский государственный институт культуры

КУЙБЫШЕВСКИЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ РУБЕЖ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В 1920-1930-е гг. военные теоретики предполагали, что в будущей войне основную роль станут играть маневренные, наступательные действия. Им следовало противопоставить хорошо подготовленные укрепленные полосы большой протяженности. В 1938-41 гг. от Балтийского моря до Карпат и от Карельского перешейка до Черного моря были созданы две системы оборонительных сооружений, прозванные «Линией Молотова» и «Линией Сталина». С помощью их ДОТов удалось оказать ожесточенное сопротивление наступающей гитлеровской армии под Киевом и Ленинградом, дать возможность организовать оборону Москвы [4, с. 99, 256-258; 321-326].

Однако быстрое продвижение механизированных соединений Вермахта летом-осенью 1941 г. заставило руководство СССР озаботиться созданием тыловых укрепрайонов. Выполнение этой задачи возлагалось и на Куйбышевский обком ВКП(б).

20 октября 1941 г. вышло постановление «Об обеспечении производства работ на Куйбышевском оборонительном рубеже» [1, с. 253]. При-

нятие этого решения ускорили придание Куйбышеву статуса фактической «запасной» столицы и эвакуация из Москвы различных государственных учреждений [3, с. 9]. Сюда же переводились иностранные посольства и такие учреждения культуры, как Большой театр [2, с. 18].

Для фортификационной подготовки в общей сложности было привлечено 21 управление военно-полевых строителей, задействовали и бойцов саперных бригад. Ответственными за мероприятия на участках назначались секретари райкомов и председатели райисполкомов. В условиях военного времени мобилизовали и гражданское население – в области ввели бесплатные трудовую и гужевую повинности. Для рабочих предусматривалось медицинское обслуживание, выделение необходимых материалов и инструментов, проведение связи. Однако были случаи самовольных групповых возвращений этих мобилизованных в места своего проживания в Утевском, Богатовском, Исаклинском, Байгутанском районах. Свои действия они оправдывали ненадежностью снабжения, плохим питанием, отсутствием руководства на местах («никто не принимал и никто не мог сказать им, куда они должны идти и что делать») [1, с. 254, 257].

Отмечалось невыполнение большинством районов установленных норм на ВНС по тяглу, гусеничным тракторам, автомашинам. На это имелись, по признанию второго секретаря Кузоватовского РК ВКП(б) А. Андреева, объективные причины, а также «разборки» между руководителями. По словам Андреева, ему требовалась «большая помощь от Бюро райкома и его первого секретаря, а я ее абсолютно не вижу» [1, с. 258-259].

Несмотря на указанные инциденты, большинство жителей ответственно подошли к порученному им делу и с достоинством выполнили его в установленные сроки. Проблемы с нехваткой рабочей силы вынуждали начальство перебрасывать на помощь рабочих с одних участков другие, что негативно сказывалось на процессе производства. Ситуация заставила направлять на строительство репрессированных и «не внушающих никакого политического доверия» заключенных Безымянлага в качестве специалистов инженерно-технического и административно-хозяйственного состава, что вызывало беспокойство и недоумение у секретарей райкомов [1, с. 258].

С контрнаступлением советских войск под Москвой и стабилизацией фронта необходимость в использовании оборонительной линии на территории Куйбышевской области на некоторое время отпала. Однако весной-летом 1942 г. неприятель стал рваться к Сталинграду.

17 мая 1942 на особом заседании исполком Куйбышевского облсовета, руководствуясь постановлением Государственного комитета Оборона от 26 марта того же года, решил начать восстановление рубежа. При этом были учтены ошибки по организации и планировании строительства осе-

нию и зимой 1941-42 гг. Председателям исполкомов десяти райсоветов предписывалось уже к 20-му числу выделить на 20 дней до 1700 человек, транспорт и инструменты (лопаты, пилы и топоры) [1, с. 261].

Предполагая возможные подрывные действия со стороны диверсионно-разведывательных групп противника, для осуществления охраны построенной оборонительной линии командировали группу сотрудников областного управления НКВД. Чекистам также было поручено осуществить поиск и поимку решивших воспользоваться укреплениями в качестве жилья дезертиров, бандитов и уклоняющихся от мобилизации лиц [1, с. 261].

Проверка показала, что охрана силами местных райвоенкоматов и исполкомов «осуществляется весьма слабо», о чем доложил заместитель начальника ОБХСС Гордеев [1, с. 261-262]. После проведенного заседания бюро Обкома ВКП(б) на местах усилили работу органов милиции.

В марте 1944 г. было признано нецелесообразным дальнейшее обслуживание тыловых оборонительных рубежей. Военный совет Приволжского военного округа просил первого секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) дать указание местным органам власти разобрать деревоземляные сооружения: легкие покрытия, укрепления крутостей окопов, оружейные и минометные площадки. Лесоматериалы разрешалось использовать на нужды народного хозяйства. ДЗОТы, убежища и землянки передавались под овощехранилища и полевые станы. Только железобетонные ДОТы и колпаки решили сохранить и поддерживать в порядке [1, с. 262-263].

К счастью, Куйбышевский оборонительный рубеж так и не был использован по прямому назначению. Однако все эти годы он надежно прикрывал один из стратегически важных центров Поволжья.

Библиографический список

1. Великая война и Самарский край. К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Воспоминания. Исследования. Документы. Самара, 2010. 296 с.
2. Артамонова Л.М. Музыка в историко-культурном ландшафте Самары первой половины XX века // Профессиональное музыкальное искусство России: традиции и новаторство. Материалы Всероссийской научной конференции. Самара, 2012. С. 8-27.
3. Павлов А.Е. Запасная столица. Самара, 2002. 95 с.
4. Рунов В.А. Все укрепрайоны и оборонительные линии Второй Мировой. М., 2014. 416 с.

НЕДОСТАТКИ В РАБОТЕ ТОРГОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одной из актуальных проблем региональной историографии Великой Отечественной войны является изучение повседневной жизни населения в тылу. На основе документов местных архивов Самарской области мы попытались рассмотреть негативные явления в работе торговых организаций в 1941-1945 гг.

В военный период по известным причинам население Куйбышева и Куйбышевской области возросло в полтора-два раза. Конечно же, в первые годы организовать систему продовольственного снабжения населения было трудно. Из протоколов и стенограмм заседаний областного и городского комитетов ВКП (б), общегородских собраний актива работников торговли, докладных записок о состоянии торговли и общественного питания видно, что работа торговой сети была организована плохо. Так, секретарь горкома ВКП (б) Кулыгин на совещании при отделе торговли отметил, что положение с неудовлетворительной работой торгов не менялось на протяжении 1941 года. План самозаготовок и заготовок сельскохозяйственных продуктов был на грани провала [1, л. 20]. Наблюдалась перебои в торговле товарами первой необходимости (хлеб, соль, керосин), что вело к образованию очередей и усилению спроса на эти товары. Несмотря на наличие соли в магазине, покупателям ее продавали не всегда, так как торговать ею было невыгодно. Для обеспечения населения г. Куйбышева керосином требовалось 1200 тонн, а в продажу поступало только 266-400 тонн [1, л. 26].

Функционирование торговой сети осложнялось и нехваткой транспорта. Всего городу требовалось 50 машин, а у торгов имелось 25 машин (из них работали 6). Лошадей требовалось 260, а в наличии имелось 169. Во всех торгах не хватало шоферов и возчиков. Особенно остро стоял вопрос с горючим. Из-за этого торги не справлялись с перевозкой хлеба, муки, крупы; не обеспечивалась транспортом перевозка овощей [1, л. 40].

В докладной записке о проверке состояния работы торговой сети по обслуживанию рабочих промышленных предприятий члены ВКП (б) Зулаева и Цапаева отмечали: базы промышленности во второй половине 1941 года не додали райпищеторгам фондовых товаров: мяса – 420 кг, сала – 115 кг, рыбы – 6032 кг, сельди – 3000 кг. Магазины закрытой сети не имели в продаже достаточных товаров, даже булки и сушки бывали в магазине редко. По заявлению директора магазина №29 хлебозавод №1 булки отпуская, если брали пироги с рисом и мясом. При проверке магазинов №29 и №35 кроме вина, кофе, сахара, маринованных огурцов и помидор в продаже ничего не было [1, л. 81].

Во время прений весной 1942 г. на общегородском собрании актива работников торговли заместитель директора райпищеторга Фрунзенского района Меттус признал недостатки в деятельности торговой сети, но настаивал, что плохая работа торгова напрямую зависела от баз промышленности. Он привел примеры: главрыба завезли рыбу грязную, и прежде, чем пустить ее в продажу пришлось проделать огромную работу за поставщика. Было подано заявление в прокуратуру, но торг не получил даже того, что полагалось по плану. Масло в Куйбышев не завозили, и сотрудники торгова сами ездили за ним в районы (Елховка). Такая же ситуация обстояла с мясом: торги имели наряды на районы, вывозили мясо из глубинок [2, л. 2-4]. Промышленные базы отдавали продовольствие, прежде всего, спецторгу, остальные торги обслуживали после, при этом Фрунзенский и Ленинский райпищеторги также обслуживали рабочих военных заводов [2, л. 13].

Предприятия города рассчитывали рабочих своей же продукцией, а те в свою очередь меняли ее на другие товары. Работники ликероводочного завода получали 6 литров водки, затем обменивали ее на муку, мясо и масло. Были случаи, когда пачку мыла меняли на полкило масла [2, л. 23].

Во второй половине 1942 года на общегородском собрании актива работников торговли секретарь горкома ВКП (б) Шарапов отметил, что улучшений в торговой сети не произошло. Как и в 1941 году по-прежнему население неудовлетворительно обслуживалось товарами первой необходимости. За первое полугодие 1942 года карточки не были полностью отварены.

Характерным для городской торговли военного времени являлись «разбазаривание», расхищение, припрятывание дефицитных товаров, предназначенных для снабжения трудящихся города. Все это приводило к дезорганизации деятельности торговых учреждений [2, л. 49].

Приведем пример неудовлетворительной работы баз промышленности.

Таблица 1

Отоваривание выделенных фондов базами промышленности г. Куйбышева на конец мая 1942 года

Наименование	По плану (в тоннах)	Выполнено (в тоннах)	%
Рыба	263	54	20
Сельдь	228	2,7	1
Мясо	177	75	42
Колбасные изделия	147	54	45
Масло растительное	139	55	39
Масло животное	149	61	41

Источник: СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 907. Л. 57.

В годы Великой Отечественной войны торговые организации г. Куйбышева не уделяли должного внимания развитию собственной продовольственной базы. Выборка продовольственных товаров с баз промышленности имела низкий уровень. Базы промышленности неравномерно отпускали товары, сосредотачивая их отпуск к концу месяца или квартала, что влекло недостаточное снабжение населения продуктами первой необходимости [3, л. 45-46].

Библиографический список

1. Самарский областной архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 714. Оп. 1. Д. 828.
2. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 907.
3. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 914.

СЕКЦИЯ II. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ

Д.В. Сметанин

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

БЮРОКРАТИЯ И ПАТРОН-КЛИЕНТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. КЕЙС НОВОРОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА М.С. ВОРОНЦОВА

В современной исторической науке бюрократия и ее формальный метод управления, которые сложились в Российской империи в XIX в., рассматриваются с позиции «традиционной» институциональной истории [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Эта точка зрения была еще заложена М. Вебером в его классическом труде, посвященном бюрократии, как отдельному общественному институту [9, с. 52-56]. В последнее время в исторической науке наметилась тенденция на рассмотрение и анализ институтов и общественных процессов с точки зрения «человека». Связан этот процесс, в первую очередь, с появлением новой институциональной истории, начало которой положили еще экономисты [10].

В отечественной и зарубежной историографии считается, что с появлением бюрократического аппарата управления неформальные связи и практики управления исчезают или теряют всякое значение [1; 2; 11]. Однако в России, с появлением бюрократического аппарата управления в первой половине XIX в., неформальные социальные связи и управленческие практики не только не исчезают, но и приобретают важное значение в повседневной административной практике управления и формировании бюрократии, как отдельного социального слоя. Почему бюрократы, имея ресурсы и поддержку среди формальных общественных институтов (императорская власть, законодательство империи), продолжают использовать практику неформальных связей?

Новая институциональная история в сочетании с биографическим и микроисследовательским подходом помогает взглянуть на историю бюрократии в России XIX в., как института, через биографии ее отдельных представителей, изучение портретов «простых» чиновников. На наш взгляд, этот исследовательский подход помогает осветить поднятый ранее исследовательский вопрос, выявить особенности использования патрон-клиентских отношений среди отдельных представителей бюрократии.

Кейс с М.С. Воронцовым показывает, что патрон-клиентские отношения – повседневная практика административного управления регионом и отношений с министерскими учреждениями. В первую очередь, аппарат управления Новороссийским краем формируется через использование неформальных связей, чтобы окружить себя верными людьми, которые будут исполнять распоряжения генерал-губернатора и решать вопросы края к выгоде своего патрона. Например, Филипп Иванович Бруннов был по указу императора переведен на службу к М.С. Воронцову [12, с. 173]. Марини также был переведен – по «просьбе» нового генерал-губернатора – к нему на службу. Кроме них, к новому руководителю Новороссийского края был определен и А.И. Казначеев с переводом из военной в гражданскую часть службы [12, с. 173]. Следовательно, М.С. Воронцов, получив указ императора в начале мая 1823 г. о своем назначении, тут же начинает формировать новый административный аппарат, буквально не выходя из приемной Александра I. Другой человек, принятый М.С. Воронцовым на службу – брат статс-секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны Н.М. Лонгинова – Никанор Михайлович Лонгинов [13, с. 563].

Помимо использования дружеским и неформальных связей для формирования аппарата управления, М.С. Воронцов активно применяет неформальные практики управления в Новороссийском крае для решения самых разных вопросов. Так, в 1833 г. было учреждение Черноморское акционерное общество с передачей ему всех черноморских пароходов [14, с. 286, 288, 291]. Это было сделано для минимизации финансовых затрат со стороны государства и привлечения частных инвестиций от купеческих домов на обслуживание пароходов, однако проект не нашел нужного числа спонсоров. По этой причине А.И. Левшин 29 марта 1833 г. по поручению М.С. Воронцова видится с министром финансов Е.Ф. Канкриным и участвует в редактировании финальной версии документа о выделении дополнительных денежных средств для пароходного сообщения [15, с. 75, 81]. Таким образом, личное общение и «закулисное» решение управленческих вопросов говорит о включении патрон-клиентских отношений в повседневную практику управления, становится одной из стратегий поведения.

Другой пример «дружеских» связей мы видим при определении строителя и главного подрядчика для строительства маяка. Поначалу проект Айтадорского маяка был доверен на конкурсной основе Яни, но когда Томазини – «друг» А.И. Казначеева и строитель многочисленных зданий – изъявил желание, то ему, по протекции Воронцова, было предоставлено это право [16, с. 261-265]. Помимо факта, что архитектор был «другом» и членом клиентелы Воронцовых, он обладал профессионализмом и богатым опытом строительных работ. Следовательно, подряды на строи-

тельство доверяются членам клиентелы, которые способны качественно и дешево реализовать идеи и замыслы патрона.

Пример формирования административного аппарата через неформальные связи мы видим на примере правителя канцелярии М.С. Воронцова — С.В. Сафонова. Генерал-майор П.И. Федоров по протекции Воронцова в 1838 г. был назначен военным губернатором Бессарабии, и по словам Сафонова «он благодарит его за заступничество в Сенате и назначение» [15, с. 145-149]. Кроме этого, он был благодарен графу за протекцию в присвоении чина генерал-майора со старшинством от 1829 г. [15, там же]. Примечательно, что благодарность за военный чин была отослана М.С. Воронцову только после получения должности военного губернатора. Следовательно, формирование губернаторского корпуса в Новороссийском и Бессарабском генерал-губернаторстве проводится М.С. Воронцовым через использование неформальных связей и методов управления: оказание поддержки и протекции в получении чина и новой административной должности, а также «закулисная» поддержка через своего сотрудника С. В. Сафонова.

Таким образом, небольшая выдержка из исследования кейса М.С. Воронцова позволяет утверждать, что патрон-клиентские отношения и неформальные методы управления используются представителем «высшей» и «просвещенной» бюрократии для формирования своего аппарата управления и для решения административных вопросов, связанных с получением финансов, утверждение проектов и строительными работами в Новороссийском крае. Подобные же практики, применяемые министрами для разрешения вопросов с губернаторами и др. местными начальниками, позволяют говорить о широком распространении неформальных связей и методов управления среди формирующегося института бюрократии. Возможно, что формальные и неформальные методы тесно переплетаются, создавая некий симбиоз, причины и механизмы действия которого еще предстоит выяснить через дальнейшее изучение «кейса» новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова.

Библиографический список

1. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в. Эволюция бюрократической системы. М., 2001. 743 с.
2. Писарькова Л.Ф. Государственное управления России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2014. 447 с.
3. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.
4. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1993. 320 с.
5. Lincoln W.B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825-1861. DeKalb: Northern illinois University Press, 1982.

6. Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1983.
7. Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century (W.M. Pintner & D.K. Rowney (eds.), Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980
8. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.
9. Беляева О.М. М. Вебер о типах легитимности государственной власти, бюрократии и патримониальном государстве // История государства и права: научно-правовое издание. М., 2017. С. 52-58.
10. Заостровцев А.П. О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю? СПб., 2014. 248 с.
11. Kettering S. Patrons, Brokers and Clients in seventeenth-century France. Oxford, 1986. 332 p.
12. Булгаков А.Я. Братья Булгаковы: переписка. М., 2010. Т. 2. 393 с.
13. Путевые письма Н.М. Лонгинова // Русский архив. М., 1905. № 9. С. 563.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1834. Т. 8. 1833. С. 286-291.
15. Архив князя Воронцова : в 40 кн. Кн. 39. М., 1893. 538 с.
16. Казначеев А.И. Партикулярные письма к графу М.С. Воронцову, 1828-1837. М., 2015. 279 с.

Е.В. Лунева

Самарский государственный медицинский университет

**СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ
«ВОПРОСЫ ЖИЗНИ: ДНЕВНИК СТАРОГО ВРАЧА...»)**

Обращение к историческому наследию «отца русской хирургии» позволит нам понять путь выдающегося врача и организатора медицины. В научной литературе вопросам роли Н.И. Пирогова уделено большое внимание. Многие работы посвящены детству и семье Н.И. Пирогова [1, с. 29-32 и исследованиям [2, с. 70-74], в которых затронута деятельность Пирогова в области экспериментальной хирургии, рассмотрен вклад ученого в становление и развитие этого направления в России и Европе. Актуальной проблемой является изучение социопсихологических качеств выдающегося хирурга, которые повлияли на его деятельность.

В качестве источника для исследования данной проблемы был избран дневник Н.И. Пирогова «Вопросы жизни: дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что может быть когда-нибудь прочтет и кто другой, 5 ноября 1879-22 октября

1881». Дневник является значительным его автобиографическим произведением и философским трудом [1, с. 70-74]. В нем также представлены политические взгляды выдающегося врача и изменения его религиозных убеждений. Таким образом, анализ этого источника позволит нам восстановить внутреннюю работу Н.И. Пирогова над его медицинскими открытиями и достижениями.

Проанализировав дневник Пирогова, можно выделить ценную информацию по исследуемой проблеме, которая разделяется на: сведения, касающиеся его личной жизни; профессиональные наблюдения, которые показывают процесс становления его хирургического таланта; взгляды врача на политические явления; размышления о переменах его религиозных убеждений.

Семья, детские и юношеские годы Н.И. Пирогова оказали влияние на дальнейшую научно-практическую деятельность и взгляды. Как писал его автор: «Детство, как я сказал, оставило у меня до тринадцатилетнего возраста одни приятные впечатления» [3, с. 132]. Среднее образование Н.И. Пирогов получил сначала дома, а потом в частном пансионе. Благодаря профессору Московского университета Е.О. Мухину, в 14 лет Николай поступил на медицинский факультет Московского университета. «Непременно предопределено было Е.О. Мухину повлиять очень рано на мою судьбу. <...> ... Мухин, профессор, советует отцу послать меня прямо в университет, покровительствует на испытании, а по окончании курса он же приглашает вступить в профессорский институт» [3, с. 242].

Интуиция Н.И. Пирогова помогла ему выбрать хирургию, в которой он раскрыл свой талант, став настоящим мастером своего дела. Е.О. Мухин предложил Пирогову выбрать предмет для углубленного изучения, именно тогда определился его дальнейший путь как великого хирурга. Он вспоминал: «...так как физиологию мне не позволили выбрать, а другая наука, основанная на анатомии, по моему мнению, есть одна только хирургия, я и выбираю ее. <...> Наверное не знаю, но мне сдается, что где-то издалека, какой-то внутренний голос подсказал тут хирургии» [3, с. 420].

Окончив в 1828 г. университет, Пирогов был направлен готовиться к профессорской деятельности в Юрьевский университет в Тарту. Проявилась его высокая работоспособность, которая была связана не только с энергией увлеченного наукой человека, но и с жертвенным служением своему делу. Затем Пирогов возглавил хирургическую клинику в Дерптском университете. Он управлял клиникой, читал полный курс теоретической хирургии, занимался оперативной хирургией, держал глазную клинику, проводил анатомические исследования и занимался хирургической практикой в городе.

Высокий уровень самоорганизации и тяга к науке не давали Н.И. Пирогову остановиться на пути профессионального развития. Он все еще

задавался вопросом: «Был ли я тогда действительно тем, кем казался, или, вернее, кем должен был быть, то есть, был ли я настоящим, действительным, не кажущимся, профессором хирургии?» [3, с. 584].

Немало места в «Дневнике» уделяется оригинальному анализу политики Александра II, размышлениям реформами, положением народа в стране и необходимыми изменениями. «Государство — отвлеченное понятие, самая характерная, то есть общая всем фактическим государствам, черта которого есть правление, и власть, заведывающая его механизмом, весьма естественно видит в себе квинтэссенцию управляемого ею государства» [3, с. 332] — писал Н.И. Пирогов. Он занимал критическую и взвешенную позицию, видел причину конфликтов между властью и обществом в широком социальном значении, представляя ее как незрелость гражданского общества.

Подробно Н.И. Пироговым представлены этапы развития его религиозного мировоззрения. «Мои религиозные убеждения не оставались в течение моей жизни одними и теми же» [3, с. 183].

В жизни и деятельности выдающегося русского хирурга проявились такие качества как талант и жертвенное служение профессии. Любознательность и восприимчивость Н.И. Пирогова были сформированы в семье и поддержаны его учителями и наставниками в Московском университете. В работе Н.И. Пирогов проявлял новаторское мышление и отличался высокой требовательностью к себе. В оценке событий гражданской жизни Н.И. Пирогов обладал критическим мышлением и самостоятельными суждениями, касающимися власти, политики, общественного порядка.

Библиографический список

1. Красильникова И.В., Шуляковская А.С. Семья и детство Н.И. Пирогова // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области 2018. №4. С. 29-32.
2. Эттингер А.П. Николай Иванович Пирогов — основоположник экспериментальной хирургии // Вестник РГМУ. Специальный выпуск № 5. 2010. С. 70–74.
3. Пирогов Н.И. «Вопросы жизни: дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что может быть когда-нибудь прочтет и кто другой, 5 ноября 1879–22 октября 1881» : [к 200-летию со дня рождения великого русского хирурга Николая Ивановича Пирогова]. М.: Книжный Клуб Книговек; СПб.: Северо-Запад, 2010.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Дворянство на протяжении веков являлось не только опорой самодержавного строя, но и символом традиционализма на местах. Накануне отмены крепостного права развитие средневолжских губерний, с одной стороны не выделялось среди общего контекста российской действительности, а с другой стороны каждая из губерний имела специфику развития.

Особенностью Самарской губернии является не только ее природно-климатические условия, но и особенности заселения территории губернии в ходе колонизации, развернувшейся после строительства оборонительного рубежа по реке Каме. Первые владения помещиков располагались в основном на правом берегу Волги, а на левом, как правило, располагались их покосы и огороды. Земли Самарского уезда попали в поле зрения российского правительства уже в начале XVIII в. Правительство отводило определенные участки в вотчины служилым людям, объявляя тот или иной земельный участок «коронным».

Во второй половине XVIII в. колонизация края охватила главным образом лесную и лесостепную зону. Следует отметить, что в южных степях почти не было помещичьих имений с оседлым населением [1, с. 38]. Огромные территории были пожалованы Екатериной II братьям Орловым, им было передано в Симбирском, Сызранском и Самарском уездах 9571 крепостных крестьян (4376 душ относились к экономическим крестьянам, 2899 к дворцовым, а 1936 к ясачным) [2, с. 110].

Ситуация резко меняется в первой половине XIX века: неуклонно растет число поместий в северных уездах, но особенно интенсивно идет освоение южных территорий. В результате кочевые народы были вытеснены на восток, увеличилось расхищение башкирских земель, а на землях, прежде не принадлежавших калмыкам, были размещены дворяне-однодворцы из Рязанской и Тульской губерний [3, с.70]. П.А.Преображенский полагал, что около 26% населения Бугульминского уезда, 69 % Бугурусланского и 71% Николаевского уездов сформировалось в течение первой половины XIX столетия [1, с. 55].

Географически поместья Самарской губернии были расположены большими и малыми «островками», окруженными владениями казны, удела, а так же участниками, состоявшими в ведомстве Башкирского войска. В северной части губернии большие группы поместий находились в приволжской зоне Ставропольского уезда до реки Кондурчи с ответвлением вверх по реке Черемшан, сконцентрировавшись около Ставрополя. В Бугульминском районе они располагались севернее г. Бугульмы, гранича

с башкирскими землями на севере и юго-востоке уезда. Полоса помещичьих земель проходила в северо-восточной части Самарского уезда, располагаясь до самых границ Бугульминского и Бугурусланского уездов. Особой артерией и стержнем стала река Сок. Такую же роль имела река Кинель, по правому берегу которой располагались поместья дворян. Множество помещичьих владений размещалось на территории вокруг г. Бугуруслана. Они имели форму длинных вытянутых полос и располагались от реки Кинель на север [2, с.112].

В южной части Самарской губернии, по левому берегу рек Самары и Кинеля, находились крупные владения Самариных, Урусовых и многих других помещиков. Поместья тянулись вдоль побережья Волги, сливаясь с поместьями Николаевского уезда. Полоса помещичьих землевладений разрывалась казенными владениями напротив Хвалынска и продолжалась до удельных земель в районе Балакова с углублением на восток. Затем, полоса поместий, беря начало в Николаевском уезде от Нижне-воскресенского единоверческого монастыря, проходила по границе с Новоузенским уездом до земель Уральского казачьего войска [2, с.113].

В большинстве новых поместий в южной части губернии (в Бузулукском, юго-восточной части Бугурусланского, Засамарской части Николаевского и Самарского уездах) земля чаще всего выделялась без крестьянского населения.

В 1851 г. по указу императора Николая I была создана Самарская губерния. Она была образована из частей Симбирской, Оренбургской и Саратовской губерний. К 1850-м годам в Самарской губернии еще длился процесс колонизации, особенно в степных районах губернии, т.е. преимущественно в Николаевском и Новокузнецком уездах. Принадлежность губернии к территориям незавершенной колонизации накладывала особый отпечаток на характеристику местного дворянского населения. Прежде всего, следует отметить, что дворянское сословие было самым немногочисленным сословием в Самарской губернии. Оно составляло лишь 0,3% от всего населения губернии, и этот показатель был ниже общероссийского [4, с. 292 – 293]. В 1858 г. население Самарской губернии составляло 1 530 039 человек, из них 3917 относилось к дворянскому сословию [4, с. 267]. Численность потомственного дворянства – 1598 человек (694 человека мужского населения и 904 женского). Численность личного дворянства и чиновников составляла 2319 человек (из них 1681 мужчина и 638 женщин).

Специфика положения самарского дворянства определялась более поздней, местами незаконченной, колонизацией края, наличием крупных земельных владений, сравнительно небольшим числом представителей высшего сословия в общей массе высшего сословия Европейской России, многообразием его этнического состава. Формирование и расположение наиболее ранних дворянских владений во многом совпадало с географией плодородных почв губернии. Близость важнейшей россий-

ской транспортной артерии — реки Волги являлась мощным стимулом для развития торговли. Данные факторы оказали существенное влияние на направление эволюции землевладения провинциального дворянства в исследуемый период.

Объективные предпосылки социально-экономического развития условия были заложены всем ходом предреформенного периода. Природно-климатические условия, несмотря на их непостоянство, позволяли местному дворянству наряду с земледелием развивать такие отрасли хозяйства как коневодство, овцеводство, мануфактурное производство. В северной части Самарской губернии преобладала барщинная запашка, стимулирующая у крестьян сохранение в качестве феодальной ренты наиболее консервативную отработочную систему. Иная ситуация сложилась в южной части губернии, где в связи с наличием обширного земельного фонда практиковалась капиталистическая сдача земли в аренду.

Библиографический список

1. Преображенский П.А. Колонизация Самарского края. Самара, 1923. 94 с.
2. Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. (По материалам Поволжья). Самара: изд-во «Самарский университет», 1994. 365 с.
3. Серебреницкий К. Дворяне-однодворцы (о поселениях дворян-однодворцев в Самарской губернии) // Самара и губерния. 2000. №4. С. 70-81.
4. Статистические таблицы Российской империи на 1858г. СПб.: тип.стат. ком-та, 1863. 570 с.

И.О. Трубицын

Самарский национальный исследовательский университет

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЗАСЕДАТЕЛЯ ДВОРЯНСКОЙ ОПЕКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Образованная в 1775 г. Дворянская опека занимала особое место в системе корпоративной дворянской организации, а ее функции были направлены на защиту (опеку) вдов, сирот, престарелых, расточителей своего имущества, душевнобольных людей, спорщиков по наследству и должников [2, с. 178]. В работе опеки принимали участие от двух до четырех заседателей, избираемых на три года, а также уездный предводитель [1].

Проблемам организации деятельности Дворянских опеки в отечественной историографии посвящен ряд работ, однако, отсутствуют работы посвященные анализу состава служителей этих учреждений.

В данной работе мы представим сравнительную социально-экономическую характеристику служителей Санкт-Петербургской, Самарской и Казанской губерний [3] во второй половине XIX—начале XX в.

На протяжении существования дворянской опеки в Самарской губернии (1851–1917 гг.) служило 57 дворянских заседателей и их кандидатов. По Санкт-Петербургу за этот период нами выявлено всего 7 формулярных списков и аттестатов служителей. За период с 1861–1917 гг. Миронова Е. В. выявила сведения о 31 заседателе (кандидате) [3, с. 237–238].

В Самарской губернии наиболее предпочтительным возрастом для вступления в должность был: 29,41,52,54,62. При возрастном интервале для большинства заседателей равным: 31–69 лет. Средний возраст заседателя дворянской опеки Самарской губернии был равен 49–50 годам. Самыми молодыми заседателями были Н.В. Аничков и И.А. Рудин – на момент избрания на должность заседателя им было 29 лет [4, д. 1994. л. 1–4; д. 2127. л. 1–30]. До момента назначения на эту должность они уже имели опыт работы в дворянской опеке или на государственной службе. Данная тенденция – наличие опыта службы в учреждениях дворянской корпорации была характерна для большинства заседателей дворянских опеки Самарской губернии.

В Санкт-Петербургской губернии средний возраст заседателей равнялся 36 годам, а самому молодому – И.А. Таптыкову на момент первого избрания в должность было 25 лет [5, д. 62 л. 1-5; д.79. л.70 об.; д. 80 л.79-80 об.; д. 81. л. 41; д. 82 л. 94-94 об.].

В Казанской губернии средний возраст равнялся 43-44 годам. Наиболее предпочтительным возрастом для занятия этой должности был: 23,29 и 58 лет. Самому заседателю – Н.М.Ястребскому на момент поступления на должность заседателя Лаишевской опеки было 21 год от роду. Для него, только окончившего Тетюшское уездное училище, эта должность явилась первой ступенькой в карьерной лестнице [3, с. 318].

Наиболее важным критерием при избрании на должность дворянского заседателя, на наш взгляд, должно было быть имущественное положение самих заседателей. Только у 7% заседателей самарской опеки земельные владения были равны: 1001–5000 дес. земли. Большинство заседателей, либо владели земельными угодьями размером до 1000 дес. земли, либо вовсе не имели недвижимого имущества. Еще более «критичное» положение заседателя дворянской опеки было в Казанской губернии. Из 31 заседателя 18 не имело имущества, а случаев наличия за служителями земельных владений ни Мироновой Е. В., ни нами не выявлено. Напротив, в Санкт-Петербургской губернии из 7 (имеем сведения по 5 служителям) заседателей трое владели земельной собственностью от 2000 до 10000 тыс., у двоих были дома (каменный и деревянный) в Санкт-Петербурге [5, д. 62 л. 1-5; д. 79. л. 70 об.; д. 80 л. 79-80 об.; д. 81. л. 41; д. 82 л. 94-94 об].

Образование заседателей опеки имело свои особенности и отличалось от образования предводителей, депутатов дворянства. Для заседателей закончивших образовательные учреждения было характерно наличие среднего (например, реальное училище Гуревича) и военного образования. Данная тенденция была характерна для анализируемых губерний.

Заседатели дворянских опеков Самарской и Санкт-Петербургской губерний в большинстве своем были семейными людьми, находившимися в первом брачном союзе, и имели от 2 до 7 детей.

Таким образом, социально-экономический портрет заседателя дворянской опеки Санкт-Петербургской, Самарской и Казанской губерний во второй половине XIX—начала XX вв. выглядит следующим образом: дворянин, получивший среднее или военное образование, имеющий опыт службы в различных государственных, сословных учреждениях, бывший семейным человеком, не имеющим земельных угодий или имеющий таковые в размере до 1000 дес. земли (за исключением Санкт-Петербургской губернии). Вступив в должность заседателя в возрасте 36–49 лет, дворянин уже имел не только опыт службы, но также имел оный в ведении собственного хозяйства.

Библиографический список

1. Бьюнник Е. П. Процедура и практика установления и снятия опеки в пореформенный период для несовершеннолетних дворян, оставшихся без попечения родителей: на материалах Курской губернии // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13(108). Вып. 19. С. 119–125.

2. Рянский Л. Источниковедческая характеристика дел об опеке дворянских имений (первая половина XIX в.) // Источниковедение отечественной истории: сборник статей. 1981. М.: Наука, 1982. С. 178–189.

3. Сведения библиографического характера о заседателях дворянских опеков Казанской губернии с 1861 по 1917 гг. приводим по работе: Миронова Е.В. Организация и деятельность дворянских учреждений Казанской губернии в 1861–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011.

4. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 430. Оп. 1.

5. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 536. Оп. 17.

Н.Д. Токарева

Самарский национальный исследовательский университет

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ В РОССИИ ПОСЛЕ ТРЕТЬЕИЮНЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА

3 июня 1907 года II Государственная Дума была распущена из-за ее антиправительственных настроений. В то же время царь полагал, что при действующем избирательном законе следующая Дума может оказаться такой же антиправительственной, как и предыдущая.

Власть на тот момент встала перед выбором — либо на время отказаться от созыва Государственной Думы и вернуться к прежнему абсолютистскому правлению, либо же создать Думу, которая была бы близка по духу существующему правительству [2, с. 203].

Новый Председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин был ярким сторонником парламентских принципов и убедил в этом императора. По его мнению, без представительных учреждений монарх не может знать истинных настроений своего народа [2, с. 203]. Таким образом, власть встала на сторону второго варианта развития событий — создать более близкую правительству Думу.

А.А. Мосолов в своих воспоминаниях говорит о том, что государь принял предложение Столыпина, изменил закон о выборах, тем самым дав администрации возможность влиять на их результат, а сам Столыпин считал этот шаг необходимостью для создания Думы, которая сотрудничала с правительством, а не его врагом [3, с. 222].

Для этого было нужно изменить избирательный закон так, чтобы в Думу в большинстве своем попали не враждебные императорскому режиму люди. По сути это являлось нарушением 87-ой статьи Основных Законов, согласно которой царь не имел права издавать указы, которые бы вносили «изменения в Основные Государственные Законы, в учреждения Государственного Совета и Государственной Думы, в постановления о выборах в Совет или в Думу» [2, с. 203].

В манифесте, провозглашенном 3 июня 1907 года, прямо говорилось, что причины «двукратного неуспеха деятельности Государственной Думы» заключаются в «несовершенстве избирательного закона» [2, с. 203].

Юридически происшедшее являлось «государственным переворотом», но политически это была единственная возможность сохранить государственный порядок и те учреждения, которые были созданы Манифестом 17 октября 1905 г. [1, с. 203]. А.А. Мосолов в своих воспоминаниях называет сей акт «переворотом сверху» [3, с. 221].

Реакция общества на издание Нового избирательного закона была неоднозначной. Правые партии выражали на него открытое приветствие. Союз русского народа отправил царю телеграмму, содержащую следующие слова: «Слезы умиления и радости мешают нам выразить в полной мере чувства, охватившие нас при чтении Твоего, государь, манифеста, Державным словом положившего конец существованию преступной государственной Думы...» [4, с. 369].

«Союз 17 октября» признал «прискорбную необходимость» изменения избирательного закона, а партия кадетов, несмотря на принятие резолюции протеста против Манифеста 3 июня, все же отвергла идею бойкотировать выборы в Думу. У народных масс этот закон не вызвал практически никакой реакции [2, с. 204].

Оппозиционная печать выражала возмущение по поводу расхождения манифеста 3 июня с основными законами. Однако, как пишет историк

С.С. Ольденбург, все же «революция была побеждена», а прежняя коалиция оппозиционных сил, объединявшая население с революционными партиями, распалась [4, с. 370].

Суть нового избирательного закона заключалась в перераспределении числа выборщиков между куриями – крестьянская депутатская квота была сильно урезана и перераспределена в пользу землевладельческой курии. Также теперь голос одного помещика стал равняться голосам 7 горожан, 30 крестьян и 60 рабочих. Кроме того, было сокращено представительство национальных окраин [2, с. 203].

И, таким образом, новое избирательное законодательство изменило соотношение сил в Думе в пользу состоятельных слоев общества и сократило представительство в Думе нерусского населения [2, с. 204].

Третья Государственная Дума по своему составу в итоге оказалась гораздо более консервативной, чем предыдущие думы. Из 442 мест – 146 получили правые, 155 – октябристы, 108 – кадеты и сочувствующие, 13 – трудовики, 20 – социал-демократы. Дума проработала весь положенный пятилетний срок. Главную в ней роль на протяжении всего ее существования играла партия Союз «17 октября» – председателями Думы поочередно избирались октябристы Н.А. Хомяков, А.И. Гучков и М.В. Родзянко [1, с. 252].

Так, в России окончательно утвердился своеобразный политический строй, не являвшийся полностью абсолютистским, но в то же время и неограниченный в полной мере законом. Этот строй вошел в историю под особым названием – думская монархия [2, с. 204].

Библиографический список

1. Боханов А.Н. Николай II. М., 1997.
2. История России XX век: 1894-1939 / под ред. А.Б. Зубова. М.: Астрель, 2010.
3. Мосолов А.А. При дворе последнего императора. М., 2016.
4. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М.: Центрполиграф, 2018.

А.В. Авданов

Самарский национальный исследовательский университет

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ М.В. РОДЗЯНКО С ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬЕЙ

Известный государственный и политический деятель, камергер, действительный статский советник, меценат и мемуарист Михаил Владимирович Родзянко, без преувеличения, был знаковой, одной из самых из-

вестных и самых популярных личностей отечественной истории начала XX столетия. Расцвет деятельности М. В. Родзянко пришелся на самый сложный период истории Российской империи: подъем забастовочного и революционного движения, революция 1905-1907 гг., Первая мировая война и Февральская революция. Избрание председателем III Государственной думы, а затем и IV Думы сделало М.В. Родзянко довольно популярной в обществе фигурой. Являясь по своему положению «вторым человеком» в государстве, Михаил Владимирович имел право на личные аудиенции у императора Николая II, на которых докладывал ему об обстановке в Думе и государственных делах в целом. По своим политическим убеждениям Родзянко был правым октябристом, убежденным сторонником монархии и вполне правоверным верноподданным Николая II. В то же время своеобразное положение в государстве, которое он занимал как председатель Государственной думы, заставляло и его принимать участие в борьбе за власть. Императорской семье Думу недолюбливали. Императрица Александра Федоровна при каждой конфликтной ситуации призвала мужа разогнать ее. Однако Родзянко, у которого сложились хорошие отношения с царской четой, убеждал, что подобный шаг лишь обострит ситуацию и усилит позиции революционеров. Новскоре отношения Родзянко с царем, а особенно с царицей, стали портиться. Причиной этому стал Григорий Распутин. В то время как императорская чета души не чаяла в «старце», Родзянко и многие его соратники были убеждены, что это аферист, который роняет авторитет монархии. В Распутине они видели главную причину упадка престижа царской власти, и все делали, чтобы удалить его с политической арены. Родзянко подал царю секретный доклад о негативном влиянии Распутина на царский двор, и приложил к нему письмо императрицы к Распутину весьма интимного содержания. Как отмечал П.Н. Милюков: «Тут припуталось и дело о письме Александры Федоровны, и Родзянко возомнил себя охранителем царской чести. Обо всем этом, конечно, было” по секрету” разглашено и в Думе, и вне Думы, и Родзянко стал готовиться к докладу» [1, с.342]. В результате Николай II рассердился, а Александра Федоровна просто возненавидела Родзянко. Принципиальная борьба председателя Государственной думы с растлевающим влиянием Григория Распутина и его окружением внешне напоминала печально известный сизифов труд: неудовлетворение царя, интриги придворной своры. В своих мемуарах Родзянко задавался вопросом: «Чем же объяснить это роковое влияние, несомненно, положившее начало русской революции, ибо оно первое поколебало веру в престиж царской власти и растлило народную совесть?» [2, с.31]. Можно по-человечески понять горе матери-царицы, ее отчаяние и страх перед страшной и неумолимой болезнью долгожданного единственного сына и наследника престола. Врачи были бессильны. Только

один Распутин мог снимать дикие боли больного гемофилией царевича Алексея. После каждого приступа болезни сына императрица была вынуждена обращаться к спасителю и возвращать его во дворец. Родзянко был уверен, что «он (Распутин) совершенно поработил силою своего внушения волю молодой императрицы. Эту же силою он внушил ей уверенность, что, пока он при дворе, династии не грозит опасности [2, с. 32]. Спасая царевича, Распутин вел к краху династию Романовых. М.В. Родзянко отстаивал интересы государства и был непримиримым врагом «божьего старца». Он делал все возможное, чтобы нейтрализовать действия Распутина, выслать его из столицы, не допускать его вмешательства в важные государственные дела и кадровые назначения. Императрица была этим сильно раздражена, требуя от своего венценосного супруга роспуска Государственной думы. В письмах она называла председателя Государственной думы «ужасным Родзянко». В свою очередь Родзянко считал, что спасти страну от революции возможно только при устранении императрицы от всякого вмешательства в дела: «Она должна удалиться, так как борьба с ней при несчастном безволии царя, совершенно бесплодна» [3].

Никто, кроме Родзянко, не решался открыто информировать царя о беспорядках, творящихся в его окружении. Однако регулярные телеграммы Родзянко успеха не имели. Уже после отречения брошенный всеми Николай II вынужден был признать: «Только Родзянко говорил мне правду». Родзянко вел активные закулисные переговоры с императором Николаем II об отречении от престола. 2 марта 1917 года Николай II сообщил Родзянко, что готов отречься от престола в пользу сына Алексея, но при регентстве брата князя Михаила. Затем Николай передумал и отрекся в пользу брата. Брат царя Михаил не хотел принимать на себя престол и подписал акт об отказе от короны. Прежде чем подписать отречение, Михаил спросил у Родзянко, может ли тот гарантировать ему безопасность при вступлении на престол. Родзянко ответил: «Единственно, что я могу гарантировать, — это умереть вместе с вами». Так завершилась история монархии в России.

Библиографический список

1. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991.
2. Родзянко М.В. Дума против Николая II. За что нас хотели повесить. М.: Алгоритм, 2017.
3. Родзянко М.В. Крушение империи. 2-е изд. Л.: Прибой, 1929.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВАКУАЦИИ В САМАРУ ЮРЬЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Самарская губерния накануне Первой мировой войны обладала разветвленной сетью образовательных учреждений. Согласно архивной справке «Обзор Самарской губернии за 1914 г.», здесь функционировало 2997 учебных заведений различного типа, с количеством обучающихся в них в 256 323 человека обоего пола [8, оп. 233. д. 2325. л. 22]. Но несмотря на достаточно внушительное количество учебных заведений, большинство из них составляли начальные школы. Университеты же в Самарской губернии к началу Первой мировой войны отсутствовали.

Вопрос становления высшей школы в Самарской губернии в отечественной историографии принято рассматривать в двух направлениях. Первое связано с оценкой деятельности благотворительных обществ, созданных прогрессивной самарской интеллигенцией, которые с 70-90-х гг. XIX в. проводили широкую просветительскую работу с целью поощрения высшего образования среди самарцев, обучающихся в университетах других губерний [6, с. 120-123]. Вторым традиционным направлением является рассмотрение практических шагов, предпринятых представителями органов местного самоуправления и общественностью города и направленных на преобразование Педагогического института в университет, с дальнейшим официальным признанием открытого вуза сменяющимися властными структурами [7, с. 3-24]. Однако, при изучении становления высшей школы в Самарской губернии не изученными остаются инициативы местной общественности, направленные на эвакуацию в Самару университетов из западных районов страны — тогда как именно неудачи в этом направлении и послужили фактором, подтолкнувшим самарскую общественность к практическим шагам по открытию собственного университета.

Изначально весть о том, что города внутренней России в ходе Первой мировой войны один за другим обзаводились «просветительскими очагами» (эвакуированными из западных губерний высшими учебными заведениями), в Самаре была встречена достаточно равнодушно. Лишь позднее, в связи с распространением новости о взятии Риги немцами и о решении эвакуировать на восток страны университет г. Юрьева, городским самоуправлением и Самарским губернским земством были приняты энергичные меры по переводу Юрьевского (Дерптского) университета в Самару.

Самара в годы Первой мировой войны была перенаселена воинскими частями разного назначения: здесь находились запасные полки, военные госпитали, лазареты, пункты формирования воинских команд, большой

офицерский корпус. Между тем, многие учреждения Самары были готовы предоставить свои помещения университету, квартиры для профессоров и жилье для студентов. В местной газете [3] сообщалось о состоявшемся заседании комиссии по высшим учебным заведениям и о намерении созывать регулярные заседания для решения этого вопроса. Однако уже через несколько дней в той же газете была размещена короткая информация: «Городской голова получил из Петербурга телеграмму о том, что Юрьевский университет переводится в город Воронеж» [4]. Отказ не остановил самарцев. В ответной телеграмме подтверждалась готовность принять Юрьевский университет, доказывались преимущества Самары перед Воронежем в продовольственном отношении, сообщалось, что в городе находилась группа студентов Юрьевского университета (восемь человек), ожидавших результатов предполагаемого перевода. Предлагалось даже свернуть некоторые лазареты, чтобы освободить помещения под вуз. Но «из центрального учреждения» поступил приказ «не свертывать лазаретов» до окончательного разрешения вопроса [5]. 27 сентября 1917 г. состоялось заседание в Городской думе, на котором единогласно было поддержано решение отправить в Юрьев самарскую делегацию.

Итоговое решение было принято на заседании городской комиссии по высшим учебным заведениям, постановившей «не посылать делегацию в Петроград» [2]. Это объяснялось двумя причинами. Во-первых, из Министерства просвещения так и не последовало ответа на ходатайства городской управы. Во-вторых, часть выделенных помещений уже были заняты другими учреждениями. Так закончилась история с переводом университета из Прибалтики в Самару. Юрьевский же университет был переведен в Воронеж и стал основой для открытия в 1918 г. Воронежского университета [1, с. 43].

Таким образом, борьба за эвакуацию высшего учебного заведения в Самару закончилась неудачно, в основном из-за отсутствия свободных помещений. Тем не менее, неудачный исход инициативы по переводу Юрьевского университета в Самару послужил своеобразным толчком к осуществлению ряда практических мер по открытию собственного университета, которые привели, в конце концов, к открытию в 1918 г. Самарского университета.

Библиографический список

1. Аврус А.И. История российских университетов. М., 2001.
2. Волжское слово. Самара, 1917. 10 октября.
3. Волжское слово. Самара, 1917. 12 сентября.
4. Волжское слово. Самара, 1917. 16 сентября.
5. Волжское слово. Самара, 1917. 20 сентября.
6. Казанцева С.Г. Роль самарского и симбирского дворянства в деле поощрения и поддержки образования на рубеже XIX–XX веков // Самарский научный вестник. № 1 (18). Самара, 2017.

7. Храмов Л.В. Самарский государственный университет и становление высшей школы в Среднем Поволжье // Самарский государственный университет (1969-1999). Самара, 1999.
8. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3.

А.И. Елисеев

Самарский национальный исследовательский университет

ДЕПУТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В.Г. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

В современной исторической науке региональный аспект функционирования Государственной Думы Российской империи пользуется большим вниманием исследователей. В связи с этим нам кажется актуальным обращение к истории самарских депутатов. Целью данной статьи является рассмотрение деятельности в Думе депутата Василия Гавриловича Архангельского.

Краткие сведения об общественно-политической деятельности Архангельского представлены в дореволюционных справочных изданиях [2], посвященных депутатам Думы, и различных энциклопедиях [5], [3]. Василию Гавриловичу посвящены также историко-биографические исследования Г.А. Александрова [1] и И.Е. Фроловой [12]. Однако специально думская деятельность Архангельского не изучалась.

Василий Гаврилович родился 1 марта 1868 года в с. Микушкино Бугурусланского уезда Самарской губернии. Окончил Самарское духовное училище, а затем Самарскую духовную семинарию. Поступил в Казанскую духовную академию [1, с. 173-174], однако был отчислен с 3 курса за революционную пропаганду. Ему все же удалось в 1892 (по другим сведениям в 1891) году окончить Московскую духовную академию и получить степень кандидата богословия. После этого он стал заниматься преподавательской деятельностью. Экстерном закончил юридический факультет Юрьевского университета [10, с. 254-255].

В мае 1902 года попечитель Казанского учебного округа назначил Архангельского инспектором народных училищ в Ставропольский уезд Самарской губернии [12, с. 145]. Проработал он здесь недолго. В том же 1902 году предводителем ставропольского дворянства стал А.Н. Наумов, который одновременно занял должность председателя уездного училищного совета. Наумов заинтересовался личностью нового инспектора народных училищ и выяснил, что ранее Василий Гаврилович был исключен из Симбирской духовной семинарии, «как главный инициатор сильного оппозиционного брожения среди учеников» [9, с. 333]. Наумов собрал сведения, что Архангельский устраивал на работу в ставропольские школы учителями молодых людей, которые ранее занимались революци-

онной деятельностью. В итоге, Наумов добился того, чтобы Архангельского уволили с должности [9, с. 333]. Однако вскоре Василия Гавриловича назначают инспектором народных училищ уже в Новоузенском уезде. В 1905 году он вступает в ряды партии эсеров. Через год Архангельского смещают с занимаемой должности за «вредное влияние на подведомственных ему учителей» [1, с. 174]. Он уезжает в Казань, где становится сотрудником газеты «Волжский вестник». 16 октября 1906 года всю редакцию газеты арестовывают, а Архангельского высылают в Тобольскую губернию [5, с. 24]. Пробыл в ссылке он недолго. В январе-феврале 1907 года проходят выборы во вторую Государственную Думу и Архангельского избирают в депутаты от Самарской губернии. Эсер С.С. Кондурушкин вспоминал, что уже на первом губернском предвыборном собрании, когда среди уездных выборщиков велись жаркие обсуждения, кого выбрать кандидатом в нижнюю палату парламента, представители Новоузенского уезда единогласно выдвинули кандидатуру Архангельского [8, с. 473-474]. 7 февраля 1907 года на губернском избирательном собрании «за» избрание Архангельского в депутаты проголосовали 111 выборщиков, «против» — 54 [4].

На заседания Думы Архангельский прибыл из тюменской тюрьмы. Он вошел в состав думской группы социалистов-революционеров. Архангельского избрали сразу в несколько комиссий: аграрную, по народному образованию и для подсчета избирательных записок при избрании товарищей председателя Думы [7, с. 53]. Активно проявил себя Василий Гаврилович на думской трибуне. За время работы Думы второго созыва самарские депутаты отметились 25 выступлениями в думских прениях, при этом 15 из них пришлось на Архангельского. Он принял участие в обсуждениях депутатами вопросов, связанных с созданием продовольственной комиссии, аграрной реформой, законопроектом по отмене военно-полевых судов, созданием комиссии по народному образованию, несколькими депутатскими запросами и пособием на издание журнала «Художественное сокровище России» [7, с. 53]. На заседании 15 марта Архангельский от лица группы социалистов-революционеров внес на рассмотрение Думы предложение об организации комиссии по борьбе с безработицей, а также огласил проект «Основных положений временных правил об организации общественных работ для безработных» [11, с. 572-574]. Помимо этого, Василий Гаврилович поставил свою подпись под следующими законодательными предложениями: об образовании местных земельных комитетов, проектом 104-х депутатов об основных положениях земельного закона, об амнистии и о временных правилах по народному образованию [6, с. 10-15, 103, 203-208, 225-232].

Архангельский был одним из самых ярких избранников от Самарской губернии во второй Государственной Думе. Самарский эсер проявил себя в разных направлениях думской работы, отдельно среди них следует отметить его активность на думской трибуне.

Библиографический список

1. Александров Г.А. К биографии эсера Архангельского // Вопросы истории. 2002. № 6.
2. Боиович М.М. Члены Государственной Думы: (портреты и биографии): второй созыв, 1907-1912 г. М, 1906.
3. Всероссийское Учредительное собрание : энциклопедия / отв. ред. Л.Г. Протасов. М., 2014.
4. Городской вестник. Самара, 1907. 9 февраля.
5. Государственная Дума России : энциклопедия : в 2 т. Т. 1: Государственная Дума Российской империи, 1906-1917 / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.; Челябинск, 2013.
6. Государственная дума. Созыв 2-й. Законодательные заявления, внесенные на основании ст. 55 Учреждения Государственной думы. СПб., 1907.
7. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. 2-й созыв. Заседания 1-53 (20 февраля – 2 июня 1907 г.). СПб., 1907.
8. Кондурушкин С.С. На выборах // Выборы в I-IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / под общ. ред. А.В. Иванченко. М., 2008.
9. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Кн. 1. Нью-Йорк, 1954.
10. Овсянников В.А. Депутат Шарков // Ставрополь – Тольятти. Страницы истории. Часть II. Дела и люди. Тольятти, 1999.
11. Стенографические отчеты Государственной Думы. 1907. 1-й созыв. Сессия 2. СПб, 1907. Т. 1.
12. Фролова И.Е. Судьба эсера В. Г. Архангельского // Вопросы истории. 2005. № 8.

А.Е. Михайлова

Самарский национальный исследовательский университет

ВКЛАД М.Д.ЧЕЛЫШОВА В АНТИАЛКОГОЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Начало XX века в России было ознаменовано борьбой с «зеленым змием», обсуждением законопроектов об ограничении производства и потребления алкоголя. Важную роль в этом процессе сыграл выдающийся деятель III Государственной Думы, городской голова Самары, М.Д. Челышов.

Депутатом III-ей Государственной Думы от партии октябристов с записью "крестьянин" Михаил Дмитриевич становится в 1907 г. [6, с. 37]. На первом заседании Думы он произнес речь, обличающую проблему пьянства в стране. В ней он заметил стремительный рост продажи алкоголя, увеличение преступности, рост числа душевнобольных [3, с. 75-79].

Обвинял «борец за трезвость» государство за поощрение винокурщиков, которое эксплуатирует « пороки людские».

Данное выступление Чельшова обратило на себя внимание корреспондентов центральных газет. Так, «Новое время» 29 ноября 1907 года, отмечала, что Михаил Дмитриевич первым затронул болезненную тему пьянства русского человека: «Это делает ему честь и, может быть, дает ему историческое имя» [5].

Для решения проблемы с алкоголем, Михаил Дмитриевич предлагал ряд мер, одна из них заключалась в объединении всех народных представителей, которое позволит выполнить «обязательства пред народом и страной» [7, с. 194]. Другой мерой, предлагаемой Чельшовым, становится решение вопроса воспитания молодого поколения, которое необходимо сделать через школу [9, с. 335]. Также Михаил Дмитриевич настаивал на издании закона, «в корне подрывающего распространение спиртных напитков» [9, с. 507].

Антиалкогольная направленность деятельности Михаила Дмитриевича находила отклик среди многих людей. Он замечал, что ему «пишут корреспонденты-крестьяне и говорят: обложите воду, обложите хлеб, но избавьте нас от кабака» [9, с. 267]. Пользовался Михаил Дмитриевич поддержкой и среди многих видных людей: Л.Н. Толстого, А.Ф. Кони, П.А. Столыпина. Признавали верность курса Чельшова представители духовенства, дворяне, купцы, заводчики, промышленники [8, с. 121-122]. Приходили письма, выражающие уважение Михаилу Дмитриевичу из европейских государств: Швеции, Норвегии, Италии, Франции, Германии, США [2].

Противниками предложений Чельшова были депутаты Думы, обвинявшие его в фанатизме, популизме. Более всего критиковали самарского депутата П.Н. Милюков и В.Н. Коковцов. Особое противодействие деятельности самарского депутата вызвала в кругах производителей алкоголя [1].

13 декабря 1907 года в Думе благодаря активному участию Чельшова была образована Комиссия по борьбе с народным пьянством во главе с епископом Гомельским Митрофаном. Спустя почти 5 лет работы Комиссии, III Дума, приняла законопроект усиления мер борьбы с народным пьянством. Основной составляющей этого проекта было предоставление городским думами и земским собраниям права запрещать открытие и требовать закрытия винных лавок в определенных местах [3, с. 75-79]. Предусматривались понижение крепости водки до 37°, прекращение ее розлива в мелкую посуду и продажа не более одной бутылки в руки. На этикетке бутылки предполагалось помещать указание о вреде вина. Впервые предполагалось ввести в школах обязательное «сообщение сведений о вреде алкоголизма» [4].

Проект дошел до Государственного Совета зимой 1913-1914 гг., где его изучала комиссия для внесения поправок. Позже он был возвращен в IV Думу, в которую не вошел Чельшов, для доработки. Однако этому проекту не суждено было обрести статус закона [7]. С началом Первой мировой войны, в стране вводится «сухой закон», фактически положивший крест на почти семилетней разработке антиалкогольного законопроекта [1, с. 2].

Таким образом, М.Д. Чельшов принимал активное участие в работе III Государственной Думы, где внес существенный вклад в разработку антиалкогольного законодательства, которое, к сожалению, не было превращено в жизнь из-за введения «сухого закона».

Библиографический список

1. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907-1914 годы: опыт оздоровления общества // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 5(31).
2. Бажанов Е. Апостол народной трезвости // Новая эпоха. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nova-epoha.com/articles/11-obshchestvo/260-apostol-narodnoi-trezvosti> (Дата обращения:08.11.2020).
3. Гончарова С.Г. Судьба правительственных законопроектов по борьбе с пьянством в России(1907-1917 гг.) // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2014. № 1.
4. Курукин И. Повседневная жизнь русского кабака. М., 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=145545&p=89> (Дата обращения: 03.11.2020).
5. Новое время. 1907. № 11393.
6. Протько Т.С. В борьбе за трезвость. Минск, 1988.
7. Стогов Д.И. Меры по борьбе с пьянством в Царской России: краткая историческая ретроспектива // Независимость личности. Газета Российской наркологической лиги. 2014. № 2 (56).
8. Чельшов М.Д. Пошадите Россию! Правда о кабаке, высказанная самим народом по поводу закона о мерах борьбы с пьянством. Самара, 1911.
9. Чельшов М.Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб., 1912.

**ПОМОЩЬ ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ (КВАКЕРОВ)
ГОЛОДАЮЩЕМУ НАСЕЛЕНИЮ БУЗУЛУКСКОГО УЕЗДА
САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.**

События начала 1920-х гг., засуха, неурожай и голод, оставили глубокий след в отечественной истории. Правительство пыталось, как могло, улучшить положения голодающих регионов, включая Поволжье, но средств катастрофически не хватало. На призыв помощи голодающему населению России откликнулись различные общественные организации России и зарубежья. Большую роль в оказании помощи голодающим в Бузулукском уезде Самарской губернии сыграли иностранные организации, а именно Английская и Американская группы Общества Друзей (квакеров) (ОДК).

Впервые квакеры, Джозеф Берг, Роберт Тэтлок и Теодор Ригг, посетили Бузулукский уезд в 1916 г., во время I Мировую войны, в связи с организацией помощи беженцам. Осуществив ряд инспекционных поездок, квакеры начали организовывать временные работы для безработного населения, открывать питательные пункты, отстраивать и благоустраивать жилища [2, оп. 1. д. 3. л. 7-8 об].

Во второй раз квакеры вернулись в Бузулук в 1921 г., когда правительство РСФСР приняло решение обратиться за помощью к иностранной общественности. Для успешной работы иностранных организаций было создано Полномочное представительство Правительства РСФСР при всех иностранных организациях, а на местах – местные представительства. Советское правительство и квакеры 16 сентября 1921 г. подписали ряд соглашений, в рамках которых квакеры могли организовывать собственные складские помещения, распределять гуманитарную помощь и координировать ее доставку до пунктов назначения [3, с. 77]. В соответствии с этими соглашениями квакеры начали работу по оказанию помощи голодающему населению Бузулукского уезда. Они активно занимались обеспечением населения всем необходимым: оказанием продовольственной помощи, организацией пунктов общественного питания для детей и взрослых, снабжением одеждой и обувью, обеспечением медицинской помощью [2, оп. 1. д. 3. л. 8-9 об].

Первоначально квакеры осуществляли свою деятельность только в тех местах, где дела обстояли хуже всего, но крестьяне начали покидать свои дома и направлялись туда, где кормят, что привело к резкому увеличению числа голодающих.

На лето 1922 г. численность Английской группы ОДК выросла до 28 сотрудников, в Американской группе ОДК – 14 человек. В июньском докладе 1922 г., представленном Бузулукской уездной комиссии помощи голодающим, говорится о территориальном расположении работ ОДК: Английская группа ОДК – 38 волостей северо-западной части уезда и в городе Бузулуке, Американская группа ОДК – 18 волостей юго-восточной части уезда, резиденция – с. Сорочинское [1, оп. 1. д. 2. л. 17-18].

Также в докладе содержится информация о продуктивном составе выдаваемого пайка ОДК для детей и взрослых. В паек входила пшеница – 12 фунтов, кукуруза – 30 фунтов, фасоль – 2 фунта, крупа – 3½ фунта, сельдь – 1 фунт, мука – 3 фунта, рис – 1 фунт, сахар – 1/2 фунта, консервы – 2 банки [1, л. 17-18]. Но безусловно, нужно понимать, что не везде состав продуктового пайка был одинаков: это зависело от возможностей местных властей по транспортировке товаров, от половозрастного состава голодающих. В своих воспоминаниях, в частности, квакеры описывали дневной рацион, полагавшийся на одного ребенка, он составлял 4,8 унции хлеба, 1,5 унции бобов, 1,5 унции риса, 0,225 унции жиров, 0,15 унции какао, 0,225 унции сахара, 0,525 унции молока, 0,125 унции шоколада» [2, оп. 1. д. 3. л. 14].

На май 1922 г. ОДК оказывало продовольственную помощь 397 723 человек [1, оп. 1. д. 2. л. 4]. К августу месяцу, после урожая, количество питающихся было снижено до 243 687 человек [1, оп. 1. д. 2. л. 38]. В январе 1923 г. количество получающих питание взрослых составляло 141 263 человека, детей – 125 946 человек, что равнялось 55,1 % всего нуждающегося населения [1, оп. 1. д. 2. л. 17-18].

Во многом благодаря дружественным взаимоотношениям между представителями местной власти и организацией ОДК к сентябрю 1923 г. голод в Бузулукском уезде в основном был преодолен. Примечательно, что квакеры английской и американской групп не сразу покинули уезд и Россию: вплоть до 1931 г. некоторые из них оставались и оказывали помощь в преодолении последствий голода, способствовали восстановлению производства и сельского хозяйства.

Библиографический список

1. Государственный архив Оренбургской области в г. Бузулуке (ГАОО, г. Бузулук). Ф. Р-536.
2. ГАОО, г. Бузулук. Ф. Р-616.
3. Макфадден Д., Горфинкел К. Советская Россия 20-х гг. глазами Друзей / под ред. С.А. Никитина; пер. с англ. Л.В. Радченко. Самара, 2010. 270 с.

**СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗОВАННОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ:
ЛЮДВИГСБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
«БОЕВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВОЕННОПЛЕННЫХ»**

Современная историография, изучая аспекты немецкого плена, значительное место уделяет сопротивлению советских военнопленных. Деятельность организованного антифашистского Сопротивления в годы Второй Мировой обширна, а к ее проблематике обращались все послевоенные поколения историков. В отечественной историографии исследованием проблем изучения плена занимались М.Е. Ерин, В.Н. Земсков, П.М. Полян, М.И. Семиряга и другие [3]. Несмотря на это, индивидуальные судьбы участников организованного сопротивления изучались в ограниченных рамках, где внимание акцентировалось на изучении режима фашистских лагерей и трудоустройства советских военнопленных на территории Третьего рейха.

Цель статьи – проанализировать организованную подпольную деятельность Людвигсбургской ячейки организации БСВ, на примере деятельности И.С. Дикова. Исходя из цели и принципов исследования нами были проанализированы личные дела И.С. Дикова, хранящиеся в СОГАСПИ [5], частные переписки [6, л. 15] и воспоминания участников антифашистского подполья [4]. Систематизация полученной информации позволяет сделать выводы об особенностях пребывания советских военнопленных в концентрационных лагерях, их реакции на условия содержания, выраженной в деятельности сопротивления. Статья состоит из введения, основной части, заключения и списка использованной литературы.

Сопротивление – неотъемлемая часть практик выживания и адаптации военнопленных, выражающая несогласие с нацистской идеологией [3, л. 160]. Закономерность возникновения групп сопротивления обусловлена необходимостью самоутверждения в новых условиях, потребностью в чувстве защищенности. Бедственное положение военнопленных разных национальностей подталкивало к единению, с целью осуществления совместной подрывной деятельности. Распространенной практикой было создание центров сопротивления в ревирах лазаретов [3, л. 164]. В течение мая – июня 1943 г. ячейки БСВ были созданы во многих мюнхенских лагерях «восточных рабочих». «БСВ» – единый интернациональный антифашистский союз, смысл которого заключался в создании законспирированного ядра, руководящего подрывной деятельностью военнопленных [1, л. 89]. Возможности сопротивления зависели от местных условий лагеря. Этим обусловлена деятельность подпольной ячейки

лагеря г. Людвигсбург, которая отражена в воспоминаниях ее участника [4], Ивана Дикова, вступившего 13 ноября 1943 года в актив неравнодушных [4, л. 6]. Этот актив в дальнейшем будет преобразован в Людвигсбургское отделение организации БСВ [5, л. 11, 17, 56, 57]. Председателем комитета был избран Д.М. Миронов (подпольная кличка «работа»), а заместителем П.И. Пышкин («школа») [4, л. 6]. Отделение возглавило всю подпольную деятельность в Штутгартском промышленном районе [1, л. 192].

Деятельность подпольщиков Людвигсбургского лагеря была разнообразна. В составе БСВ Иван Диков осуществлял борьбу с изменниками и шпионами, занимался организацией вредительства на производстве, распространением агитационных листовок [4, л. 3, 15, 17], объявлением голодовок, организацией комитетов в рабочих командах, отправкой товарищей в партизанские отряды, готовил побеги и добывал питание товарищам. [2, л. 4]

Здесь у него родилась идея «Народного суда», которую он воплотил в жизнь [1, л. 192]. «Суд» был настоящим феноменом, так как «осуществлял правосудие советских патриотов над шпионами, предателями и провокаторами» на территории концентрационного людвигсбургского лагеря вплоть до 10 июня 1944 года [2, л. 5]. За свою деятельность Иван Степанович получил «награды» – прозвища «Прокурор» и «Красный крест» [4, л. 9]. Лагерь военнопленных под Людвигсбургом был единственным, где сам себя изжил «институт полицейских предателей» [1, л. 193].

Целью Людвигсбургского БСВ была организация вооруженного выступления, подобного выступлению в лагере Бухенвальд, которое, по ряду причин, осуществить не удалось. 22 августа 1944 г., вся подпольная сеть организации БСВ была раскрыта. С 23 июня 1944 было казнено 468 человек, причастных к организации. [1, л. 70] Участники Людвигсбургской ячейки БСВ были перевезены в Шталаг № 5 [4, л. 9], где должны были быть расстреляны. Однако, 5 октября 1944 г., кровавой расправе помешала американская бомбардировка, после чего военнопленных переправили в лагерь Дахау [4, л. 10].

Роль Людвигсбургского отделения организации БСВ, несмотря на неудавшуюся попытку организации вооруженного выступления, была существенна. Анализ настроений бывшего советского военнопленного И.С. Дикова, на основе его реакции, отраженной в воспоминаниях, демонстрирует активную позицию советских военнопленных. Рассмотрение вопросов плена через принципы истории повседневности дает возможность дать оценку деятельности советских военнопленных, понять ее мотивы, выраженные не только в практике выживания, но и борьбе за свое человеческое достоинство.

Библиографический список

1. Бродский Е.А. Они не пропали без вести: Не сломленные фашистской неволей / Отв. ред. В.Д. Ежов. М.: Мысль, 1987. 461 с.
2. Вятский А. Борьба в окопах // Память народа священна. 1965. № 78. С. 4-5.
3. Ерин М.Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941-1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 178 с.
4. Самарский государственный архив социально-политической истории (далее СОГАСПИ). Ф. 651. Оп. 10. Д. 15.
5. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 122. Д. 220.
6. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 198. Д. 224.

А.М. Фролова

Самарский национальный исследовательский университет

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г.Н. КОСТРОМИТИНОВА

Актуальность работы состоит в том, что в современных условиях интерес к изучению деятельности депутатов Первого российского парламента существенно возрос. Для решения актуальных проблем в экономической и социальной сферах, как никогда необходимо эффективное реформирование современной политической системы. В этой связи изучение опыта функционирования I-ой Государственной Думы может помочь избежать обострения противостояния общества и власти и продолжить созидательную деятельность по восстановлению экономического и социокультурного потенциала страны.

На данный момент существуют немногочисленные работы по данной теме, которые позволяют исследовать биографию Г.Н. Костромитинова, в том числе общественно-политическую деятельность Георгия Николаевича. Такими работами является Т.Ф.Алексушина «Самарские страницы российского дворянства», статья Е.П. Бариновой, П.С. Кабытова, Н.Н. Кабытовой «Самарский помещик и либерал Георгий Николаевич Костромитинов», в работе Е.Е. Шеремеева «Самарский «сфинкс» при правительстве Колчака: А.К. Клафтов (1871-1920 гг.)-биография на фоне эпохи», основные биографические данные о Костромитинове в энциклопедиях- «Самарцы – депутаты Государственной Думы Российской Империи. Сборник к 100-летней годовщине Государственной Думы Российской Империи», в 3 томе энциклопедии Самарской области. Источниками для написания данной статьи послужили М.М. Бионович «Члены Государственной Думы. (Портреты и биографии). Первый созыв», «Государственная Дума первого созыва. Члены Государственной Думы Порт-

реты, краткая биография и характеристика депутатов», А.А. Чемодуров «Краткая записка о деятельности самарского дворянства за пятидесятилетний период существования Самарской губернии 1851-1901».

Г.Н. Костромитинов- самарский дворянин, депутат I Созыва Государственной Думы Российской Империи от Самарской губернии (27 апреля-8 июля 1906 года) [5, с. 175].

Дворянин проявлял инициативность в земской деятельности, то есть Георгий Николаевич активно занимался земской деятельностью в течение 25 лет. С 1881 года Г.Н. Костромитинова стали выбирать гласным Бузулукского земского собрания, с 1886 года- Самарского губернского земства. В течение года он входил в состав уездного присутствия по крестьянским делам. Георгий Николаевич три года являлся членом уездной земской управы Бузулукского уезда. Активность Костромитинова была столь высока, что он был избран председателем губернского сельскохозяйственного общества [2, с. 283].

Г.Н. Костромитинов был приверженцем либеральных взглядов. В связи с этим у него часто возникали дискуссии с представителями консервативных взглядов губернского земского собрания. Особенно сложными были отношения Костромитинова с губернским предводителем самарского А.А. Чемодуровым [2, с. 284].

Будучи либералом, Георгий Николаевич активно включился в земскую деятельность как в Бузулукском уезде, так и в Самарской губернии [2, с. 284].

В качестве мирового судьи, Костромитинов был избран в 1903 году [2, с.284].

В 1905 г. дворянин был одним из инициаторов создания партии кадетов в Самаре, с которой он продолжал сотрудничество вплоть до 1916 года. Костромитинов принимал участие в работе местного отделения партии кадетов до того, как началась Первая мировая война. После находился в своей усадьбе [8, с. 42].

26 марта 1906 г. Г.Н. Костромитинов был избран в I Государственную думу Российской империи: из 176 членов избирательного собрания Самарской губернии 120 человек отдали свой голос за него. В Думе Костромитинов входил в состав конституционно-демократической фракции; был членом комиссии 33-х по исследованию незаконных действий должностных лиц, а также финансовой комиссии. В числе одобренных им законопроектов – «Проект 42-х» по аграрному вопросу, «О гражданском равенстве», «Об изменении статей 55-57 Учреждения Государственной думы» [6, с. 25].

После роспуска I Государственной Думы Российской Империи Костромитинов продолжил деятельность в качестве депутата. В 1906 г. в ответ на запрос Таллинского сельского схода Бузулукского уезда о полезности

землеустроительной комиссии Костромитинов отправил старосте письмо, в котором отрицал полезность данной комиссии, объяснял суть земельного вопроса, предсказывал, что благодаря трудам и борьбе членов Думы против правительства данный вопрос сможет решиться [1, с. 295].

Кроме того, Костромитинов стал одним из тех депутатов распушенной Думы, кто подписал воззвание «Манифест Государственной Думы, народу от народных представителей» в Выборге и распространял данное воззвание. В «Манифесте» сообщалось, что правительство сопротивляется наделению крестьян землей, что правительство не имеет права без народного представительства собирать налоги, призывать солдат на военную службу, делать займы. Данный «Манифест» призывал общество к сопротивлению. Против депутатов, которые подписали Выборгское воззвание, было возбуждено уголовное преследование. По решению суда депутаты, подписавшие воззвание, отсидели 3 месяца в крепости, были лишены избирательных прав при выборе в новую Думу и на другие общественные должности [1, с. 295].

Арест Г.Н. Костромитинова и обыск на его квартире произошел 3 декабря 1907 г. Костромитинов находился под стражей до освобождения – до 29 февраля 1908 г. Дело было прекращено, так как против него не было собрано достаточно улик. После освобождения жил в родовом имении в деревне Стрелковка [1, с. 295].

Таким образом, у Г.Н. Костромитинова была обширная земская и общественная деятельность. Георгий Николаевич был мировым судьей; был участником земских съездов, являлся членом «Союза земцев-конституционалистов», входил в Самарский губернский комитет конституционно-демократической партии; являлся депутатом I Государственной Думы от Самарской губернии в составе конституционно-демократической фракции. Он входил в состав депутатов распушенной Думы, тех, кто подписал воззвание «Манифест Государственной Думы, народу от народных представителей» в Выборге, распространял данное воззвание, в связи с этим отсидел 3 месяца в крепости, был лишен избирательных прав при выборе в новую Думу и на другие общественные должности. Георгий Николаевич продолжал сотрудничество в работе местного отделения партии кадетов до начала Первой мировой войны.

Библиографический список

1. Алексушина Т.Ф. Самарские страницы российского дворянства. Самара, 2013.
2. Баринова Е.П., Кабытов П.С., Кабытова Н.Н. Самарский помещик и либерал Георгий Николаевич Костромитинов // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2 (27).
3. Боинович М.М. Члены Государственной Думы. (Портреты и биографии). Первый созыв. М.: Т-во И.Д.Сытина, 1906.

4. Государственная Дума первого созыва. Члены Государственной Думы. Портреты, краткая биография и характеристика депутатов. М.: Возрождение, 1906.

5. Кабытов П.С., Аншаков Ю.П., Дубман Э.Л., Розенберг Г.С., Голубков С.А., Платонов И.А. Энциклопедия Самарской области. Том 3. К-М. Самара, 2011.

6. Самарцы – депутаты Государственной Думы Российской Империи. Сборник к 100-летней годовщине Государственной Думы Российской Империи / Сост. И.В. Крамарева, И.Н. Лазарева. Ч.1. Самара: Самарский Дом печати, 2006.

7. Чемодуров А.А. Краткая записка о деятельности самарского дворянства за пятидесятилетний период существования Самарской губернии 1851-1901. Самара, 1901.

8. Шеремеев Е.Е. Самарский «сфинкс» при правительстве Колчака: А.К. Клафтов (1871-1920 гг.) – биография на фоне эпохи. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2011.

А.С. Романова

Самарский национальный исследовательский университет

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА И ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Последняя российская императрица Александра Федоровна, урожденная принцесса Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская, с самого начала не была принята великосветскими кругами российского общества и, в первую очередь, великими князьями и княгинями.

У высшего света уже был сложившийся образ императрицы, который олицетворяла вдовствующая императрица Мария Федоровна. Обладавшая светским тактом, она составляла здесь противоположность Александре Федоровне, которая не любила светских мероприятий и была очень застенчива. Эта застенчивость воспринималась придворными и родственниками со стороны императора как высокомерие, что послужило отправной точкой сначала для отчуждения, а затем и для неприязни со стороны высшего света [4, с. 57].

В годы Первой мировой войны градус неприязни к Александре Федоровне значительно возрастает, а в некоторых случаях переходит практически к открытой вражде. Ее обвиняли во вмешательстве в государственные дела, в манипулировании императором. Причем эти обвинения исходили сначала из придворной среды, а затем распространились и среди широких слоев российского общества.

Об отношении великих князей к последней российской императрице говорили многочисленные попытки как-то устранить Александру Федоровну с политической сцены.

Так, в 1917 году великий князь Александр Михайлович общался с великим князем Михаилом Александровичем по поводу встречи с императрицей, а затем и с самим императором по вопросам, которые волновали тогда думские круги. Эти вопросы касались создания правительства, приемлемого для Государственной Думы, а также отстранения Александры Федоровны от вмешательства в государственные дела [1, с. 224]. Не добившись успеха, он уехал. После повторного разговора уже с Николаем II великий князь встречался с великими князьями Михаилом Александровичем и Кириллом Владимировичем, которые разделяли его точку зрения [2, с. 126].

Великий князь в это время совместно с другими великими князьями обсуждал план высылки Александры Федоровны в Ливадию, который им не удалось осуществить. А после всех неудавшихся попыток добиться положительного, как считали великие князья, мер, по мнению историков К.О. Битюкова и Е.Е.Петровой, Александр Михайлович был уже не против и дворцового переворота [5, с. 122].

Главная причина того, что личная неприязнь великих князей приобрела политически оттенок, связана с их мнением о том, что Николай II не прислушивается к их советам и требованиям из-за влияния на него Александры Федоровны. Именно она, по мнению большинства, была виновна в том, что император поступает не так как считает нужным его ближайшее окружение, и, несмотря на то, что Александра Федоровна не имела такого колоссального влияния на Николая II, это мнение до сих пор имеет вес в исторической науке.

Этого же мнения придерживалась и вдовствующая императрица Мария Федоровна, о чем свидетельствует ее переписка с великим князем Николаем Михайловичем. Размышления о пагубном влиянии императрицы начались в июле 1916 г. Великий князь Николай Михайлович подогревал недовольство вдовствующей императрицы к невестке во всех письмах начиная с 28 июля, то есть после того, как ему было отказано в участии в подготовке к будущей мирной конференции. 13 августа в послании к вдовствующей императрице он писал об Александре Федоровне: «Образ мыслей А.Ф. принял угрожающий оборот не только для повседневных интересов нашей родины, но и для интересов Ники и всей династии». Между великим князем и вдовствующей императрицей возникло взаимопонимание на почве неприязни к Александре Федоровне [5, с. 42].

Следует отметить, что многие нелепые слухи об императрице распространялись из великокняжеской среды, о чем она знала. Так, 10 сентября 1915 года Александра Федоровна писала императору, что слухи о ее предстоящем заточении в монастырь распространяли ранее в Киеве сестры «черногорки» великие княгини Милица Николаевна и Анастасия Николаевна (жены великих князей Петра Николаевича и Николая Николае-

вича). Императрица признавала также, что эта «грязная сплетня достигла и действующей армии [3, с. 345].

Таким образом, Александра Федоровна не имела поддержки среди великих князей и княгинь. Отчуждение с началом войны переросло в неприязнь, которая объяснялась уверенностью великих князей в том, что причиной их отдаления от императора стало влияние императрицы Александры Федоровны.

Библиографический список

1. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. Т. II.
2. Кирилл Владимирович, Император. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996.
3. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
4. Мемуары великой княгини Ольги Александровны / Запись Я. Ворреса. М., 2003.
5. Петрова Е.Е., Битюков К.О. Великокняжеская оппозиция в России 1915-1917 гг. СПб., 2009.

А.А. Федулов, Д.А. Холостяков

Самарский государственный медицинский университет

СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСНОВАТЕЛЯ КУЙБЫШЕВСКОЙ (САМАРСКОЙ) ШКОЛЫ ПРОКТОЛОГОВ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА АМИНЕВА

Научное и научно-педагогическое наследие Александра Михайловича Аминева и его роль в становлении куйбышевской (самарской) школы проктологов являются большим явлением в советской и российской медицине. Обращение к достижениям А.М. Аминева, воплотившего в своей деятельности, передовые технологии и знания медицины советской эпохи, позволит объективно проанализировать научно-медицинский поиск в данной сфере и, что не маловажно, восстановить его «философию здоровья» (отношение к пациентам, профессии, мировоззренческие ценности) как пример бережливого, эффективного и внимательного отношения к профессии.

А.М. Аминев — один из пионеров применения эндоскопического метода и основателей колопроктологии в СССР. Автор 518 научных трудов, в том числе 37 монографий, среди них капитальный труд «Руководство по проктологии». «Лекции по проктологии» принесли ему премию имени Н.И. Пирогова и были изданы на польском языке. Под его руководством выполнены 146 диссертаций, из них 33 — докторские. А.М. Ами-

нев был членом редакционного совета журнала «Хирургия», членом правления Всесоюзного и Всероссийского научных обществ хирургов. В последние 20 лет своей жизни он — бессменный председатель правления Куйбышевского областного научного общества хирургов [7, с. 269].

В качестве источников для изучения были использованы опубликованные личные источники (интервью, воспоминания, заметки) А.М. Аминева, Г.П. Котельникова, А.Ф. Краснова, В.Р. Исаева, С.Е. Каторкина.

Армейским хирургом 28-й общевойсковой, затем 5-й танковой армии А.М. Аминева прошел боевой путь от Сталинграда до Берлина и закончил Великую Отечественную войну в звании полковника медицинской службы и в должности главного хирурга армии. Под артиллерийским огнем профессор проводил огромную практическую работу и продолжал научные наблюдения. Результатом стали спасенные жизни бойцов Красной Армии и множество научных трудов [7, с. 272].

А.М. Аминева был увлеченным, целеустремленным, цельным и открытым человеком. С ним можно было спорить. При этом он напряженно и всегда внимательно выслушивал аргументы. Если сотрудники кафедры и клиники в дискуссии оказывали упорное сопротивление, что, впрочем, было редко, то Александр Михайлович мог и уступить. Напротив, его непоколебимая точка зрения, как правило, становилась общепринятой и была руководством к действию. Его тихая, правильная речь казалась сильнее ударов молотка по наковальне, когда он отмечал упущения в работе сотрудников. Главным для него было излечить больного, избавить его от болезни [8, с. 21].

Работы, выполненные А.М. Аминева и его учениками, явились крупным вкладом в отечественную хирургию, а город Куйбышев стал одним из центров развития коло-проктологии в нашей стране. Высокий интеллект, широкая эрудиция, удивительная тактичность и высокая общая культура, а также знание английского, немецкого и французского языков создали проф. А.М. Аминева авторитет среди хирургов и проктологов как в СССР, так и за рубежом. Александр Михайлович выступал с докладами на международных конгрессах хирургов в Токио, Вене, Будапеште, Праге [9, с. 12].

Факторы, обусловившие формирование А.М. Аминева как высококлассного специалиста, одного из пионеров применения эндоскопического метода и основателя колопроктологии, основоположника мощной научно-педагогической школы СамГМУ, — сочетание высоких качеств личности А.М. Аминева и той социокультурной (семейной и профессиональной) среды, в которой он жил и работал. Предвоенный и военный опыт оказал большое влияние на А.М. Аминева, определил формирование и развитие его передовых научных идей об эффективных методах лечения. Работа в Куйбышевском медицинском институте им. Д.И. Ульянова позволила воплотить и совершенствовать его научно-практические цели.

Библиографический список

1. Аминов А.М. Впечатления от 50 операций по поводу выпадения прямой кишки. За колопексию по Кюммелю. Против операции Рен-Делорм-Бира // Хирургия. 1938. № 1. С. 138-143.
2. Заривчацкий М.Ф. Александр Михайлович Аминов (1904–1984) / М.Ф. Заривчацкий, М.Я. Подлужная, Н.Я. Азанова // Хирургия. 2013. № 3. С. 98–100.
3. Аминов А.М., Радушинская Л.И. О лечебном значении перитонеоскопии // Вестник хирургии. 1939. № 5. С. 415-417.
4. Люди. Годы. История. К 45-летию кафедры травматологии, ортопедии и экстремальной хирургии СамГМУ / под редакцией академика РАМН, профессора Г.П. Котельникова. Самара: ООО «Издательство Ас Гард», 2012. 162 с.
5. Глянецв С.П., Оловянный В.Е., Орловский А.С. Г.А. Орлов и А.М. Аминов — пионеры применения эндоскопического метода в отечественной хирургии. Малоинвазивная хирургия // Эндоскопическая хирургия: Медиа Сфера. 2006. № 6. С. 3-8; Аминов А.М. Перитонеоскопия. Куйбышев, 1948. 116 с.
6. Котельников Г.П., Жуков Б.Н., Исаев В.Р. Профессор А.М. Аминов — ученый, хирург, наставник // Актуальные вопросы колопроктологии: тезисы докладов первого съезда колопроктологов России с международным участием. Самара, 2003. С. 5-14;
7. Каторкин С.Е. Сердце хирурга. Профессор А.М. Аминов (1904-1984) // Новости хирургии. 2014. Т. 22. № 3. С. 269-279.
8. Цит. по: Лысов Н.А., Каторкин С.Е. Научно-педагогическая школа профессора А.М. Аминова (1904-1984) // Вестник медицинского института «Реавиз»: реабилитация, врач и здоровье. 2015. №3 (19). С. 21.
9. Курыгин А.А., Семенов В.В. Профессор А.М. Аминов (1904-1984) // Вестн. хир. 2016. № 6.

И.И. Вергей

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

МУНИЦИПАЛИТЕТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ В 1990-Е ГГ. В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Радикальные преобразования, развернувшиеся в России в 1990-е годы, сопровождались глубокими переменами во всех сферах общественной жизни и, прежде всего, в социальной. Особенностью рассматриваемого периода истории является возникновение ряда проблем, на решение которых прежняя социальная политика не была рассчитана. Это обесценивание доходов населения в результате огромного роста инфляции, появление безработицы, вызванной резким спадом промышленного производства и т.д. Существование других причин, например, как нищета, бедность, имущественное расслоение населения, игнорировалось и замалчивалось или объявлялось исключением из правил. В значительной сте-

пени подобный подход объяснялся идеологическими соображениями. Но в результате отсутствия реального представления о существующих социальных изъянах, общество было лишено возможности противостоять им, выработать средства и методы борьбы. В условиях переживаемого странной социально-экономического кризиса первостепенное значение приобретает формирование целостной концепции социальной защиты населения, реализация которой была призвана ослаблять неблагоприятные последствия реформ, способствовать социальной адаптации людей, обеспечивать социальную и политическую стабильность общества.

Анализ делопроизводственных документов районных советов народных депутатов, администрации г. Самары показал, что обращение граждан во власть в 1990-х гг. было вызвано резким ухудшением уровня жизни подавляющего числа населения. Периодическая печать этого периода позволяет увидеть реальную картину событий жизни населения города и процесс реализации многих законов и постановлений [1, с. 40-41].

По данным архивного фонда Администрации г. Самара, в частности по журналу регистрации постановлений [4, с. 1-2] и документов о состоянии работ по рассмотрению предложений, заявлений, жалоб граждан за 1993 г. [5, с. 5-6] установлена информация о количестве обращений граждан. Подробно рассмотрим данные Железнодорожного и Кировского районов (табл.1).

Таблица № 1

Район	Устные обращения	Письменные обращения	Итого	Из вышестоящих организаций	Положительные решения	С нарушениями в рассмотрении	Повторно поданные
Железнодорожный	541	450	991	250	690	-	8
Кировский	525	576	828	95	104	18	17

Отмечается примерно равная ситуация с количеством обращений граждан при различном уровне эффективности принятия положительных решений, что влечет повторные обращения.

Выделяются основные вопросы, по которым обращаются граждане:

- жилищный (поступило 1664 обращения);
- водоснабжения (поступило 777 обращений, в 1992 г. – 522);
- связь (поступило 101 обращение, в 1992 г. – 112);
- транспорт (поступило 208 обращений, в 1992 г. – 314)
- социальное обеспечение и социальная защита (поступило 223 обращения, в 1992 г. – 101).

Основными проблемами, на основе данных по Железнодорожному и Кировскому районам, в 1990-е годы были: ремонт ветхого жилья, постоянный рост цен на продукты первой необходимости, повышение качества оказания медицинских услуг, выделение различных квот для социально-незащищенных слоев населения (многодетные семьи, инвалиды, пенсионеры, семьи, потерявшие кормильца, и т.д.), улучшение качества связи, тепло- и энергообеспечения, ремонт дорог и многие другие. При анализе комплекса проблем выявляется то, насколько эффективно работали власти с населением по вопросам предложений, заявлений, жалоб со стороны последних [6, с. 9-11]. Люди призывали властей решать их проблемы с помощью личных обращений, звонков, писем в СМИ. Так, в статье «Власть, дай хлеба всласть!», газеты «Волжская коммуна» от 1991 г. [7], жители пос. Разбросной г. Сызрань делятся с журналистами не только насущными проблемами, из которых сложное положение стариков-пенсионеров во время кризисного времени, рост цен на продукты первой необходимости, отсутствие телефонных автоматов во всем поселке, разрушенные дороги и т.п., но и своим отношением к местным органам власти, которые долгое время не предпринимают никаких действий для решения вышеизложенных проблем. «Власть – она только для себя старается», – именно такие настроения выражали местные жители.

Анализ и обсуждение поступающих предложений, заявлений и жалоб способствовало выявлению случаев нарушения прав граждан и принятию оптимальных управленческих решений. В конце 1990-х гг. наблюдается наиболее яркий всплеск несвоевременности при выполнении органами местного самоуправления должностных обязанностей, что влечет за собой обращение граждан в вышестоящие органы власти.

Затруднения во взаимодействии муниципалитетов и населения в решении вопросов, касающихся социальной сферы, актуальны и сейчас. Проблемы, которые волновали население Самарской области в 1990-е гг., не имеют своевременного решения до настоящего момента, например, ремонт ветхого жилья в Кировском районе. Это позволяет сделать вывод о том, что аспект эффективности деятельности местного самоуправления в отношении политики социальной защиты населения продолжает оставаться перспективным направлением в изучении.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3535. Оп. 1. Д. 28.
2. ЦГАСО. Ф. 3340. Оп. 1. Д. 185.
3. ЦГАСО. Ф. 3340. Оп. 1. Д. 190.
4. ЦГАСО. Ф. 5033. Оп. 1. Д. 44.
5. ЦГАСО. Ф. 5033. Оп. 1. Д. 175.
6. ЦГАСО. Ф. 3340. Оп. 1. Д. 920.
7. Волжская коммуна. 1991. 28 декабря (№ 259–260).
8. Губернский вестник. 1994. 11 февраля (№ 38).

СЕКЦИЯ III.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

А.С. Бучинский

Самарский национальный исследовательский университет

ПЕРЕПИСКА ЕКАТЕРИНЫ II С ВОЛЬТЕРОМ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Переписка Екатерины с видными мыслителями эпохи Просвещения является значимым источником для изучения истории России второй половины XVIII века. По мнению английского историка-слависта Исабель де Мадариага, императрица, положив начало прямым контактам с лучшими умами европейского Просвещения, оказала важную услугу российской культуре в плане укрепления ее связей с интеллектуальной жизнью Западной Европы [4]. Российские и зарубежные исследователи отмечают исключительную важность переписки Екатерины II с европейскими мыслителями для понимания геополитической стратегии императрицы [1; 3].

Многолетняя переписка Екатерины II с Вольтером впервые была издана в 1803 году в переводе с французского Ивана Фабияна в «Вольной типографии Гария и компании» [2]; впоследствии, в 1880 г., письма Екатерины Вольтеру были опубликованы в 27 томе «Сборника Императорского Русского исторического общества» под редакцией историка Г. Штендмана вместе с другими письмами, «собственноручными записками», черновиками и резолюциями Екатерины II [5].

Издание 1803 года представляет собой сборник из 153 писем, которые датируются периодом с 1763 года (без указания месяца и дня) до 5 декабря 1778 года. Текст переведен на русский и стилизован под литературный язык XVIII века. Само издание состоит из двух частей: первая часть охватывает период с 1763 по 1771 гг., вторая – с 1771 по 1778 гг. На начальном этапе, вплоть до 1769 г., императрица и философ обменивались несколькими письмами в год, вплоть до 1769 года, далее они писали друг другу гораздо чаще, вплоть до 1777 года. Стиль переписки поначалу можно было охарактеризовать как официальный, но по мере общения, особенно с 1770 года, переписка уже носила дружеский и даже наставнический характер.

Темы, которые затрагивали участники переписки, можно разделить на несколько групп: законодательная деятельность Екатерины II — планы создания единого свода законов Российской империи и его перевода на французский и немецкий языки; проблемы внешней политики России — русско-турецкая война, отношения с Польшей; внутренняя политика — восстание под предводительством Е.И. Пугачева, обсуждение готовящихся и осуществленных реформ; размышления по поводу общественной мысли как во Франции, так и в России; наконец, темы личного характера — обсуждение прочитанных книг, вплоть до личных переживаний и дружеских советов.

Среди значительного числа писем, важных для изучения, можно выделить несколько особо ценных писем, в которых раскрываются замыслы императрицы. Одним из таких является «Письмо 151, от императрицы» от 20 сентября — 1 октября 1777 года, где Екатерина II жалуется на отсутствие опубликованных собраний законов Российской Империи: «Не могу Я отправить к вам собрания наших законов, потому что оное еще не существует» [2, с. 164]. Императрица сообщает, что на данный момент переведено на немецкий язык только «Учреждение для управления губерний», обнародованное в 1775 году [2, с. 164].

В переписке обсуждаются самые важные события того периода, внутривполитические и внешнеполитические. Примером является «Письмо 137, от императрицы» от 4-15 марта 1774 года, где она упоминает возможный «французский след» в восстании Пугачева: «...одни только ведомости уведомляют шум о разбойнице Пугачеве, которой в самом деле не имеет с г. Тоттом [французским дипломатом и военным инженером. — А.Б.] ни явно, ни тайного сношения» [4, с. 138-139]. В «Письме 133, от г. Вольтера» от 30 декабря 1773 года, Ферней (город и коммуна к Югу от Франции, где находилась усадьба Вольтера) Вольтер обсуждает ход русско-турецкой войны: «Король Прусской 10 декабря удостоил меня уведомлением, что армия Ваша, по разбитию войска Верховного Визиря, взяла Силистрию. В дополнение ж к тому присовокупляет, что Великий Визирь с Магометовым большим штандартом бежали в Андрианополь» [2, с. 132].

В письмах Вольтера и Екатерины II мы можем обнаружить и сведения об общении императрицы с Дидро (в русском издании его называют Дидерот) и Гриммом; так, в «Письме 134, от императрицы» от 27 декабря — 7 января 1773 года Екатерина сообщает: «Философ Дидерот, которой в здоровье своем еще и доньне не укрепился, проживет здесь до Февраля месяца, а потом в свое отечество возвратится; около сего же времени и Гримм намерен в путь отправиться. Я его вижу очень часто; но разговоры наши еще не кончены. Они могут вам, Государь Мой, пересказать об уважении, которое Я делаю Генриху IV, Генрияде и творцу, прославившему век Наш еще многими другими сочинениями» (то есть самому Вольтеру) [2, с. 132-133].

Таким образом, переписка Екатерины II и Вольтера является уникальным историческим источником, который богат информацией для исследования политической истории и истории общественной мысли второй половины XVIII века, для раскрытия особенностей мировоззрения обоих корреспондентов и для характеристики взаимоотношений Вольтера и Екатерины.

Библиографический список

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. М., 2003.
2. Екатерина II (имп.; 1729-1796). Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год / Перевел с французского Иван Фабиян; С портретом императрицы и Вольтера. М., 1803.
3. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
4. Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
5. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 27: Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном Архиве Министерства Иностранных Дел (годы с 1774 по 1788). Ч. 4 / Собраны академиком Я.К. Гротом и напечатаны под наблюдением Г.Ф. Штендмана. СПб., 1880.

Г.С. Карапетян

Московский городской педагогический университет

ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Один из самых известных в истории нашей страны литературно-политический журнал «Русская мысль» был создан в 1880 году, в Москве, известным журналистом и переводчиком В.М. Лавровым. Изначально явная славянофильская направленность издания сменилась с редакторским составом, определив и историческую судьбу журнала. С 1885 года редактором становится В.А. Гольцев, отстаивавший прогрессивные либеральные идеи даже в тот непростой период государственной цензуры. И, наконец, с 1906 г. и до закрытия журнала редактором был виднейший политический и общественный деятель, П.Б. Струве. Именно его редакционная политика позволила «Русской мысли» стать крупнейшей в Российской империи интеллектуальной площадкой либеральной интеллигенции, которая, что не менее важно, также эклектично вмещала на своих страницах идеи совершенно разнородных по своим взглядам и жизненным убеждениям представителей русской мысли.

Довольно либеральная в отношении выбора тем дискуссий редакция политика П.Б. Струве способствовала тому, что основные направления полемики в журнале были крайне разнообразными, но наибольшей популярностью из них пользовались религиозные вопросы, философско-исторические споры, национальные проблемы, вопросы русской культуры и политические события.

Одним из самых ярких примеров насыщенных политических дискуссий на страницах журнала является обсуждение ситуации на Балканах в 1908-1909 гг. Оно выявило особый интерес интеллигенции к событиям внешней политики России, небезучастное сопереживание судьбе братских народов Балкан [1, с. 26-28]. Удивительно пророческими оказались практически все заявления «Русской мысли» о курсе Австро-Венгрии на полуострове, о планах по дестабилизации обстановки на Балканах [1, с. 45]. В целом, издание в вопросах внешней политики всегда проявляло явно патриотическую позицию, отстаивая интересы России. Также «Русская мысль» единодушно поддерживала идеи мира во всей Европе [1, с. 63].

События Великой Российской революции также ожидаемо создали волну бурных реакций в журнальной прессе. Обсуждались перспективы, идеи, дальнейшие варианты развития судьбы страны, возможные последствия в общемировом масштабе.

Одной из самых популярных тем этого периода стал патриотический вопрос в России. На страницах «Русской мысли» выделяются два взгляда на патриотизм, разделяемые отечественной либеральной интеллигенцией. Первый — позиция Е.Н. Трубецкого, отстаивающего идеи о рациональном и универсальном патриотизме [2, с. 89], вторая — П.Б. Струве, предлагавшего идею патриотизма, в которой главное значение имеет судьба государства, интересы личности в таком случае второстепенны [3, с. 101]. Несмотря на эти расхождения, прогнозы и мнения мыслителей имели собственную культурно-социальную значимость, две эти точки зрения разделялись общественным мнением, вызвали все новые и новые споры.

Полемику по национальной проблеме П.Б. Струве вел с Б.А. Кистяковским, позиция которого заключалась в убежденности в том, что русская нация вполне может существовать без включения в ее состав украинского народа, а господствующее положение русской культуры — порождение российской исторической науки, подверженной влиянию грубой государственной пропаганды [4, с. 21-25]. П.Б. Струве же пояснял, что украинская культура имеет исключительно областной характер, а украинский язык не может сравниться с литературным и разговорным русским языком, который обеспечивает народам империи единение национального духа [5, с. 44].

О значимости для журнала вопросов христианства и церкви свидетельствуют полемические статьи Д.В. Философова и Ф.Е. Мельникова. Суть взгляда Д.В. Философова заключалась в том, что главная проблема восточного православия — это уверенность в законченности его догмати-

ческого развития, религиозные модернисты вследствие этого не имеют возможности проводить какие-либо обновления внутри Церкви, что приводит к появлению различных сект. Автор относит к представителям таких сект и старообрядцев, которые, по его мнению, полностью отрицают богословскую науку, возводят догмат в абсолют [6, с. 62-65]. Подобные воззрения о старообрядчестве возмутили Ф.Е. Мельникова, он посчитал их искаженными и далекими от действительности. Как защитник своей веры, он старался доказать, что старообрядцы в большинстве своем необычайно просвещенные люди, представители «самобытной культуры», которая абсолютно совместима с наукой, просветительской деятельностью, просто на данном этапе своего развития она пока еще только «созидает» [7, с. 83].

Подводя итоги, мы можем сделать вывод о том, что для либеральной интеллигенции страницы журнала «Русская мысль» стали оплотом гарантии возможности говорить и быть услышанными, полемизировать на разнообразие актуальные темы. Это было поистине уникальное издание, не нуждающееся в строгом и однобоком обозначении политической или культурной приверженности своих авторов.

Библиографический список

1. Бестужев-Лада И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики в 1906-1910 гг. М.: АН СССР, 1961.
2. Трубецкой Е.Н. Государственная мистика и соблазн грядущего рабства // Русская мысль, 1917. Кн. I.
3. Струве П.Б. Национальный эрос и идея государства. Ответ кн. Е.Н.Трубецкому // Русская мысль, 1917. Кн. I.
4. Кистяковский Б.Я. Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль, 1911. Кн. II.
5. Струве П.Б. Что же такое Россия // Русская мысль, 1911. Кн. III.
6. Философов Д.В. Старообрядчество и православие // Русская мысль, 1911. Кн. IV.
7. Мельников Ф.Е. Старообрядческая культура // Русская мысль, 1911. Кн. V.

Ю.А. Зиновьева

Самарский национальный исследовательский университет

ФЕМИНИСТСКАЯ ПРЕССА НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛОВ «ЖЕНСКИЙ ВЕСТНИК» И «СОЮЗ ЖЕНЩИН»)

Периодическую печать начала XX века, ориентированную на женскую аудиторию, можно представить несколькими основными типами изданий: массовыми литературно-общественными журналами, журналами мод, домоводства, рукоделий и общественно-политическими изданиями.

Такие основополагающие темы для феминистского дискурса, как избирательное право для женщин, женское образование, женский труд, так или иначе эпизодически освещались большинством женских периодических изданий того периода, однако по большому счету это было обусловлено общественной повесткой [5, с. 24]. В свою очередь специализированные издания, как «Женский вестник» (1904-1917 гг.) и «Союз женщин» (1907-1909 гг.), систематически публиковали статьи, посвященные идеям равноправия, освещали деятельность женского движения в России и зарубежом. Именно эти издания, основанные заметными фигурами общественных движений, заняли свою нишу на издательском рынке.

«Женский вестник» начал издаваться врачом, основательницей и председателем Женской прогрессивной партии, М. И. Покровской в сентябре 1904 г. В 1907 г [1, с. 74] был начат выпуск журнала «Союз женщин» как официального печатного органа Союза равноправности женщин, его редакцию возглавила М.А. Чехова [4, с. 275].

Необходимо заметить, что в отличие от женских изданий массового, преимущественно развлекательного, характера финансовые трудности являлись основной проблемой прессы феминистского толка на всем протяжении ее издания. История «Союза женщин» была недолгой – всего два с половиной года. Журнал выходил ежемесячно и имел небольшой тираж – 1000 экземпляров [2, с. 57]. Для сравнения – показатели популярного «Журнала для хозяек» (1912-1926 гг.), достигшего к концу 1912 г. тиража в 50 тыс. экземпляров, а в 1917 г. – уже 185 тыс. Примечательно, что рост тиража данного журнала пришелся на военное время [5, с. 26].

При этом редакция как «Женского вестника», так и «Союза женщин» понимала свою аудиторию, своих читателей, готовых принять продвигаемые идеи. В первую очередь, это были представители «интеллигентных» профессий: учителя, врачи, фармацевты и т.п [2, с. 26]. Однако более широкий слой читательниц также не оставался без внимания: журнал «Союз женщин» занимался изданием агитационных брошюр, стоимость которых была минимальна [3, с. 89].

Справедливо сказать, что феминистская пресса начала XX века является отражением противоречий, накопившихся в феминистском движении в целом. Отражая многополярность взглядов, журналы полемизировали между собой [5, с. 25]. В частности, единообразия взглядов не могло быть достигнуто в таком основополагающем вопросе как интерпретация сущности феминизма. В ряде статей преодоление неравенства в первую очередь связывалось с экономическими переменами в обществе, а не получением активного и пассивного избирательного права [5, с. 26]. Так, выработать общую позицию феминистского движения не удалось.

Тем не менее, основная масса публикуемых статей освещала общественную и культурную жизнь женщин, их социально-политическую активность, в противовес большинству женских периодических изданий,

обращавшихся к сферам домашней, семейной, хозяйственной и светской жизни женщины.

Таким образом, «Женский вестник» и «Союз женщин» стали своеобразной площадкой для известных активисток и лидеров феминистского движения, позволив делиться своими идеями и мыслями о необходимости перемен в обществе. Заметно выделяясь на фоне традиционных женских журналов, данным изданиям удалось занять свое особое место в сфере общественно-политической мысли и общественно-политических движений.

Библиографический список

1. Крадецкая С.В. «Женский вестник» (1904-1917). Опыт издания феминистского журнала в России // Женщина в российском обществе. 2013. № 1 (66). С. 72-81.

2. Крадецкая С.В. Журнал «Союз женщин» (1907-1909 гг.): история издания и основные особенности // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 3 (20). С. 56-62.

3. Минаева О.Д. Журнал «Союз женщин» в борьбе за женское равноправие в России (1907-1908) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 5. С. 86-96.

4. Осипова Г.А. Первый номер отечественного журнала «Союз женщин» (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2008. № 4. С. 274-288.

5. Симонова О.А. Женские журналы в начале XX века.: критика, рецепция, полемика // Женщина в российском обществе. 2015. № 1 (74). С. 24-32.

А.А. Зотова

Самарский национальный исследовательский университет

ФЕНОМЕН РАБСТВА В ПЕРИОДИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: О НАС ИЛИ О НИХ?

Искусство и литература всегда пребывают в неразрывной связи с внешним миром. Одним из важнейших международных событий XVIII-XIX вв. стало создание, а затем укрепление Соединенных Штатов Америки, что не могло не отразиться в работах российских мыслителей, размещенных на страницах печатных изданий. Описания новообразованного государства разнятся, однако большинство из них создают ему репутацию страны темнокожих рабов. Так, целью моей работы является выяснение причины создания и широкого распространения этого образа США в Российской Империи.

Комментарии представителей передовой интеллигенции XVIII века отражали противоречивость американской деятельности: с одной стороны, просветители полагали, что свобода личности в Америке ставится превыше всего, но с другой стороны, эта «свободная жизнь» имела место быть только в случае отдельных этнических групп. Литератор Ф.В. Каржавин одним из первых поднял вопрос жесткого отношения к индейцам и афроамериканцам. После своего путешествия в Америку он писал: «...все берега Африканские и Американские стонут от бесчеловечья, с каким сахарные промышленники поступают с черноцветными народами...» [1].

В середине XIX века журнал «Современник» стал своего рода пропагандистом американской литературы: в нем были опубликованы произведения Н. Готорна, Г. Лонгфелло и других авторов. Вместе с этим, на страницах журнала была размещена обзорная статья поэта М.Л. Михайлова «Американские поэты и романисты», в которой он подмечал, что «Стихи о рабстве» Г.У. Лонгфелло «полны горьких укоризн... стране, которая до сих пор не может смыть с себя черного пятна невольничества» [2, с. 632]. Опубликовать стихи удалось лишь в марте 1861 года – они появились в «Современнике» как «Стихи о неграх» вместе с манифестом об отмене крепостного права. В том же выпуске была напечатана статья В.А. Обручева «Невольничество в Северной Америке», где под критикой плантационного рабства подразумевалась неприемлемость положения российских крестьян [5, с. 203].

Между тем, большой общественный резонанс произвел роман Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», направленный против американского рабовладения. После того, как детская писательница Александра Анненская выполнила перевод этого произведения, оно стало распространяться в виде приложения к журналу М. Каткова «Русский вестник» [4]. Так, вопрос эксплуатации темнокожего населения Америки становился одной из значимых тем для обсуждения.

Однако, говоря о публикациях, предназначенных «для широких масс», следует учитывать реальный уровень грамотности в стране. При его оценке возникают некоторые сложности, потому как наиболее точным источником являются данные переписи населения, которая впервые была проведена в Российской Империи в 1897г. Согласно данным, самой многочисленной группой были крестьяне, которые составляли около 80% населения; при этом грамотными были 26,5 миллионов человек из 125,6 миллионов [6]. Исходя из этого, можно предположить, что в период XVIII-XIX вв. подавляющая часть населения была неграмотной, а значит, целевой аудиторией просветителей являлась малочисленная интеллигенция, на которую возлагались надежды на реформацию общества.

Таким образом, рассуждая о рабстве в Соединенных Штатах, большая часть русских общественных деятелей подводила общество к размышлению о феномене невольничества как таковом, подразумевая наличие кре-

постного гнета в России. Известный публицист А.И. Герцен говорил о несомненном сходстве крепостного права и рабства: «Америка страна хорошая, только что крепостные люди черные; у нас черный народ – белый... все от снега, должно быть» [3, с. 24]. В этой ситуации Россия и Америка, глядя друг на друга, буквально смотрелись в зеркало – в обеих странах проблема неравенства требовала незамедлительного решения.

Библиографический список

1. Болховитинов Н.Н. Образ Америки в России // Американская цивилизация как исторический феномен: Восприятие США в американской, западно-европейской и русской общественной мысли. М., 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/books/amerikanskaya-civilizaciya-kak-istoricheskiy-fenomen/> (дата обращения 05.11.2020)
2. Болховитинов Н.Н. История США. В 4 томах. Т.1. 1607-1877. М., 1983.
3. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30-ти томах. М., 1954-1966. Т. 25. С. 16-30.
4. Иголкина Д. И. Роман г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» в русской критике и литературоведении // Вестник ТГПУ. 2010. №8 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-g-bicher-stou-hizhina-dyadi-toma-v-russkoy-kritike-i-literaturovedenii> (дата обращения: 09.11.2020).
5. Обручев В.А. Невольничество в Северной Америке // В кн.: Русские и советские писатели, ученые, деятели культуры о США. М.: Прогресс, 1987. С. 203-206.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по полу, возрасту и грамотности. // Демоскоп Weekly. 2013. № 537-538 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_97.php. (дата обращения 11.11.2020).

А.С. Парахин

Самарский национальный исследовательский университет

ОКтябристы в первой государственной думе

27 апреля 1906 года открылась Государственная Дума России, это было важное изменение в политической системе России, которое было обусловлено революционной ситуацией.

В Государственной Думе первого созыва октябристы не представляли собой отдельную фракцию, однако они составили основу правого крыла. От Союза 17 октября в парламент прошли 27 человек, позже число уменьшилось. Большинство депутатов были в возрасте от 40 до 57 лет, около половины имели высшее образование [3, с. 492]. Как пример можно указать на Г.Г. Гагарина, который был юристом, землевладельцем, актив-

ным земским деятелем, выпускником Петербургского университета [1, с. 43]. С.Д. Урусов тоже являлся юристом с высшим образованием, был губернатором в Кишиневе, выступал за парламентскую монархию и против революций [1, с. 31].

Члены Союза 17 октября оставили воспоминания об избирательной кампании. Н.В. Савич о выборах в государственную думу вспоминал, что интеллигенция и землевладельцы были плохо организованны, не проводили собраний, поэтому в думу попало много людей, не готовых к законотворческой работе, стремившиеся к корыстным целям, т.е. большую активность проявили крестьяне, которые не желали пропускать в парламент землевладельцев [6, с. 210-211].

В Думе октябристы пытались добиться объединения всех либералов под предлогом борьбы с левым радикализмом [3, с. 492]. П.А. Гейден, М.А. Стахович, Н.С. Волконский осуждали политический террор [6; 7].

Обсуждая вопрос борьбы с революционными настроениями П.А. Гейден говорил о том, что не нужно отправлять телеграммы об амнистии, чтобы показать уважение к власти [4, с. 32]. Депутат Остафьев говорил, что вопрос об амнистии немногим более важен, чем вопросы крестьянский и рабочий. Амнистия, по его мнению, нужна для того, чтобы снизилась террористическая опасность со всех сторон [4, с. 52].

Другим актуальным вопросом был аграрный вопрос. П.А. Гейден предложил свой аграрный проект, по которому удовлетворение земельной нужды за счет частновладельческих земель будет только тогда, когда будут исчерпаны иные возможности. Частными владениями решать аграрную проблему следует постепенно, принудительному отчуждению подлежат чересполосные земли, заявленные на продажу, земли необрабатываемые, но полезные, а еще те, которые сдаются в аренду и обрабатываются личным трудом [2, с. 192-193]. По этой проблеме высказался рязанский депутат А.В. Еропкин. Он предложил оказать крестьянам государственную поддержку, чтобы они могли получить землю из государственного фонда [5, с. 99].

Что касается других преобразований, то некоторая часть октябристов не соглашалась с всеобщими и равными выборами земств, ссылаясь на особенности России. [3, с. 493]. М.А. Стахович считал, что ответственное перед думой правительство не является отрицательной идеей, но это несвоевременно [2, с. 193].

В заключение следует сказать, что октябристы в работе государственной думы первого созыва не смогли создать правого большинства, что можно объяснить объективными обстоятельствами. Во время обсуждений крестьянского, рабочего, земского и других вопросов октябристы показали себя как противники революционных изменений. Следует отметить, что Союз 17 октября одним своим существованием в думе 1906 года показал, что готов реализовывать на практике положение Манифеста 1905 года и показать себя как консервативная сила на либеральных рельсах.

Библиографический список

1. Государственная Дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М.: «Возрождение», 1906. 112 с.
2. Дан Ф., Череванин Н. Октябристы в I Государственной Думе // Общественное движение в России в начале XX-го века. Т. 3. Кн. 5: Партии — их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная Польза», 1914. С. 183-227.
3. Демин В.А. Правое крыло // Государственная Дума Российской империи, 1906-1917: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 492-493.
4. Думский сборник. Государственная дума первого созыва (27 апреля - 8 июля 1906 г.). СПб.: типография товарищества «Общественная польза», 1906. 400 с.
5. Князева И.С. А.В. Еропкин и его деятельность в государственной думе российской империи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 5 (85). С. 97-103.
6. Пазин Р.В. «Союз 17 октября» и политический террор начала XX века // Вестник Пермского университета. Серия История. 2014. №4 (27) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soyuz-17-oktyabrya-i-politicheskiy-terror-nachala-xx-veka>
7. Савич Н.В. Воспоминания // Выборы в I-IV Государственные думы Российской Империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / под ред. А.В. Иванченко. М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. 2008. С. 204-214.

В.В. Слискова

Российский государственный гуманитарный университет

ПУБЛИКАЦИИ Н.И. КАРЕЕВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ 1920-Х ГГ.

Имя русского историка Николая Ивановича Кареева (1850-1931) связано с изучением всеобщей истории, прежде всего истории Франции, философии и социологии, а также теории и методологии науки. Его исследования привлекали внимание не только отечественных, но и зарубежных специалистов. Особое внимание к научной деятельности Н.И. Кареева выражали французские коллеги: об этом свидетельствуют его публикации в таких французских изданиях как «*Annales historiques de la Révolution Française*», «*Revue historique*», «*Revue d'histoire moderne*» и др. Хотя вследствие политических событий второй половины 1910-х гг. научные контакты Н.И. Кареева были ограничены, однако, ему все же удалось поддерживать связь с иностранными коллегами, в том числе — с французскими.

В 1920-е гг. Н.И. Кареев поддерживал контакты с французским журналом «*Annales historiques de la Révolution Française*»: в 1925 г. там была опубликована его статья «*Les derniers travaux des Historiens Russes sur la Révolution Française*» [2], а также его рецензия на книгу И.Л. Попова-Ленского «*Антуан Барнав и материалистическое понимание истории*» [8]. Статья представляла собой историографический обзор по истории Французской революции, написанный с целью ознакомления французских читателей с исследованиями российских ученых. Как отмечал автор, она являлась продолжением публикаций по данной теме, изданных в 1902 и 1912 гг. на французском языке: «*La Révolution française dans la science historique russe*» [5] и «*Lest travaux russes sur la Révolution française depuis dix ans*» [7]. Следует отметить, что Николай Иванович также являлся подписчиком издания на правах одного из председателей, о чем известно из письма, полученного из редакции в 1926 г. К Н.И. Карееву обратился один из учредителей, историк Густав Лоран (Gustave Laurent), по вопросу обновления подписки: «Мой содиректор и друг г-н Альбер Матъез (Albert Mathiez) любезно просит меня обратиться к Вам, состоящему в Управляющем совете нашего журнала... Опасаясь, что все заявки наших председателей были утеряны, мы ... были вынуждены остановить все отправления в ожидании ваших распоряжений и уведомлений о том, что наши письма дошли до вас» [4, п. 32, д. 33, л. 1-2].

Также на протяжении 1920-х гг. Н.И. Кареев поддерживал контакты с французским историком Анри Сэ (Henri Sée) – в записных книжках ученого встречаются упоминания о получении или отправлении писем [3, с. 315, 319, 342, 345]. Наиболее интересным источником стала переписка историков в 1930-1931 гг., материалы которой отложились в фонде ученого в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Предметом обсуждения была одна из последних работ Н.И. Кареева – статья «*Les études sur l'histoire de France en Russie depuis vingt ans (1911–1931)*» [6]. В июле 1930 г. А. Сэ обратился к Н.И. Карееву от имени редакции издания «*Revue d'histoire moderne*» с просьбой написать статью об изучении французской истории в современной России: «У Вас, безусловно, найдутся исследования, которые могли бы вызвать живой интерес у наших читателей... Нам известен ваш уровень компетенции в историографии» [4, п. 32, д. 21, л. 3]. Николай Иванович принял предложение и в течение нескольких месяцев работал над написанием текста. В октябре он уточнил хронологические рамки и объем публикации [4, п. 32, д. 21, л. 2], а в декабре отправил во Францию итоговый вариант, о чем сообщил в своем письме А. Сэ: «Мой дорогой коллега, только что получил Ваше прекрасное исследование, которое представляет для нас большую ценность. Когда оно будет напечатано, я отправлю Вам рецензии, как Вы просили» [4, п. 32, д. 21, л. 1]. В последнем письме, отправленном Н.И. Карееву 5 января 1931 г., А. Сэ подтвердил получение статьи, повторно сообщил, что ему не известна точная дата публикации, и пообещал отправить рецензии, как только они появятся [4, п. 32, д. 21, л. 4]. Статья была напеча-

на осень 1931 г. — уже после смерти автора. Она представляла собой обзор научных трудов российских исследователей по истории Франции, изданных в период с 1911 по 1931 гг. Главной целью статьи было «дать французским читателям представление о том, какой вклад внесли российские исследователи в изучение истории Франции» [6, р. 370]. По замечанию самого Н.И. Кареева, подобная публикация имела большое значение, поскольку «отечественных работ по зарубежной истории много, но о них мало известно на Западе» [6, р. 370-371].

Известно, что в конце 1930 — начале 1931 г. Н.И. Кареев одновременно работал еще над одной статьей — рецензией на книгу В.П. Бузескула [1] для издания «*Revue historique*» — заметка в записной книжке от 21 января 1931 г. («работа над французской статьей») [3, с. 409], которая также была опубликована уже после смерти ученого.

Таким образом, вплоть до 1931 г. Н.И. Карееву удавалось поддерживать научные контакты с представителями французского исторического сообщества. Он продолжал сотрудничество с французскими научными изданиями, выступая в роли автора и рецензента. К нему по-прежнему обращались по вопросам, касавшимся изучения истории Франции в России и оценки отечественных работ, что позволяет судить о том, что Н.И. Карееву удалось сохранить свой авторитет и позиции во французской исторической науке.

Тезисы подготовлены в рамках гранта РФФИ, № 19-09-00109\19.

Библиографический список

1. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX — начале XX в. Ленинград, 1929.
2. Кареев Н.И. Les derniers travaux sur la Révolution Française [Последние работы русских историков по истории Французской революции] // *Annales historiques de la Révolution Française*. № 9 (may-juin). P. 252-262.
3. Н.И. Кареев в 1914-1931 гг. Исследования и материалы / авт.-сост. Е.А. Долгова. М., 2015.
4. НИОР РГБ. Ф. 119.
5. Karéiev N. La Révolution française dans la science historique russe // *La Révolution française*. 1902. Avril. T. 42. P. 321-345.
6. Karéiev N. Les études sur l'histoire de France depuis vingt ans (1911-1931) [Работы по истории Франции, изданные в России за последние двадцать лет] // *Revue d'histoire moderne*. Paris, 1931. T. 6. No. 35 (sept.-oct.). P. 369-389.
7. Karéiev N. Les travaux russes sur l'époque de la Révolution française depuis dix ans // *Bulletin de la société d'histoire moderne*. Vol. 2. P. 132-144.
8. Popov-Lensky J.L. Antoin Barnave i materialisticheskoe ponimanie istorii. Moscou, 1924 // *Ibid*. № 8 (mars-avril). P. 180-181.

**МОТИВЫ СОЗДАНИЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
В СРЕДЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.М. ЗЕНЗИНОВА**

Революционные события 1917 года, приход большевиков к власти и Гражданская война заставили многих деятелей политики и культуры покинуть Россию. Первая волна русской эмиграции привела к образованию так называемого российского зарубежья со сложившимися внутри него культурными центрами, такими как Берлин, Париж, Нью-Йорк и многими другими. В ноябре 1918 года Россию навсегда покинул и видный политический деятель, революционер, член ЦК партии эсеров и член Уфимской Директории Владимир Михайлович Зензинов.

За все время своей деятельности в России Зензинову не единожды приходилось покидать родину и вести борьбу против самодержавия из-за границы. Такое положение обусловлено спецификой политической деятельности в России в начале XX века, а также особенностями организации партии социалистов-революционеров, к которой принадлежал Зензинов. Как отмечает А.П. Новиков, “сложился такой стереотип сознания, когда сама эмиграция рассматривалась как своего рода партийно-политическое инобытие, то есть она представлялась как нечто вынужденное и временное, как определенное средство восстановления и собирания сил для продолжения борьбы и будущих побед над противником” [1]. Такая психологическая установка, а также политические взгляды и черты характера Зензинова определили в период эмиграции его стремление повлиять на действительность Советской России.

Исследовательские работы В.М. Зензинова посвящены отдельным аспектам жизни в СССР. В 1928 году в парижском журнале “Современные записки” он публикует статью “Беспризорные”, а уже в следующем году увидела свет одноименная книга, вобравшая в себя материалы о жизни беспризорных в СССР. Из одного текста в другой переходит желание автора привлечь внимание к решению столь серьезной проблемы, как детская беспризорность: “Борьба с этим явлением — наша общественная задача, которую надо решить теперь же...” [2, с. 407]. Зензинов, как видно, стремится пролить свет на явления, наблюдающиеся в СССР. Проявляется вера автора в возможность помощи беспризорным со стороны общественности Европы и Америки: “Быть может, ознакомившись с подлинными размерами этого бедствия...общественное мнение Европы и Америки сумеет найти пути и способы для его облегчения, как это было в 1921 — 1922 гг., когда небывалый голод, посетивший русский народ, обратил на себя внимание всего мира и вызвал с его стороны активную и

действенную помощь” [3, с. 9]. Кроме того, эффективность работы общественных организаций отражена Зензиновым в начале книги “Беспризорные”, где автором приводятся результаты деятельности “Лиги Спасения детей” и “Совета Спасения детей”. Таким образом, Зензинов создает работу, посвященную беспризорности, в надежде оказать влияние на решение этой проблемы посредством деятельности общественных организаций. В возможность этого он верит даже в конце 1920-х годов.

Ожидая отклика общественности, Зензинов должен был принимать во внимание события недавнего прошлого, когда деятельность эмигрантов пролила свет на происходящее в Советской России. Речь идет о реакции европейской общественности и эмигрантских кругов на судебный процесс социалистов-революционеров, проходивший в России в 1922 году. Важнейшими результатами этой протестной кампании в Европе К.Н. Морозов называет утверждение в европейских социалистических и демократических кругах более адекватного представления о недемократичности советского режима, а также рост в этих кругах влияния эсеров [4, с. 56]. Сам Зензинов принимал активное участие в организации деятельности этой кампании и не мог не считаться с ее результатами. Его призыв к общественности Европы был свойственен представителю эсеровской эмиграции того времени.

В 1944 году в Нью-Йорке Зензинов публикует книгу “Встреча с Россией”, в которой анализирует письма, собранные им на полях сражений Советско-финской войны. На основе этого материала Зензинов сумел сделать выводы о повседневной жизни людей в СССР, проявив себя грамотным исследователем. Как пишет Зензинов, его книга должна быть прочитана именно теми, кто хочет, но боится узнать правду о России [5, с. 8]. Желание показать современникам черты советской жизни и интерес к родине в целом сохраняются у Зензинова на протяжении долгого периода времени после начала его жизни в эмиграции.

Итак, основным мотивом создания публицистических произведений у Зензинова стал интерес к родине, дополняющийся желанием изобразить жизненные реалии в Советской России. Именно такие черты присущи Зензинову как исследователю-эмигранту. Обращение к проблеме беспризорности в СССР отличает его от многих других представителей русской эмиграции. В конце 1920-х годов Зензинов верил в возможность разрешить эту проблему с привлечением европейской общественности. Таким образом, исследовательская деятельность Зензинова отражает круг проблем, интересующих эмигранта, и его представление о способах решения этих проблем.

Библиографический список

1. Новиков А.П. В.М. Чернов в годы третьей эмиграции: эстонский период (1920 – 1922). URL: <http://socialist.memo.ru/firstpub/y06/novikov2.htm>.

2. Зензинов В.М. Беспорядки // Современные записки. № 35. Париж, 1928.
3. Зензинов В.М. Беспорядки. Париж, 1929.
4. Морозов К.Н. Проведение эсеровской эмиграцией протестной кампании в Европе накануне и во время процесса социалистов-революционеров в России (8 июня – 7 августа 1922 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Том 5. Выпуск 1. История. Новосибирск, 2006.
5. Зензинов В.М. Встреча с Россией. Нью-Йорк, 1944.

А.В. Ломакин

Самарский государственный социально-педагогический университет

**ПОЭЗИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
(НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
«ОТТЕПЕЛИ» Г. КУЙБЫШЕВА)**

Одним из первых проблему использования художественных произведений в качестве исторического источника по социальной истории (хотя тогда такого понятия в современном понимании и не существовало) поставил В.О. Ключевский. Парируя С.Ф. Платонову он писал, что важным историческим фактом могут быть идеи, чувства и впечатления времени (речь шла о «Повести о видении...» протопопа Герентия 1606 г.) [3]. Но тогда эта идея широкого распространения не получила, и широкая дискуссия по этому вопросу началась лишь в начале 1960-ых гг., в журналах «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», и др. Тогда компромиссного решения достигнуто не было, мнения историков диаметрально расходились. Мы вынуждены вновь обращаться к этому вопросу в связи с тенденциями современной исторической науки, направляющими историков на изучение социальной истории, которое, как нам кажется, невозможно без использования произведений художественной культуры в качестве исторического источника. Здесь же нужно пояснить, что речь идет прежде всего о рассмотрении этого источника не в смысле его нарратива, а в смысле идей, мыслей, взглядов, которые он отражает, как памятник эпохи.

В данной статье мы рассмотрим лишь одну составляющую художественной культуры: поэзию. Обращение к ней во многом продиктовано изучаемым нами периодом – хрущевской «оттепелью» 1953-1964 гг., когда «поэзия становится знаменем эпохи» [5, с. 222.]. Действительно, при достаточно глубоком изучении выясняется, что многие проблемы и процессы периода, проходят «красными нитями» через стихи. Но современный исследователь, ввиду отсутствия четкой методологии по работе с этим источником, вынужден действовать во многом интуитивно, по-

этому мы считаем необходимым поделиться своим опытом использования поэзии в качестве исторического источника.

Поэзия, на наш взгляд, сочетает в себе черты эго-источников (субъективность), художественной культуры (эстетичность, художественность) и устных источников (наличием «формул» – фразеологизмов, принимаемых и используемых в речи народом) одновременно. В изучаемом нами периоде в рамках общего процесса либерализации общества и культуры, в поэзии находят отражение общественные процессы и перемены. Так, например, получает распространение тема культурологического спора «физиков и лириков» (впервые – в стихотворении Б. Слуцкого 1959 г.) [7, с. 351], к которой обращались и куйбышевские поэты В. Столяров и Б. Сиротин [8, с. 3], [6, с. 22]. Шуточная «проблема» отражает реальный процесс роста числа советской интеллигенции: так количество студентов ВУЗов по стране с 1940 по 1957 гг. увеличилось в 2,5 раза, а по Куйбышевской обл. – в 3 раза [4]. Поэты осмысливают этот рост, задаются вопросом, кто окажется нужнее будущему – лирик или инженер. Само же выражение «физики и лирики» успешно «ушло в народ», стало своеобразным отражением эпохи. Другой важной тематикой, помогающей понять эпоху, можно считать устремленность в будущее, жизненный оптимизм советского общества 1953-1964 гг. При этом оптимизм этот не казенный, а искренний, поэты не идеализируют общество, но верят в его грядущие успехи, как, например, В. Столяров в стихотворении «Сын» [8, с. 44]. Подходящей метафорой этого общественного настроения нам кажется образ стройки: тяжесть испытаний компенсируется желанным результатом. Одной из таких «строек» была и «целинная эпопея», в которой куйбышевская молодежь принимала активное участие, начиная с 23 марта 1954 года, когда первый эшелон куйбышевцев отправился в степи Казахстана [2, с. 1]. Эта тематика широко отражена во многих стихах молодых куйбышевских поэтов к. 1950-ых – нач. 1960-ых гг. Также именно в стихах достаточно ярко отражаются новые и старые общественные проблемы. Так, например, в поле общественного обсуждения возвращается «женская тема». Проблема положения женщины в семье отражена в стихах А.А. Вознесенского [1, с. 29, 67], а проблема общественного осуждения матерей-одиночек – в стихах куйбышевского поэта В. Столярова [8, с. 73].

Таким образом, на основе перечисленных примеров и примеров, не вошедших в данную статью, мы можем сформулировать несколько методологических рекомендаций и наблюдений по использованию поэзии в качестве ист. источника, которые могут помочь другим исследователям. Необходимо отметить, что поэзия подходит прежде всего для составления первичного представления об эпохе, для определения круга проблем социальной истории конкретного общества. Проверка же проблемы другими источниками – прежде всего периодической печатью, мемуарами,

законодательными актами, и т. д. — позволит утвердить проблему как общественно значимую, или отбросить, как несущественную. Исследователь должен искать «формулы» — выражения, «ушедшие в массы», именно в них отражаются многие социокультурные процессы происходящие в обществе. Также исследователь социальной истории провинции должен проводить сопоставление источников местного уровня со «столичными» для определения региональной специфики. Расширение источниковой базы исследования по социальной истории произведениями художественной литературы, и поэзией в частности, может существенно углубить понимание эпохи, сделать его не только ярче, но и полнее.

Библиографический список

1. Вознесенский А.А. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1983.
2. Волжская коммуна. №72. 24.03.1954.
3. Ключевский В.О. Отзыв об исследовании С.Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник». Т. VIII. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.
4. Народное хозяйство СССР в 1956 г. (Статистический сборник). Государственное статистическое издательство. Москва, 1956.
5. Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель» 1953-1964гг. М.: Олма-Пресс, 2002. 509с.
6. Сиротин Б.З. Русские зимы: Книга стихов. М.: Современник, 1982.
7. Слуцкий Б.А. Собрание сочинений в 3 т. Т.1. Вступ. ст., сост. с науч. подгот. текста, коммент. Ю. Болдырева. М.: Худож. лит., 1991.
8. Столяров В.А. Горизонт. Куйбышевское книжное изд-во, 1963.

В.А. Вербовой

Самарский национальный исследовательский университет

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ПАСТВЫ МИТРОПОЛИТОМ ИОАННОМ (СНЫЧЕВЫМ) В КУЙБЫШЕВСКОЙ ЕПАРХИИ В 1965 – 1990 ГОДЫ

Духовно-нравственное воспитание паствы является неотъемлемой частью архиерейского служения. Епископ в православной традиции прежде всего духовный наставник, а уже только потом администратор. Именно поэтому важно изучить духовно-нравственное влияние митрополита Иоанна (Снычева) на свою паству. Сам архиерей считал своей обязанностью учить людей и придерживался мнения о том, что должен любить каждого верующего [3, с. 302].

Основным способом духовно-нравственного воспитания для архиерея традиционно является проповедь с кафедры во время богослужения.

В воспоминаниях о митрополите Иоанне часто встречаются упоминания о нем как о талантливом проповеднике. Во время его проповедей, которые всегда собирали много людей, стояла такая тишина, что было слышно, как они дышат [1, с. 178].

Проповеди, произнесенные Иоанном в Куйбышеве в период с 1965 по 1982 года, дошли до нас благодаря книге «Проповеди. 1962–1984 годы. Сборник поучений о человеческом грехе и его сущности» [4]. Автор тщательно готовился к ним. Об этом говорит реплика в предисловии, что проповеди изначально записывались на магнитофон [4, с. 5].

В сборнике содержатся проповеди, посвященные как великим (Благовещение), так и средним праздникам («Об апостолах Петре и Павле»)-. Иоанн в праздничной проповеди не просто рассказывал о празднике, но и поднимал нравственные вопросы, тем самым делая события еще более близкими и понятными для прихожан. Например, в слове на Отдание Пасхи, помимо разговора о значении Пасхи для христиан, владыка говорит о греховности человека: «Ты (Пасха) еще не можешь пребывать с нами вечно, ибо мы люди с греховным сердцем, с неочищенным умом и непокорной волей» [4, с. 9].

Об активности проповеднической деятельности в Куйбышевской епархии говорит тот факт, что в 1976 году в Куйбышевской епархии было прочитано 733 проповеди [7, с. 259]. В проповедях митрополита Иоанна поднимались традиционные для Церкви нравственные вопросы покаяния, борьбы с греховными страстями, смирения, послушания, любви к ближнему. Нравственный акцент проповедей объясняется не только важностью этих вопросов для митрополита. Проповедническая деятельность контролировалась аппаратом уполномоченного по делам религий. Если в содержании проповеди обнаруживали информацию про положение Церкви и верующих в СССР, то с проповедниками проводились разъяснительные беседы [7, с. 258-259]. Вследствие этого, многие проповеди перестали быть оригинальны по содержанию. В такой ситуации проповеди митрополита Иоанна стали ярким явлением в жизни Куйбышевской епархии.

Четкость и содержательность проповедей Иоанна отмечал певчий Покровского собора Л.Д. Поскотин [5]. Тамара Васильевна Солдаткина, прихожанка Покровского кафедрального собора г. Самары, вспоминала, что она старалась не пропускать служб, на которых Иоанн читал проповедь [2, с. 158]. Она отмечала простоту и доступность проповедей и то, что на верующих сильно влияло услышанное. Также она замечала, что, несмотря на трудное время для Церкви, люди, среди которых было много молодежи, услышавшие его проповедь, возвращались в храм снова.

Владыка не только при помощи проповедей заботился о воспитании своей паствы. Огромное значение имело личное общение с верующими. На приемы к Иоанну в Епархиальное управление и к нему домой целыми днями шли люди [6].

Владыка советовал изучать произведения церковных подвижников и другие полезные, с точки зрения христианского мировоззрения, книги: «Владыка благословил меня прочитать «Наставления и утешения веры христианской» Антония Великого. Заботится о моей душе больше, чем я сама» [6]. Он не только в проповедях и беседах учил людей христианским добродетелям, но и своим личным примером показывал, как нужно молиться и жить.

Митрополит Иоанн (Снычев) за годы служения в Куйбышевской епархии снискал любовь и уважение прихожан. Его проповеди, посвященные главным образом вопросам нравственного совершенствования человека, воодушевляли прихожан и мотивировали на самосовершенствование. Также важен был личный пример митрополита Иоанна в исполнении христианских заповедей и вообще всего того, чему он учил. Его постоянная готовность помогать людям, в том числе и финансово, забота о нравственном состоянии верующих обеспечили рост его авторитета и постоянный приток прихожан в Церковь.

Библиографический список

1. Воспоминания о. Геннадия Белякова, священника Свято-Троицкого собора г. Саратова // Был человек от Бога... Сост. Е.И. Душенова. СПб., 2015.
2. Воспоминания Тамары Сергеевны Солдаткиной, прихожанки Покровского собора г. Самары // Был человек от Бога... СПб., 2015.
3. Из проповеди митрополита Иоанна 11 декабря 1978 года // Был человек от Бога... Сост. Е.И. Душенова. СПб., 2015.
4. Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Проповеди. СПб., 1992.
5. Поскотин Л.Д. Духовный отец // Пятнадцатые Иоанновские чтения. Самара, 2011.
6. Русский Златоуст (фильм)[Электронный ресурс].URL: https://www.youtube.com/watch?v=aU_a1GUj3M0 (дата обращения: 18.11.20).
7. Якунин В.Н. Самарская епархия в портретах ее архиереев. Тольятти, 1999.

А.Д. Денисова

Самарский национальный исследовательский университет

АНГЛИЙСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Английская Реформация, наряду с такими важнейшими процессами, как централизация и укрепление королевской власти, завоевание господства на море в период правления династии Тюдор, является, несомненно, одной из ключевых и сложных проблем для исследования в истори-

ческой науке. Отечественная историография содержит в себе работы, как общего характера, так и узконаправленного, к примеру, концентрируясь на изучении положения одной из двух антагонистических сторон – католиков или протестантов. Тем не менее, возникший интерес к Английской Реформации в российском научном сообществе особо наблюдается в настоящее время в силу множества причин, рассмотренных, в том числе, в данной работе.

Условно исследования по Английской Реформации можно разделить, опираясь на хронологический принцип, на три группы. Первая группа – дореволюционные работы (до 1917 гг.), где значимыми фигурами являются Н.Н. Делицын [3], В.Н. Ретивцев, А. Потехин, В.А. Соколов. А. Потехин, исследуя две противоборствующие силы, рассматривает консервативное и прогрессивное направления Реформации и приходит к выводу, что решительного преобладания не было ни у одной из сторон, Реформация привела к созданию церковной системы двойственного характера, где вероучение было протестантским, а устройство, богослужение и управление сохранили во многом черты католической Церкви [13, с. 23-24]. В.Н. Ретивцев рассматривает течение Реформации с правления Генриха VIII до Елизаветы I, подробно изучает религиозные реформы, отмечая, что англиканство «стоит в связи с формами гражданского быта Англии в его status quo» [14]. Реформация призвана исправить «порчу» и злоупотребления католической Церкви по мнению В.А. Соколова. Она носила как религиозный, так и политический характер [16]. В целом, дореволюционные исследователи подчеркивают создание Англиканской церкви, сохранившей в себе черты «старой церкви» и впитавшей в себя новое религиозное вероучение – протестантизм.

Вторая группа включает в себя работы советских ученых (труды 1917-1991 гг.). Данный историографический период не изобилует большим количеством исследований по Английской Реформации, что можно связать с господством в исторической науке марксистского подхода. Внимание привлекали протестанты, как новые представители религиозной доктрины. Среди ученых стоит выделить А.В. Исаенко [9], В.В. Штокмар [22], Ю.Е. Ивонина [8], Т.А. Павлову [12]. В основном, исследователи занимаются историей Англии XVI-XVII вв., концентрируясь не только на вопросах Реформации, но также экономики, внешней политики т. д.

Современная отечественная историография (с 1991 г. по настоящее время) богата исследованиями, которые напрямую или косвенно затрагивают вопросы Английской Реформации. В. В. Клочков рассматривает, как Реформация повлияла на развитие институтов английской монархии [10]. Историографический характер носит исследование Е. Ю. Девятовой, изучающей точки зрения британских историков на Английскую Реформацию при Генрихе VIII, преимущественно разбираясь в характере ее протекания, заключая, что либеральная и ревизионистская концепции не соперничают, а дополняют друг друга. Трактовка истории Английской

Реформации зависит от системы ценностей, выбранной автором, и от того, какие события исследователь решил опустить или подчеркнуть [2, с. 140]. А.Ю.Серегина исследует положение католического сообщества XVI-XVII вв., рассматривая его изменение во всех сферах английского общества [15], историографический аспект данной проблемы волнует и В. Н. Ерохина, ранее занимавшегося исследованием протестантского направления [5]. Н.А. Журавель обращает внимание на католическую оппозицию, действующую во времена правления Елизаветы I, идейные взгляды фракции, затрагивая такие важные вопросы, как веротерпимость и идея политического непротивления, семейно-клановый принцип объединения католиков [6, с. 201, 203]. О.В. Дмитриева, работая в русле историко-биографического подхода, также рассматривает религиозную политику Елизаветы Тюдор, отмечая компромиссность, к которой стремилась королева [4]. В.А.Таубер, ученик О.В. Дмитриевой, исследует роль такого важнейшего деятеля эпохи Реформации, как архиепископ Мэтью Паркер, представления которого об идеальном устройстве Церкви содержали необходимость «сохранения единства верующих и учения» [17, с. 269]. Нельзя не упомянуть таких ученых, как Н.Ю. Миронович [11], И.А. Фадеева [19], Л.С. Хачатрян [20], А.А. Трунова [18], исследующих формирование идентичности англичан, проблему конфессиональной самоидентификации, специфические черты Английской Реформации на основе религиозных документов, ее религиозные и политические итоги, а также З.В. Васильеву [1], Т.Г. Чугунову [21], О.Ю. Иванову [7], изучающих пуританизм, роль выдающихся личностей реформационной эпохи, реформу канонического права соответственно.

Таким образом, можно прийти к выводу, что небольшое число исследователей занимается изучением Английской Реформацией, ее генезисом, характером протекания. Зачастую многие исследуют отдельные сюжеты Реформации, или же анализируют роль протестантов или католиков, их влияние на ход исторического развития. Как яркий процесс, серьезно повлиявший на историю Англии, на развитие всех сфер общественной жизни, изменившей религиозную основу общества, Реформация заслуживает дальнейшего, более подробного изучения в разных аспектах исторической науки.

Библиографический список

1. Васильева З.В. Пуританизм в эпоху Елизаветы I: становление и развитие // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2015. С. 37-43.
2. Девятова Е.Ю. Современная британская историография об Английской Реформации в период правления Генриха VIII // Вестник ВГУ, серия: История. Политология. Социология. 2007. С. 137-140. № 1.
3. Делицын Н. Очерк истории англиканской церкви. СПб., 1860.
4. Дмитриева О.В. Елизавета Тюдор. М., 2012.

5. Ерохин В.Н. Английское католическое сообщество в XVI – первой половине XVII века в современной британской историографии. Нижневартовск: изд-во Нижневартовского государственного университета, 2012.
6. Журавель Н.А. Католическая фракция и политическая борьба при дворе Елизаветы I Тюдор (1579-1583) // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. С. 189-219.
7. Иванова О.Ю. Проект реформы канонического права в контексте ранней королевской Реформации в Англии: 1529-1553 гг. Смоленск, 2006.
8. Ивонин Ю.Е. Реформация Генриха VIII и внешняя политика Англии: -дисс. ... канд. ист. наук.Л., 1974.
9. Исаенко А.В. Пуританская реформация в Англии в XVI-начале XVII века. Орджоникидзе, 1980.
10. Ключков В.В. Реформация и эволюция институтов английской монархии // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2011. С. 114-118.
11. Миронович Н.Ю. Религиозные реформы Елизаветы Тюдор в контекст формирования национального сознания англичан // Манускрипт. 2017. № 3. С. 98-101.
12. Павлова Т.А. Роль раннего пуританизма в политической и культурной жизни Англии // Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981. С. 226-231.
13. Потехин А. Очерки из истории борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах (1550-1603 гг.). Казань, 1894.
14. Ретивцев В.Н. Характер протестантства и его историческое развитие [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Hrisanf_Retivcev/harakter-protstantstva-i-ego-istoricheskoe-razvitie-1/#sel= (дата обращения: 18.11.2020).
15. Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб., 2006.
16. Соколов В.А. Реформация в Англии: Генрих VIII и Эдуард VI. М., 1881 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Sokolov/reformatsija-v-anglii-genrih-8-i-eduard-6/ (дата обращения: 16.11.2020).
17. Таубер В.А. Архиепископ Мэтью Паркер и церковная политика в Англии во второй половине XVI века: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2019.
18. Трунов А.А. Религиозные и политические итоги английской Реформации XVI В. // Актуальные вопросы современной науки. 2008. №2. С. 62-74.
19. Фадеев И.А. Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. М., 2017.
20. Хачатрян Л.С. Специфика английской Реформации XVI века // Вестник Московского Государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2 (46). С. 57-60.
21. Чугунова Т.Г. Уильям Тиндел. Историческая биография. Нижний Новгород, 2014.
22. Штокмар В.В. История Англии в Средние века [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/234570-istoriya-anglii-v-srednie-veka.html> (дата обращения: 15.11.2020).

**СТРАНОВЕДЧЕСКИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ В СССР
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО РАЗВИТИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО
СОЗНАНИЯ В 1960-1980-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛОВ
«ВОКРУГ СВЕТА», «АМЕРИКА», «КОРЕЯ»)**

В Советском Союзе среди множества периодических изданий разной направленности особое место занимали так называемые страноведческие издания, представлявшие собой своеобразное «окно в мир», который в те годы был закрыт для граждан СССР «железным занавесом» [8, с. 208]. Среди них наиболее крупными и весьма популярными в 1960-1980-е гг. были журналы «Вокруг света», «Америка» и «Корея».

Журнал «Вокруг света», будучи основанным М.О. Вольфом в Санкт-Петербурге в 1861 г., с перерывами издается уже на протяжении более полутора веков. В журнале публиковались путевые очерки известных путешественников, переводные научно-популярные статьи, научно-фантастические и приключенческие произведения. Предметное поле журнала, издание которого возобновилось после Великой Отечественной Войны, было ограничено в связи с секретностью работ советских ученых, поэтому в «Вокруг света» публиковались преимущественно материалы по геологии, палеонтологии, археологии, а также материалы некоторых экспедиций, в том числе арктических [7, с. 137]. С приходом к власти Н.С. Хрущева и началом «оттепели» в журнале стали появляться страноведческие материалы, а также новости из-за рубежа [7, с. 139.].

Самым идеологизированным периодом существования журнала на протяжении 1960-х – 1980-х был период первой половины 1960-х гг. Проявлением этого были упоминания III Программы КПСС, принятой в 1961 г., цитаты Н.С. Хрущева, яркие противопоставления социалистических стран капиталистическим. В последующие годы наблюдается некоторое снижение «градуса» идеологии, что было нетипичным явлением, особенно в выпусках, посвященных 50-летию революции [1] или 50-летию СССР [2].

Во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. акцент смещается на освещение преступлений империализма, а к концу 1980-х и вовсе сходит на нет: только в выпусках 1987 г. встречаются пометки «1917-1987», которые указывают на 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции [3, с. 10]. Все чаще на страницах журнала появляются призывы к необходимости сотрудничества в различных сферах, в том числе и в экологическом движении.

В отличие от отечественного издания «Вокруг света» журналы «Америка» и «Корея» представляли собой зарубежную страноведческую периодику, распространяемую в СССР на русском языке.

В журнале «Америка» США виделись советскому человеку как государство, которое стремится к сглаживанию противоречий между различными социальными группами: уделяет внимание «движению женщин из дома на работу», приливу молодежи, расширению государственного сектора и росту профсоюзного движения государственных служащих, борьбе Вашингтона против расовой и половой дискриминации на работе [4, с. 37].

Журнал «Корея», в свою очередь, транслировал определенные идеологические установки, неизменной составляющей которых был культ личности Ким Ир Сена и всего, что с ним было связано. Советскому читателю КНДР виделась как страна, в которой много внимания уделяется социальной сфере: повышению уровня образования, курсу на «интеллигентизацию» рабочих [5, с. 22], улучшению условий труда, а также созданию различных оздоровительных учреждений [6, с. 39]. Революция занимает значимое место на страницах этого периодического издания: создается представление, что революция в Северной Корее еще не была завершена, северокорейский народ в 1960-е – 1980-е гг. продолжает претворять революцию в жизнь.

Таким образом, изучение страноведческих периодических изданий в СССР позволяет составить представление о развитии общественного сознания в стране. Эти издания играли важную роль в трансформации общественного сознания в СССР, формируя у советских людей идеологически выдержанные, но, вместе с тем, фактологически наполненные и конкретизированные представления о зарубежных странах, о мире в целом, его проблемах и противоречиях, а также о месте СССР в общемировых процессах.

Библиографический список

1. Вокруг света. Ежемесячный географический научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ. М.: Молодая гвардия, 1967. № 1.
2. Вокруг света. Ежемесячный географический научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ. М.: Молодая гвардия, 1972. № 1.
3. Вокруг света. Ежемесячный географический научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ. М.: Молодая гвардия, 1987. № 1.
4. Иллюстрированный журнал «Америка». Издание правительства США. 1980. № 11 (288).
5. Иллюстрированный журнал «Корея». Пхеньян, 1977. № 4 (247).
6. Иллюстрированный журнал «Корея». Пхеньян, 1981. № 3 (294).
7. Литке М.В. 150 лет журналу «Вокруг света»: становление и развитие типологической модели // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/150-let-zhurnaluvokrug-sveta-stanovlenie-i-razvitie-tipologicheskoy-modeli/viewer> (дата обращения: 19.03.2020).
8. Ростовская Ю.В. Журналы путешествий. История развития специализированной периодики в России // Вопросы теории и практики журналистики.

Иркутск, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnaly-puteshestviy-istoriya-razvitiya-spetsializirovannoy-periodiki-v-rossii/viewer> (дата обращения: 20.03.2020).

Р.О. Труханов

Самарский национальный исследовательский университет

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА М.Я. ТОЛКАЧА 1961 ГОДА В ЦК КПСС: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Контроль КПСС в 1960-е гг. за деятельностью руководителей различных учреждений и организаций существовал на всех уровнях. Он осуществлялся как напрямую, так и через отдельных людей, которые различными способами доносили информацию органам КПСС. Одним из наиболее применяемых ими было составление докладных записок. Таким «информатором» являлся М.Я. Толкач (1917–2017), собственный корреспондент газеты «Гудок» на Куйбышевской железной дороге (1960–1963), ставший впоследствии ответственным секретарем Куйбышевской писательской организации (1963–1978) [1].

Для источниковедческого анализа была взята докладная записка М.Я. Толкача от 27 мая 1961 г., адресованная работнику ЦК КПСС Н.Н. Емельянову [2, л. 1]. В ней описываются различные нарушения работников управления Куйбышевской железной дороги.

Докладные записки М.Я. Толкача показывают следующие средства воздействия на партийные органы: содержательные (нарушения и ответственность высшего начальствующего и среднего и младшего управленческого состава Куйбышевской железной дороги и их дружеские связи с партийными руководителями), лексические и стилистические.

В статье использованы материалы Центрального государственного архива Самарской области [2] и Самарского областного государственного архива социально-политической истории [4].

Одним из основных содержательных аспектов, затрагиваемых в докладных записках, являются нарушения и ответственность за них начальствующего состава Куйбышевской железной дороги. К ним относятся факты умышленного сокрытия брака, аварий, крушений, допущение неточностей в отчетах [2, л. 1]. Характерной содержательной особенностью докладных записок М.Я. Толкача является определение в качестве исполнителя не конкретного лица, а вменение ответственности всему руководству Куйбышевской железной дороги.

Помимо этого, М.Я. Толкач также описывает нарушения, указывая уже в качестве ответственных конкретные лица. Автор разделяет злоупот-

ребления высших чинов Куйбышевской железной дороги и проступки среднего и низшего управленческого состава.

При описании нарушений первых М.Я. Толкач в качестве ответственного указывал одно конкретное лицо. Он обвинил главного инженера Куйбышевской железной дороги И.П. Спатаря в использовании специального поезда для перевозки личного имущества, а начальника дорожного управления рабочего снабжения Тимошенко – в спекуляции мебелью [2, л. 2-3]. Однако они не понесли наказания, поскольку доводы, приведенные М.Я. Толкачом, не были признаны существенными.

В совершении проступков среднего и младшего управленческого состава автор определял ответственной уже группу из двух-трех лиц. К нарушениям относятся владение дачными участками начальником Куйбышевской дистанции лесозащитных насаждений Жидковым, начальником отделения пути Епифанцевым и начальником Куйбышевской дистанции пути Золотницким, а также проведение ремонта личного автомобиля начальника Куйбышевского отделения Глобенко начальником узловой автобазы Заком и техническим руководителем Замышляевым [2, л. 3]. Как и в предыдущем случае, эти лица не понесли наказания ввиду малого вреда нарушений.

Интересным фактом, содержащимся в докладной записке М.Я. Толкача, является указание на дружеские отношения начальника Куйбышевской железной дороги В.А. Гарныка и второго секретаря Куйбышевского обкома КПСС И.М. Булова [2, л. 4]. Данная докладная записка стала одним из поводов перевода в 1961 г. второго секретаря Куйбышевского обкома КПСС И.М. Булова на должность второго секретаря Целинного краевого комитета Коммунистической партии Казахстана [5], а также снятия с должности начальника Куйбышевской железной дороги В.А. Гарнык в том же году [3].

Еще одним средством воздействия на партийные органы послужило применение различных лексических и стилистических приемов построения текста докладной записки. Употребление в одном тексте просторечных слов («девицы» [2, л. 4]) и бюрократизмов («очковтирательство» [2, л. 1], «спекуляционные[цены] [2, л. 2]», «...за отличное исполнение служебных обязанностей...» [2, л. 4]) придает повествованию экспрессивный характер. Также для создания яркой эмоциональной окраски текста автор неоднократно составляет словосочетания с эпитетами «жульнический» («...жульнические комбинации...» [2, л. 2], «...жульническим образом...» [2, л. 3]) и «незаконный (незаконно)» («незаконное строительство дач» [2, л. 3], «незаконно занимались ремонтом» [2, л. 3]).

В результате деятельности М.Я. Толкача по информированию партийных органов, в 1963 г., по решению Куйбышевского горкома КПСС [4, л. 109], он был назначен ответственным секретарем Куйбышевской отделения Союза писателей РСФСР.

Подводя итог, можно сказать, что докладные записки в органы КПСС как тип исторического источника по изучению советского общества 1960-х гг. помогают определить способы продвижения по служебной лестнице. Также они позволяют выявить средства влияния автора на восприятие предполагаемого читателя. Способы воздействия на партийные органы, применяемые в докладной записке М.Я. Толкача, разделяются, во-первых, на содержательные, которые описывают нарушения и указывают ответственных лиц за их совершение, и, во-вторых, на лексические и стилистические, усиливающие это воздействие. Таким образом, можно сделать вывод, что М.Я. Толкач знал и активно применял способы влияния на власть, добываясь при этом личной цели – продвижения по служебной лестнице.

Библиографический список

1. Бурный век писателя // Погибшим, но победившим. URL: <http://www.mvdb1.ru/index.php/mikhail-yakovlevich-tolkach/287-statya-burnyj-vek-pisatelya> (дата обращения: 14.10.2020).
2. Докладная записка сотруднику ЦК КПСС Н.Н. Емельянову собственноручно корреспондента газеты «Гудок» М.Я. Толкача от 27 мая 1961 г. // Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-3886. Личный фонд М.Я. Толкача. Оп. 1. Д. 60. Л. 1-4.
3. О дороге // Куйбышевская железная дорога. URL: https://kbsb.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=1&layer_id=3290&refererLayerId=162&id=2140 (дата обращения: 01.11.2020).
4. Протокол № 40 заседания бюро Куйбышевского горкома КПСС от 10 мая 1963 г. // Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 714. Горком КП РСФСР. Оп. 1. Д. 2436. Л. 109.
5. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898 – 1991. URL: <http://www.knowbysight.info/BBB/10522.asp> (дата обращения: 08.11.2020).

А.В. Жигалов

Самарский национальный исследовательский университет

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

«По мнению многих культурологов, культура СССР не представляет никакой ценности» [3, с.108], читаем мы в популярном конспекте лекций для абитуриентов по истории культуры. «Данное учебное пособие подготовлено в соответствии с государственным образовательным стандартом по дисциплине «История культуры», – написано в аннотации. Однако, между тем, что говорится и пишется официально, и тем, что

происходит в действительности, всегда существует различие. И чем больше это различие, тем уязвимей культурный буфер, связывающий нашу популяцию с окружающей реальностью.

В данной статье под культурой мы будем понимать институты, формирующие в людях мировоззренческие установки, основанные на чувственном переживании объективной реальности. Данная трактовка культуры исторически традиционна для российского общества. Определимся также с понятиями «добро» и «зло». Это не какие-либо абстрактные философские дефиниции, они имеют вполне конкретное значение. «Добро» — то, что добавляет и сохраняет индивиду витальную (жизненную) энергию, «зло» — то, что эту энергию отнимает. Каждый человек, при условии, что он психически здоров, стремится прожить, как можно лучше и дольше. Естественно, для каждого человека наивысшую ценность имеет то, что прибавляет и сохраняет ему жизненной энергии, придает физические силы, светлый, радостный, оптимистический духовный настрой. Однако со времени разложения родового строя, люди начали активно использовать для достижения личных благ жизненную энергию других людей. Для этого на протяжении истории практиковались различные способы, видоизменяющиеся в ходе эволюции. «Господствующие эксплуататорские классы выступают в истории не как пассивная группа. Им присущ свой интерес, и он заключается в том, чтоб заставить угнетенный класс жить, трудиться в границах предписанного экономического положения, заставить его отдавать большую долю прибавочного продукта... еще больше закабалить их, подчинить себе» [1, с. 49].

Советское Социалистическое государство впервые в истории человечества было основано на иных принципах. Советская власть не стремилась превратить всех в «безликую серую массу», напротив, она стремилась разносторонне совершенствовать каждого человека с учетом его предпочтений и способностей. На формирование данных установок было направлено воздействие культурных стимулов содержащихся в литературе, кинематографе, театральных постановках. Настоящая культура должна быть направлена на приращение в людях доброго начала, а не наоборот. Человек ее потребляющий, принимающий, не должен быть обманутым. Именно такой ценностью, ценностью жизненной правды, соответствием внешней формы и внутреннего содержания обладает культура Советского государства, освободившего трудящихся от ига эксплуатации человека человеком.

Однако, в начале 1990-х с переходом к капиталистическим отношениям началась стремительная деградация культуры в нашей стране. Производительный труд, человеческая порядочность, честность, стали гарантом бедности, нужды, болезней, одиночества. Напротив, стимулируется деятельность тех людей, кто использует чужой труд, а значит чужую жизненную энергию для своего обогащения. Прерогативой стала деятель-

ность не по созданию, а по присваиванию материальных ценностей — спекуляции, посредничество, патронаж, «благодарности», «откаты» и т. д. и т. п. При этом усиливается гнет на непосредственного производителя материальных ценностей, затрачивающих на их производство свое жизненное время и энергию. Для того, чтоб одни индивиды могли подчинить себе других активно используется разнообразная мифология, чтоб оправдать и узаконить данные отношения в социуме. Немалую роль в сокрытии истинных целей эксплуатирующих индивидов и механизмов, посредством которых они ее осуществляют, играет культура, формирующая в сознании масс определенное мировоззрение. Недостаточно узаконить эксплуатацию, необходимо подвести под нее соответствующую идеологию. «Новая форма власти, в особенности зарождавшаяся верховная власть вождя, нуждалась в идеологической санкции» [4, с. 242]. «Помимо принуждения физического важное место в становлении политической организации занимало принуждение психологическое и нормативное...- Механизм такого принуждения: религия, мораль, право» [4, с. 245]. Хотя данный труд относится к первобытной эпохе, механизмы остались прежними. Недостаточно только принять соответствующие законы, необходима идеологическая обработка сознания масс, чтобы данные принципы утвердились в обществе. И, конечно, в такой обстановке от гуманитарных наук и искусства уже не требуется никакая «правда жизни». Напротив, эту правду необходимо тщательно скрывать, отвлекать от нее сознание обывателей, стараться ее выставить в самом неприглядном свете. Необходимо начисто вытравить из сознания людей различными инсинуациями все по-настоящему честное, справедливое, светлое и чистое, что позиционировала Советская культура, и внедрить в него свою этику и мораль, где одни индивиды имеют право эксплуатировать других. Нужна новая идеология общества. И тут на авансцену выходит творческая интеллигенция. Деятели гуманитарных наук начинают активно очернять советскую социальную систему и советскую культуру. Самое опасное, что к процессу «промывки мозгов» подключились, действительно талантливые режиссеры, актеры, музыканты, имевшие огромную популярность в массах. В последнее время тактика несколько видоизменилась. От прямой, «лобовой» атаки перешли к незаметным, но еще более действенным методам воздействия на подсознание людей. Постоянные инсинуации, сказанные как бы невзначай, звучат с экрана телевизора. «Самая опасная ложь — это истина, слегка извращенная» [5, с. 236]. «Наивно полагать, что мир капитала позволил бы у себя дома роскошь деполитизации науки, литературы, искусства, любой сферы общественной жизни» [2, с. 186].

Если Советская культура имела своей целью воспитать умных, честных, порядочных людей, то сегодня, так называемые «элиты», заинтересованы в обратном — низвести духовный мир «массовых» людей до состояния инстинктов, внушить страх. Институты культуры зависимы от

бизнеса, олигархии. Их вынуждают обращаться за материальной поддержкой к так называемым спонсорам, меценатам. Таким образом, они подпадают в зависимость от этих людей, и уже авангард эксплуатации диктует свои условия и выставляет требования к содержанию творчества. Как прямыми указаниями, так и негласной, но еще более действенной логикой поведения зависимых людей. Потому сегодняшнее положение, как в социальном плане, так и в культуре ненормально для общества, но самое опасное, что данные отклонения сегодня воспринимаются людьми именно как «нормальные». Культура, как и вера должна быть чистой и честной, она не терпит фальши. Ценности должны быть настоящими, внешнее оформление должно соответствовать внутреннему содержанию – основной закон эстетики [6]. И именно Советская культура соответствует данным требованиям.

Библиографический список

1. Барулин В.С. Социальная жизнь общества. Москва: Издательство московского университета, 1988. 187 с.
2. Большаков В.В. Над пропастью во лжи. Москва: «Молодая гвардия», 1981. 207 с.
3. Дорохова М.А. История культуры: конспект лекций. Москва: ЭКСМО, 2008. 128 с.
4. История первобытного общества. Эпоха классового образования. Москва: «Наука», 1988. 568 с.
5. Лукьянов Б.Г. В мире эстетики. Москва: Просвещение, 1988. 272 с.
6. Труфанов С.Н. Основоположения науки эстетики: эстетическое, прекрасное, идеал // Вестник психофизиологии. 2015. №4. С. 27-44.

Т.С. Губанова

Самарский национальный исследовательский университет

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ

Гендерные стереотипы могут присутствовать на разных этапах образовательного процесса и принимать различные очевидные и скрытые, трудно поддающиеся выявлению формы. Самым наглядным источником фиксации этих стереотипов является печатный учебный материал, а именно, рабочие программы, учебники, методические пособия.

Гендерной экспертизе российских школьных учебников посвящено репрезентативное исследование А.В. Смирновой, в котором автор приходит к неутешительному выводу: «Учебники, которыми пользуются современные школьницы и школьники, воспроизводят в основном традици-

онные гендерные стереотипы о разделении сфер жизни, профессий, семейных обязанностей» [3].

В этом ракурсе особый интерес представляет школьный предмет «Обществознание». В учебнике по обществознанию для 6 класса Л.Н. Боголюбова во всех редакциях присутствуют задания, где детям нужно объяснить различия гендерных ролей, и иллюстрации, изображающие в образе работника-профессионала мужчину, а исполняющими домашние обязанности исключительно девочек и женщин [2, с. 50, 98].

Несмотря на вышеизложенное, стоит отметить, что в учебнике по обществознанию для 8 класса вопросу гендера уделяется особенное внимание: в параграфе «Социальные статусы и роли» авторы вводят определение понятия «гендер», говорят о сложившихся гендерных моделях по большей мере без личностной оценки, констатируя факт разделения гендерных ролей. В целом, авторы придерживаются компромиссной точки зрения, упоминая как различия мужчин и женщин, на поиске которых постоянно зацикливаются традиционалисты, так и стереотипы («предрассудки»). Задание в окончании параграфа, весьма противоречиво, обучающимся предлагают ответить на вопросы, формулировки которых в сознании школьников косвенно ставят под сомнение необходимость создания равных условий для женщин и мужчин [1, с. 119-122].

Я.С. Соловьев, производя анализ самых используемых в первом десятилетии XXI в. школьных учебников по истории России отмечает: «Женщины упоминаются и описываются в анализируемых учебниках гораздо реже, только в том случае, если они вели себя по-мужски – правила странами, воевали, создавали научные теории. Например, авторы освещают события, связанные с государственной деятельностью царевны Софьи, Екатерины I, Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны, Екатерины II» [4, с. 39-45]. Стоит добавить, что даже такое упоминание наделенных властью императриц не будет в реальности подчеркивать роль женщины в российской истории, так как статус этих женщин был предписанным в условиях сословной организации общества. Более того, даже в оценке деятельности императоров и императриц мнения авторов учебников заметно отличаются. К примеру, такое историческое явление как фаворитизм XVIII в. совершенно по-разному интерпретируется в случаях нахождения у власти мужчины и женщины.

Факт очередной диспропорции в частоте обращения к историческим фигурам мужского и женского пола не стоит воспринимать как авторскую дискриминирующую женщин позицию. Речь идет о взгляде на историю, в целом, как на «историю мужчин». Данная проблема гендерной асимметрии сохраняется в учебниках по истории России второго десятилетия XXI века, несмотря на масштабный перевод школ с концентрической на линейную систему обучения и, соответственно, несмотря на появление совершенно новых учебников по предмету.

Как отмечает и Е.И. Фалько, данная проблема гендерного дисбаланса в репрезентации образов женщин на страницах школьных учебников по истории вытекает из общеисторической методологической проблемы игнорирования учета данных микроистории при составлении учебного материала. Сам по себе макроисторический подход в изучении истории не позволяет уделить должного внимания частной жизни – «основной сфере, где до недавнего времени проявляли себя женщины» [5, с. 15]. В целом, стоит добавить, что в учебниках по истории России более поздних редакций 2015–2020 г. (предметная линия учебников «История России» под ред. А.В. Торкунова) появляется гораздо больше тем, посвященных быту и повседневности людей низших социальных групп. Часть из этих тем воспринимаются как второстепенные по причине того, что находятся в рубрике «Материал для самостоятельной работы и проектной деятельности учащихся» и часто даже не нумеруются как остальные параграфы, также по причине не востребованности подобных тем в качестве заданий контрольно-измерительных материалов на ГИА (ОГЭ/ЕГЭ). Самое главное, что авторы так и не пользуются возможностью наполнить «женской» историей, как минимум, эти разделы, посвященные темам быта и повседневности российского общества разных периодов.

Библиографический список

1. Боголюбов Л.Н., Городецкая Н.И. Обществознание. 8 класс. М.: Просвещение, 2014, 2019.
2. Виноградова Н.Ф., Городецкая Н.И., Иванова Л.Ф. Обществознание. 6 класс / под ред. Боголюбова Л.Н., Ивановой Л.Ф. М.: Просвещение, 2012, 2015, 2019.
3. Смирнова А.В. Учимся жить в обществе. Гендерный анализ школьных учебников. М., 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://refdb.ru/look/2186144.html> (Дата обращения: 11.04.2020 г.).
4. Соловьев Я.С. Гендерный подход в учебниках по истории России для старших классов: опыт сравнительного изучения // Преподавание истории и обществознания в школе: № 1. 2011.
5. Фалько Е.И. Женские персоналии на страницах школьных учебников Отечественной истории // АиС. 2011. № 4.

Е.Е. Быданова

Самарский национальный исследовательский университет

ТЕМА СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БЕЛАРУСИ

После развала советского союза, его бывшие республики находились на пути поиска своей идентичности. Беларусь не стала исключением. Долгие годы национальная культура Беларуси вообще не воспринима-

лась отдельно от русской культуры, а идеи западноруссизма во многих умах до сих пор остаются актуальны.

Тем самым во второй половине XX века Беларусь была охвачена навязчивой идеей создания своей собственной идентичности, которая проявлялась не только в языке, но и в переосмыслении историографии и отношения к действиям СССР и личности Сталина, в целом. Отношения к репрессиям менялось довольно резко, но что на это влияло и почему так происходило? В своей статье я рассматриваю трансформацию этой темы с начала 1990-х до протестных движений лета-осени 2020г.

Одним из самых больших прецедентов стала ситуация с урочищем Куропаты. В июне 1988 года в лесном урочище около Минска были обнаружены массовые захоронения людей, которые подверглись репрессиям НКВД в 1937-1941 гг. По первым докладам можно было понять, что там захоронено около 30 тысяч политзаключенных. В итоговом докладе по этому делу находились имена работников НКВД, каким-либо образом относящихся к расстрелу в Куропатах, однако допросить виновных не получилось. Они либо также были расстреляны, либо уже умерли собственной смертью. Дело закрылось [5].

Мнение по поводу того, кто же был расстрелян в Куропатах разделилось на два лагеря: с одной стороны, ветераны войны и бывшие партизаны, создавшие общественную комиссию по расследованию расстрелов в Куропатах, считающие, что это место расстрела евреев, привезенных немцами из Польши, Австрии и Германии. С другой, ассоциация Мартиролог Беларуси, которая признает Куропаты местом политических репрессий [1].

Интересно то, что обе этих стороны в основе своей аргументации развивали в ключе внешней оккупации. Зло исходило извне и никак не соотносилось с белорусами [5].

Ситуация с Куропатами стала решающей для понимания сталинского наследия в Беларуси. В 1993 году Куропатский район был включен в список историко-культурных объектов Республики Беларусь. Однако позднее, в 1990-е годы, первоначальное расследование по Куропатам было дважды пересмотрено.

С приходом к власти Александра Лукашенко дискурс, наоборот, стал пропагандировать ностальгию по советской эпохе. Сталинизм перестал изучаться академиком и учеными, а те, кто все же пытался разобраться в этом явлении столкнулись с трудностями, их труды основывались уже на подготовленных ранее в первой половине 1990-х годов материалах [2].

До августа 2020 года тема Сталинских репрессий не носила столь яркой характер. Ее не освещали в СМИ, не сопоставляли текущую политику Беларуси и политику СССР времен Сталина.

Беларусь, пожалуй, единственная бывшая республика СССР у которой нет официальной даты памяти жертв сталинских репрессий. В стране также нет ни одного памятника жертвам репрессий.

С начала 90-ых годов XX века с приходом к власти Александра Лукашенко репрессии рассматривались как нечто необходимое на тот момент в истории СССР. Школьные программы построены таким образом, чтобы не очернить историю, выдать те ужасные события в более благоприятном свете. Лукашенко полностью засекретил архив КГБ.

Куропаты до сих пор не признаны мемориалом памяти, хотя в это урочище съезжаются люди из разных стран, чтобы почтить память политзаключенных. Более того, существует информация, что сам Александр Лукашенко никогда не был в Куропатах [3]. Власти резко реагируют на поднятие проблем, связанных с Куропатами. Примером такого поведения властей стала реакция на марш 1 ноября [4]. Движение было разогнано силовиками, которые стреляли в воздух.

Возникает вопрос, почему власти Беларуси так резко отрицают трагедию советского режима? Отчасти потому, что нынешний чем-то схож со сталинизмом. Не стоит исключать и тот факт, что становление Беларуси происходило на фоне стремления Лукашенко восстановить СССР. По предложению Лукашенко на референдуме 1995 года вернули немного измененную советскую символику (флаг, герб), восстановили праздник Октябрьской революции [5].

Но чем больше тема сталинизма замалчивалась правительством, тем больше она начинала всплывать в СМИ и становится все более популярной для сравнения с нынешней политикой в Беларуси.

Говоря о реакции иностранных СМИ, они довольно активно освещают события в Беларуси, начиная еще с ранних этапов голосования.

Великобритания наиболее комплексно уделила внимание волнениям в Беларуси, в то время как в других иностранных изданиях тема протестов либо вообще не была затронута, либо настолько мало была освещена, что просто затерялась среди потока местных новостей.

ВВС рассказывает о всей жестокости которая происходила и происходит на протяжении этих дней: «Полицейские в касках и бронжилетах бросают женщин с цветами и воздушными шариками в полицейские фургоны. Офицеры со слезоточивым газом обстреливают пожилых людей на марше пенсионеров».

ВВС news также отмечает, что страны Европы, в большинстве своем не признают эти выборы легитимными. Президент Литвы Гитанас Науседа, заявил, что Лукашенко больше не является президентом Беларуси. Премьер Чехии Андрей Бабиш заявил, что санкции должны быть введены «до тех пор, пока в Белоруссии не пройдут свободные и прозрачные выборы с участием».

Все знаковые издания Великобритании высказалась о жестокости применяемой к разгону мирных протестов. Они особо отмечают мирный характер протестов, приводя в пример, «цепи солидарности», акция выбрасывания формы бывшими сотрудниками силовых структур. Сравнения режимов Сталина и Лукашенко замечено не было.

Библиографический список

1. Дюков А.Р. Откуда в куропатских могилах личные вещи расстрелянных // Историческая экспертиза. 2017. № 4. С. 145-152.
2. McDermott K., Stibbe M. De-Stalinising Eastern Europe. The Rehabilitation of Stalin's Victims after 1953. England: Palgrave Macmillan, 2015. P.221.
3. Карбалевиц В. Почему белорусский режим не признает сталинские репрессии 2.11.2017.URL: <https://udf.by/news/sobytie/164373-pochemu-beloruskiy-rezhim-ne-priznaet-stalinskie-repressii.html>
4. Класковский А. Дикая охота в Куропатах. Режим Лукашенко недалеко ушел от сталинизма.URL: <https://naviny.media/article/20201101/1604253573-dikaya-ohota-v-kuropatah-rezhim-lukashenko-nedaleko-ushel-ot-stalinizma> (Дата обращения 18.11.2020)
5. Ушакин С.В поисках места между Сталиным и Гитлером: О постколониальных историях социализма // AbImperio. 2011. № 1.

В.Б. Романова

Самарский национальный исследовательский университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЭМИГРАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» В ПАРИЖЕ НА МАТЕРИАЛАХ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Октябрьская революция 1917 г. в России породила волну беженцев из страны, значительная часть которых осела в столице Франции Париже. Необходимо понять, как беженцы обустроивались на новом месте жительства, и какова была их повседневная жизнь. Ценным источником по данной проблеме являются мемуары и автобиографии самих эмигрантов «первой волны».

Благодаря наличию почти всех слоев дореволюционной России русская эмиграция во Франции стала своеобразным «государством в государстве». Здесь можно было «родиться, учиться, жениться, работать и умереть, не сказав ни слова по-французски»[2; 10, с. 123; 11, с. 42].

Эмигранты оказались в чуждом им мире без средств к существованию. М. Ф. Кшесинская с горечью пишет: «Мы все выехали совершенно нищими, потеряв в России все, что имели» [13]. Многие эмигранты становились маргинальным элементом парижского общества [1, с. 161; 14, с. 127]. Жили эмигранты, за редким исключением, в маленьких арендованных квартирах, веря, что такое положение ненадолго: «Некоторые так и прожили на потемневших за долгие десятилетия ящиках, возле старых безногих буфетиков» [9; 16, с. 181].

Самым важным для эмигранта было найти себе работу, приносящую заработок. Большая часть эмигрантов нашла себе место заводских рабочих в пригородах Парижа. Особой статьей заработка эмигрантов было

такси. Работа водителя такси была тяжелой, чтобы сводить концы с концами приходилось работать на износ, часто и по ночам. Г. Газданов рассказывает печальные истории из жизни русского таксиста в Париже [5; 7; 8].

Стоит отметить, что многие женщины-эмигрантки, не обремененные у себя на родине домашними делами, не были подготовлены к ведению хозяйства без привычной им прислуги. Однако очень быстро эмигрантки сумели наладить свой быт и самостоятельно вести хозяйство, так как в условиях острой нехватки денег прислугу, конечно, никто не держал [4, с.365; 6, с. 35; 12, с. 126].

Эмиграция в Париже, несмотря на всю бедность и убогость жизни материальной, активно жила духовной жизнью. Церковь стала центром притяжения для общества в изгнании. Церковные дворы после регулярных богослужений становились «клубами под открытым небом», где эмигранты могли обмениваться свежими новостями, посплетничать и обсудить свои проблемы [15]. В эмиграции создавалось множество кружков по интересам, обществ и союзов взаимопомощи. На этих собраниях «шоферы такси или рабочие завода снова становились полковниками или мичманами флота, портнихи — институтками, скромные служащие — сенаторами или прокурорами». Местом встреч эмиграции стали многочисленные русские и парижские кафе и рестораны, где также, как и на собраниях обществ и в кружках с ностальгией вспоминалась Родина, и имели место дискуссии по самым разным темам. [1, с. 165; 10, с. 125; 18, с. 90]. Местом притяжения для писателей и поэтов также стали литературные кружки, например, кружок «Зеленая лампа» З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского [3, с. 146; 17, с. 64].

Таким образом, мемуары и автобиографии представителей русской эмиграции «первой волны» являются репрезентативным источником, позволяя воссоздать повседневную жизнь эмиграции первой волны в Париже.

Библиографический список

1. Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М.: Мысль, 1969. 372 с.
2. Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции (1920 – 30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 3(5). URL: www.nivestnik.ru/2001_3/11.shtml (дата обращения: 09.02.2021).
3. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2010. 544 с.
4. Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары. М.: Захаров, 2015. 512 с.
5. Вертинский А.Н. Четверть века без родины. Страницы минувшего. URL: https://royallib.com/book/vertinskiy_aleksandr/chetvert_veka_bez_rodini_stranitsi_minuvshego.html (дата обращения: 09.02.2021).
6. Волконская С.А. Горе побежденным = *Vae victis*. Воспоминания. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2017. 160 с.

7. Газданов Г. Ночные дороги. URL: http://lib.ru/PROZA/GAZDANOW/gazdanov_night.txt(дата обращения: 09.02.2021)
8. Гнутов А. Трудовой день в Париже // Возрождение. 1926. 5 апреля. № 307. С. 5. URL: <https://historicperiodicals.princeton.edu/historic/?a=d&d=vozrozhdenie19260405-01.2.20&e=-----en-20-1-txt-txIN-----> (дата обращения: 09.02.2021)
9. Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология русской эмиграции. В 3 т. Т. 2. Россия во Франции. URL: http://www.dk1868.ru/history/gul_ogl.htm(дата обращения: 09.02.2021)
10. За рубежом: Белград-Париж-Оксфорд: (Хроника семьи Зерновых, 1921-1972) / Под ред. Н. М. и М. В. Зерновых. Paris, 1973. 561 с.
11. Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание: Пути и судьбы русской эмиграции. М.: Международные отношения, 1990. 464 с.
12. Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни: Воспоминания. М. Русский путь, 2017. 357 с.
13. Кшесинская М.Ф. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2017. URL: https://royallib.com/read/kshesinskaya_matilda/vospominaniya.html#0(дата обращения: 09.02.2021)
14. Любимов Л.Д. На чужбине. Ташкент.: Узбекистан, 1979. 384 с.
15. Митрополит Евлогий (Георгиевский) Путь моей жизни URL: https://royallib.com/book/georgievskiy_mitropolit_evlogiy/put_moey_gizni_vospominaniya_mitropolita_evlogiyageorgievskogo_izlogennie_po_ego_rasskazam_tmanuhinoy.html (дата обращения: 09.02.2021)
16. Мейснер Д.И. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М.: Издательство Агентства печати «Новости», 1966. 298 с.
17. Одоевцева И.В. На берегах Сены. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 480 с.
18. Яновский В.С. Поля Елисейские. Книга памяти. СПб., 1993. 276 с.

СЕКЦИЯ IV. РУССКАЯ КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ ЭТНОСОВ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Е.М. Юрецкая

Самарский государственный институт культуры

«В ПООЩРЕНИЕ СЕГО ЮНОШИ» – НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ А.Ф. МЕРЗЛЯКОВА

Развитие светского образования, начавшегося в России при Петре I, вплоть до школьной реформы Екатерины II происходило в основном за счет создания учебных заведений, ориентированных на скорейшую подготовку необходимых для государства специалистов [1, с. 27]. В последней трети XVIII в. остро встала проблема создания системы общего образования.

Толчком, подтолкнувшим высшую власть к решению проблемы формирования системы образования, стало знакомство Екатериной II с австрийской школьной системой, на достоинства которой обратил ее внимание академик Ф.-У. Эпинус, ближайший советник императрицы и руководитель шифровальной службы российской дипломатии [2].

После личной встречи Екатерины II с австрийским императором Иосифа II, она пригласила в Россию из австрийских владений сербского просветителя Ф.И. Янковича де Мириево для осуществления реформы в области школьного образования и создала 7 сентября 1782 г. Комиссию об учреждении в России народных училищ. Комиссию возглавил граф П.В. Завадовский, в нее вошли Ф.-У. Эпинус и сенатор П.И. Пастухов, а в качестве советника-эксперта туда был назначен Ф.И. Янкович. Основная задача этой комиссии состояла в том, чтобы «учредить в империи нашей народные школы ... в наилучшем порядке и в совершенном единообразии» [5, с. 663]. Необходимо было создать новые школы («народные училища») для детей всех сословий и состояний, в которых их обучали бы современным наукам по новейшим педагогическим методикам. Эти школы стали появляться в городах русской провинции с 1786 г. [7, с. 106].

Большое значение появление народных училищ сыграло важную роль в жизни Алексея Федоровича Мерзлякова. Он родился 17 (28) марта 1778 г. в небогатой купеческой семье в селе Николаевском Исетской провинции Оренбургской губернии [3, с. 775.]. Отец учил сына только читать и писать. Однако его дядя А.А. Мерзляков, который занимал должность пра-

вителя канцелярии Пермского и Тобольского генерал-губернатора А.А. Волкова, заметил в племяннике стремление и отличные способности к учебе. Он, хотя и не без труда, но убедил отправить мальчика в Пермское народное училище.

27 августа 1792 г. П.В. Завадовский сообщил Комиссии об учреждении училищ о письме, полученном от А.А. Волкова. В письме рассказывалось о юном Алексее Мерзлякове, который преподнес генерал-губернатору «своего сочинения оду», которая была приложена к письму. Завадовский был под впечатлением от этой оды: «Видя основательность и изрядство мыслей, правильность, плавность и гладкость в стихах во всей почти оде, и представляя лета или возраст сочинителя ее, также и то, что сей сочинитель такой молодой мальчик нигде кроме дешнего училища не обучался и не воспитывался, и в стихотворстве ни от кого не было наставляем, <...>, что таковая ода есть редкость, а сочинявший ее мальчик отменных способностей и дарований» [6, л. 36].

На протяжении трех классов обучения в народном училище мальчик проявлял особые успехи. Комиссия об учреждении училищ, изучив присланное сочинение молодого писателя, решила «в поощрение сего юноши, толь хорошую надежду о себе подающего, напечатать ее здесь своим иждивением двести экземпляров на любской бумаге и из того числа сто пятьдесят экземпляров послать сочинителю в подарок» [6, л. 36 об].

В 1793 г. Мерзляков приехал в Москву. Поступив за государственный счет в университетскую гимназию, он неоднократно получал награды и был первым в списке учащихся. Во время учебы в гимназии его поэтические опыты были опубликованы в издании «Приятное и полезное развлечение».

В 1799 г. А.Ф. Мерзляков с золотой медалью окончил Московский университет. С 1804 по 1830 гг. он был профессором кафедры русского красноречия и поэзии в этом университете. В 1818, 1820-1826 гг. профессор Мерзляков служил цензором в Московском цензурном комитете [4].

На творчество Мерзлякова повлияло общение с В. Жуковским, А. Тургеневым, А. Кайсаровым, А. Воейковым и участие в «Дружественном литературном обществе». Он считался признанным поэтом, авторитетным критиком и теоретиком искусства. Созданные им «Ода на разрушение Вавилона», гимн «Слава», переводы античных поэтов оказали влияние на развитие русской гражданской поэзии преддекабристкой эпохи.

В 1815 г. Мерзляков издавал журнал «Амфион», в котором участвовали Жуковский, Батюшков, Вяземский, Денис Давыдов. Он был действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете, Общества истории и древностей российских, Казанского и Ярославского обществ любителей российской словесности, почетным членом Виленского университета [4]. Мерзляков скончался 26 июля 1830 г.

Таким образом, благодаря появлению общедоступных народных училищ, в конце XVIII в. у людей из средних и низших слоев общества появилась возможность получить образование в разных областях знания и творчества. Некоторые из них достигали невероятных успехов. На примере писателя А.Ф. Мерзлякова можно наблюдать, как молодой человек из небогатой купеческой семьи, смог, благодаря своему желанию и стремлению к учебе, выйти в люди и в будущем построить карьеру успешного поэта, переводчика и литературного критика.

Библиографический список

1. Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII - начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001.
2. Артамонова Л.М. Ученый и императрица: академик Эпинус и Екатерина Великая // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3-1. С. 7-15.
3. Краткая литературная энциклопедия. М., 1967. Т. 4.
4. Мерзляков Алексей Федорович // Лица Зауралья. [Электронный ресурс]. URL: <https://persona.kurganobl.ru/merzlyakov-aleksey-fedorovich> (дата обращения 10.11.2020)
5. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXI. № 15507.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 730. Оп.2. Д.11.
7. История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Самара, 2011.

И.Д. Ерофеев

Московский государственный университет

ПОЛИТИКА ТАДЕУША ЧАЦКОГО В ОТНОШЕНИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЮГО-ЗАПАДНЫХ ЗЕМЛЯХ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Нравственные качества, которые общество навязывало девушкам, ставились под сомнения еще во второй половине XVIII века, и в начале следующего актуальность проблема она не потеряла.

Чацкий, видимо, понимал одну простую истину: культура и язык хранятся в первую очередь в семейной среде, поэтому его политика в отношении женщин носила двоякий характер, при расширении возможностей для девушек получить хоть какое-то образование он всячески старался преподнести это как меры, направленные на воспитание хороших матерей и гувернанток.

Главная цель девушек, по мнению Чацкого – передать детям религию, нравственность, науки, отвращение к праздности и любовь к труду

[1, с. 117]. В этом вопросе подход Чацкого, возможно, был самым дальновидным. Важность семейного воспитания и образования молодого поколения — это то, о чем очень часто многие политики и исследователи забывают, обращая внимание только на школы и университеты. А ведь именно детские песни, семейные традиции, домашняя обстановка и прочие подобные явления формируют мировоззрение человека, особенно в условиях традиционного общества и слабых информационных связей. Чацкий так и говорит: «Первые, полученные детьми впечатления являются их (матерей) делом» [1, с. 118].

В своих суждениях по женскому вопросу Чацкий периодически себе противоречит. То он заявляет, что женщины как участницы общественной жизни, должны двигаться вперед в деле просвещения, то говорит о том, что «если общественное воспитание мужчин приносит неисчислимые выгоды, то оно не может быть соответствующим для женщин без испытания больших неудобств» [1, с. 118].

Патриархальный подход к судьбе представительниц прекрасного пола является типичным для того времени и особого удивления не вызывает. Но, несмотря на скепсис в отношении женского образования, Чацкий способствует открытию женских курсов при Кременецком лицее и множеству пансионов по всему краю.

Для лучшего воспитания молодого поколения, считал польский просветитель, нужны образованные и ответственные гувернантки, которые могли бы помогать матерям в нелегком деле воспитания подрастающего поколения.

Возможно, в этом вопросе в большей степени заметно влияние Гуго Коллонтая, который специально написал программу для женских курсов, которые по многим аспектам мало чем отличались от мужских. Девушки также должны были изучать польскую и русскую грамматику, а также немецкий и французский языки. В женскую программу, как и в мужскую, входили арифметика, география, история, садоводство, однако были и свои специфические предметы, такие как рисование, пение, шитье, ведение домашнего хозяйства [2, с. 348].

Девушки также должны были пройти вступительные испытания, то есть уметь читать, писать и знать элементарные правила математики. Это нам говорит о том, что возможность девушек учиться в таких заведениях зависела исключительно от воли родителей, которые должны были заранее готовить свою дочь к поступлению.

Библиографический список

1. Крыжановский О. Учебно-просветительское дело в Польше накануне последней реформы Виленского университета (1803 г.) и главные деятели реформенного периода в их переписке. СПб., 1899.
2. Hugona Kołłątaja korespondencya listowna. T. 1. Kraków, 1844.

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ БОГОХУЛЬСТВА В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: КАЗУС ИЛИ ЗНАК?

Духовная жизнь русского народа во многом основывалась на переработке православных традиций в купе с дохристианскими аграрными культурами, что многими исследователями характеризуется понятием «народная религиозность» – религиозные практики особого рода, исходящие из индивидуального опыта, которые также можно рассматривать как основу социальных действий человека. Именно народной религиозностью может быть объяснима и практика богохульства в русской народной вере. Эти работы отмечают неразрывность богохульства с народными практиками веры [11]. Традиционно богохульство определяется как «оскорбительное и непочтительное использование имени Бога (богов)» [20], оскорбление, «похуление» объекта религиозного поклонения [8].

Богохульство не столь часто становилось предметом исследования в отечественной науке и рассматривалось в зависимости от эпохи с юридической, социальной или религиозной точки зрения. Если в дореволюционный период большинство исследователей оценивали богохульство как религиозное преступление [2; 21], то в советский период те же преступления предстали актами борьбы с самодержавием и крепостничеством, следствием атеистических настроений в народе [13; 9; 10]. Постсоветская историография позволила обратиться к проблеме сущности и роли богохульства в русской культуре как проявлении народной религиозности и специфическом акте «богообращения» [5; 7; 14; 3; 16; 4; 11]. Когда богохульство стало пониматься через категории ментальности и повседневности обнаружили и новые мотивы совершения данного рода религиозных преступлений.

Источниками по богохульству в Самарской губернии выступают доносы благочинных по округам и священников из фонда Самарской Духовной консистории (Ф. 32, Центральный государственный архив Самарской области (далее ЦГАСО), фонды Самарской уголовной палаты (до 1870 г.) и Самарского окружного суда (1870-1918 гг.), из материалов дел которых, результатам опросов свидетелей и обвиняемых можно установить состав религиозного преступления, его мотивы, социальный статус и положение преступника против веры.

Для того чтобы разобраться в причинах практиках богохульства и их роли в русской религиозной жизни нам предстоит решить ряд научно-познавательных задач:

– рассмотреть конкретные случаи хуления икон в Самарской губернии в указанный период;

- установить закономерности совершения таких деяний;
- обозначить причины подобного религиозного поведения;
- определить место и значение данного явления в народной культуре.

Наиболее частыми среди богохульств были те, что совершены в нетрезвом виде. Например, Семен Чеканов, крестьянин села Семеновки, а 1852 г. разбил и переколол образа и выкинул их в окно [19, оп. 1 д. 76. л. 2], унтер-офицер Михаил Иванов Колесников в 1883 году вечером в пьяном виде в своем доме взял с божницы три иконы и разбил их с сопутствующими выражениями [19, оп. 1. д. 2626. л. 2-7]. 9 мая 1879 года мещанин Николай Егоров Коверзин, старообрядец сорока лет, в питейном заведении позволил себе в нетрезвом виде вознести хулу на Господа Бога и православную церковь [18, оп. 2, д. 52, л. 3]. Подобные хуления, время от времени происходившие на территории губернии, являлись не столько религиозными практиками, сколько эмоциональной разрядкой, следствием разочарования в том или ином небесном покровителе, православное церкви. Скверноматерная брань, в большинстве случаев сопровождавшая гневный антирелигиозный выпад также являлась выражением гнева или даже обратной молитвы [15].

Помимо нетрезвых выходов, богохульства были связаны с деятельностью духовных христиан-молокан, которые подчас достаточно агрессивно выражали свою неприязнь к иконолатрии, другой специфической черте русской религиозности. Так, в 1851 году молоканин Ланкин из села Тяглое озеро также совершил поругание образа [17, оп. 138, д. 10, л. 1], а через десять лет это повторил и крестьянин села Новотроицкого Барышев, также являвшийся приверженцем молоканского вероучения [4]. В 1885 году от Иоанна Тихомирова, священника села Тихомировка поступил рапорт о том, что Василий Дубовицкий 19 февраля пришел в церковь и стал совершать кощунства (под кощунством здесь, видимо, следует понимать именно богохульные действия) с иконой Божией матери, после чего объявил себя молоканином [19, оп. 1, д. 1788, л. 1].

В 1851 году православные крестьяне деревни Новотроицкой просили выселить несколько молоканских семейств за многократные поношения ими икон и обрядов [19, оп. 1 д. 76. л. 2-6]. В 1862 году на глаза священству попался за богохульство молоканин из деревни Киватской Бугурусланского уезда Иосифов, в 1866 году – крестьяне-молокане села Ключи того же уезда Филипп Иванов и Петр Антонов Копсяев [19, оп. 1, д. 1663, л. 1]. Крестьянин села Селезнихи молоканин Петр Святихин, приходя в дома крестьян проповедовал, что поклоняться иконам и строить церкви не имеет смысла, так как церковь существует в каждом человеке [17, оп. 2, д. 704, л. 3]. Эти деяния более связаны с неопитским прозелитизмом, столь часто встречаемом среди новоявленных сектантов.

Молокане видели в иконопочитании поклонение идолам и отрицали какие бы то ни было внешние проявления благочестия как остатки язычества [6, с. 12]. Однако, столь агрессивное проявление недовольства было

редкостью для этой секты, что, впрочем, не исключало непотребных выражений в молоканских проповедях [1, с. 232].

В Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. в православной среде еще было сильно архаическое религиозное мировосприятие, основанное на неразличии языческого и христианского. Контаминация верований вызывала массу возражений со стороны как православного духовенства, так и сектантов, которые стремились к всеобщему благочестию, притом применяя весьма разнообразные методы. Сектанты-молокане нередко хулили иконы, таинства, церковную иерархию в целях прозелитических, чтобы показать неопитам или непросвещенным заблуждения православных иерархов насчет внешнего благочестия. К порче икон молокане прибегали достаточно редко, либо «по неразумию», либо из переполнившего религиозного чувства. Само же православное большинство было не менее религиозным, но в отношении иконы могло вести себя по-язычески – они могли фамильярничать со святым, ругать, наказывать икону, портить лики на ней или употреблять нецензурные выражения. Притом, словесные богохуления были явлением столь частым, что в XIX веке на неосторожные слова в адрес святых в большинстве своем закрывали глаза. Жизненные невзгоды заставляли человека искать помощи у высших сил и если те оставались глухи к мольбам, то крайне возбужденное психическое состояние вымещалось на образе как его источнике. Икона здесь становилась «козлом отпущения» потому что сам человек не различал «изображаемого» и «изображения» – не имея возможности отомстить лично тому или иному святому, человек портил его изображение, что должно было отразиться и на самом святом. Таким образом, сознательное осквернение святыни так или иначе сходило именно из глубоких религиозных чувств, связанных с языческой составляющей – либо с ней боролись, либо на ней неосознанно основывали свою веру.

Библиографический список

1. Арсений иеромонах. Беседы православного христианина с молоканами о храме. М., 1889.
2. Бобришев-Пушкин А.М. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902.
3. Бульчев А.А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М.: Знак, 2005.
4. Гуревич А.Я. проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
5. Иванов С.А. Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005.
6. Кудинов Н. Ф. Столетие молоканства в России. 1805-1905. Баку, 1905.
7. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. «Смеховой мир» древней Руси. Л., 1984.
8. Лукьянов С.А. Богохульство как вид религиозного преступления в древнерусском и российском законодательстве в X – начале XX вв. // Вестник Московского университета МВД России. М., 2013. № 9.

9. Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России. М., 1982.
10. Полунов А.Ю. Государство и религиозное инакомыслие в России (1880–1890 гг.) // Россия и реформы. М., 1995. Вып. 3.
11. Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2016.
12. Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995.
13. Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М., 1979.
14. Успенский Б.А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б.А. Проблемы изучения культурного наследия. М., 1984.
15. Успенский Б.А. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. Тезисы симпозиума. – М., 1981. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.philology.ru/linguistics2/uspensky-81.htm>
16. Хейзинга Й. Осень средневековья. Исследования форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988.
17. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3.
18. ЦГАСО. Ф. 8.
19. ЦГАСО. Ф. 32.
20. Щербинина Ю. «Ощушаем и неверующим в него». Заметки о богохульстве // Нева. СПб., 2017. №7
21. Ясевич-Бородаевская В.И. Борьба за веру: Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии с приложением статей закона и высочайших указов. СПб., 1912.

С.С. Исакова

Самарский национальный исследовательский университет

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЕ В ЖИЗНИ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ 1890-1910-Х ГГ.

Современный этап развития исторической науки характеризуется акцентированием особого внимания на роли женщин в историческом процессе. По мнению И.Р. Чикаловой, можно выделить два основных направления, в рамках которых до недавнего времени изучалось положение женщин. Во-первых, это история выдающихся женщин, которые оставили свой след в истории. Во-вторых, это история женщины в той сфере, где ее присутствие можно обнаружить методами традиционного культурно-исторического анализа, сфера быта и семьи [1, с. 34].

В то же время, начиная с сер. XIX в. в Российской империи активизировался процесс трансформаций, который с сегодняшней перспективы, можно назвать гендерным, он касался изменения роли женщин в большинстве сфер жизни и постепенного получения ими равных прав с мужчинами. Это были те формы общественной деятельности – образование, различные виды труда, прежде всего, интеллектуальный и квалифицированный, общественная и политическая активность, – которые ранее считались исключительно «мужскими» [2, с. 25].

В данном контексте особое внимание привлекает роль и значение образования для женщин, поскольку ликвидация крепостного права, становление капиталистического способа производства, реформа в области образования создали почву для формирования начального, среднего, высшего образования женщин и выдвинули на повестку дня проблему среднего профессионального образования.

Так, в данном направлении можно отметить работы таких авторов, как В.И. Блинова, А.Г. Каспаржак, В.Ф. Кривошеева, И.В. Суколенова и др. Вопросы же развития грамотности детально рассмотрены в трудах таких известных исследователей народного образования кон. XIX- нач. XX века, как Д.Д. Семенов, Н.Ф. Бунаков, В.И. Водовозов, И.А. Корф, и др. [1, с. 50].

При этом в историографическом обзоре доминируют работы общероссийского масштаба, а проблема истории женского образования в отдельных губерниях практически не является предметом отдельного научного дискурса.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в изучении роли образования в жизни женского населения Самарской губернии на рубеже 1890-1910-х гг.

Согласно сведениям из Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Самарской губернии выходило, что женщин 1399898, а мужчин 1351438, разница существенная в 48460 тыс. человек [3, с. 19]. Прежде всего, необходимо рассмотреть соотношение грамотных обоих полов по сословиям. Дворяне потомственные и личные: женщин (4275), мужчин (4272), лица духовного звания всех христианских исповеданий и их семь: женщин (4340), мужчин (3607), почетные граждане, купцы, мещане и другие городские сословия: женщин (22654), мужчин (38098), лица сельского состояния (крестьяне, казаки, иностранные поселенцы и пр.): женщин (165614), мужчин (362541), лица, не принадлежащие к вышеназванным сословиям: женщин (488), мужчин (846), иногородцы: женщин (62), мужчин (222). На основе этих данных можно сделать вывод, что перевес грамотных был за сильным полом (разница на 212153), а значит не многие родители, родственники и попечители могли позволить образование девочке или же не видели в этом необходимости, что подтверждается числом неграмотных (1202086) [3, с. 39-53].

Еще одна причина, по которой различие в количестве образованных мужчин и женщин можно объяснить и количеством учебных заведений. Из 50 действующих было только 20 женских учебных заведений на 1900 г. [4, с. 125-131]. Значит, в среднем на 7 губерний выделялось от 2-3 учебных, однако были исключения. Например, в Самарском уезде было 5 учебных женских заведений: Земская школа для образования сельских учительниц, Первая женская гимназия, Вторая женская гимназия, Епархиальное женское училище и Частное учебное заведение госпожи Н.А. Хардиной. Всего действовавших учебных заведений было восемь, но женские учебные заведения действовали от силы год. Например, Земская школа для образования сельских учительниц, проработала с 1894-1895 гг., Первая женская гимназия с 1902-1903 гг. и так дальше по аналогии. Сравнивая с более ранними периодами в области просвещения, это действительно был рывок в женском образовании [5, с. 79].

Причиной же роста учебных заведений стало: во-первых, как уже отмечалось ранее, девушки из обедневших дворянских семей после отмены крепостного права вынуждены были искать источники к существованию, и социально-экономические причины стали определяющими в повышении интереса женщин к образованию. Получение образования становилось важной предпосылкой освоения женщиной соответствующей профессиональной квалификации, залогом самостоятельного заработка, который мог быть основой ее собственного существования или вкладом в семейный бюджет. Кроме того, наличие образования открывало путь к финансовой самостоятельности женщин, а получение высшего образования становилось определенным символом независимости, во-вторых, бурное экономическое развитие Самарской губернии, стало все больше привлекать женщин в производство, что увеличило требования к профессиональной подготовке работниц и соответственно повысило значимость получения ими специального образования.

Таким образом, занятие образованием в жизни женщин Самарской губернии стало одной из ведущих позиций и повышение его роли связано с политическим развитием Российской империи, формированием новых структурных и идейных компонентов социума, которые оформились в борьбу женщин за свои права.

Библиографический список

1. Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Вып. 1 / Под ред. И.Р. Чикаловой. Мн.: БГПУ им. Максима Танка, 2001.

2. Глухов А.Г. На рубеже веков (1895–1905) // Высшее образование сегодня. 2004. № 3.

3. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел; Под ред. Н.А. Тройницкого. XXXVI. Самарская губерния. 1904.

4. Вся Самара. Справочная и адресная книга. Самара: Тип. Н.К. Реутовского, 1900.

5. Пономарева В.В. Русская женщина: воспитание, образование, судьба : XVIII – начало XX века; иллюстрации Тибиловой И. Москва: Ломоносовъ, 2018.

К.В. Панкеева

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

ТРАКТОВКА «ПАНИСЛАМИЗМА» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЗА РУБЕЖОМ В НАЧАЛЕ XX В.

Сегодня мы часто слышим о попытках мусульман построить собственный халифат и объединиться под политическими лозунгами. Панисламизм как политическая концепция подразумевает именно это, то есть объединение мусульман в единое государство. Сегодня критически важно для глобальной и национальной безопасности понимать историческую сущность феномена панисламизма, чем он грозил и грозит России и остальному немусульманскому миру.

Стоит отметить, понятие «панисламизм» в историческом ключе до сих пор остается до конца не раскрытым, потому оно требует более тщательного рассмотрения, подробного анализа и глубокого изучения.

Новизна исследования состоит в том, что нет обобщающих трудов, в которых была бы собрана информация о восприятии чиновниками «панисламистской» угрозы; какая точка зрения доминировала и доминирует на этот счет в европейских странах и в Российской империи. Данная работа является первой попыткой в российской историографии осмысления данного вопроса.

В начале XX в. в Российской империи в кругах чиновников заходила речь о «призраке панисламизма». Эта тема муссировалась и в зарубежных СМИ. Попытаемся выявить отличительные и общие черты понимания панисламизма в европейских странах и в Российской империи.

Чтобы понять, изучить развитие и отношение к данному понятию, необходимо обратиться к справочным материалам. Проанализировав их, можно сказать, что эволюция этого понятия, отношение к нему было очень разнообразным.

Впервые это понятие на русском языке встречается в «Энциклопедическом словаре» 1890-1907 гг., под редакцией Андреевского И. Е., Арсеньева К.К., Петрушевского О.О., [10] и в «Новом энциклопедическом словаре» 1912 г., под редакцией Арсеньева К.К. [7]. Авторы данных изданий рассматривают панисламизм не как отдельное понятие, а раскрыва-

ют только внутри другого понятия — мусульманства («магометанства»). Оба словаря указывают, что панисламизм — это идея «единения в одну семью» мусульман, но реализация ее маловероятна, так как ее разделяют только интеллектуальные круги.

В «Большой советской энциклопедии» [6] 1939 г. панисламизм рассматривается так: «...религиозно-политическое учение, проповедующее необходимость государственного объединения всех мусульман под верховной властью мусульманского халифа». Панисламизм рассматривается в основном как «негативное» явление, которое угрожает целостности СССР, используется как орудие против него и «многие страны во время войны воспользовались панисламизмом исключительно в своих целях». Авторы считают, что с помощью панисламизма господствующие классы мусульманских стран, разжигая национальную и религиозную рознь, стремятся укрепить свои позиции и задушить революционное движение трудящихся народов Востока.

В «Советской исторической энциклопедии» сохраняется тенденция трактовки использования движения «панисламизма» в захватнических целях. Например: «Султан Абдул Хамид II использовал панисламизм для оправдания захватнической политики Турции». Выводом авторы считают: «В целом панисламизм отрицательно сказывается на развитии общественной мысли в мусульманских странах, затрудняя формирование классовое и национальное самосознания» [9, с. 400].

Если обратиться к цифровой программе Oxford Global Languages (OGL) [8], запущенной Оксфордскими словарями в 2014 г., то термин «панисламизм» трактуется как альянс или союз всех мусульман/всех исламских государств. Там сказано, что впервые термин был употреблен в конце XIX в. на английском языке, самое раннее использование найдено в «The Times» (Ежедневная газета в Великобритании, одна из самых известных мировых газет. Выходит в печать с 1785 г.). Слово состоит из приставки «пан» + «исламизм»; в европейских языках слово «панисламизм» выглядело так: французский вариант panislamisme, немецкий — panislamismus. Как мы видим, русский вариант пошел от европейских языков.

Как мы видим, в XX в. определение термина «панисламизм» носило негативную окраску, а в XXI в. наблюдается тенденция к нейтральной трактовке слова. Эти расхождения связаны с появлением новых исследований на тему «панисламизма». Они подтверждают ошибочность некоторых суждений, которые давали чиновники в XIX-начале XX вв.

Слово «панисламизм» состоит из двух слов: «pan» — др. греч. означает «все», «islam» — арабское слово — ислам. Автор книги «TurksacrossEmpires» [5] Джеймс Мейер считает, что греко-арабское слово «панисламизм» в таком значении впервые использовал Абдулла аль-Мамун Сухраварди (сэр Абдулла аль-Мамун аль-Х.Ш. Сухраварди (1870 — 1935), исламский уче-

ный, адвокат, основал Панисламистское общество в Лондоне), прикрепив приставку «пан», которое обозначает союз, к слову «ислам».

Весьма распространенной точкой зрения является следующая: инициатором разработки идеи панисламизма на политическом уровне в 70-х гг. XIX в. стал турецкий просветитель Намык Кемаль (турецкий поэт и прозаик, журналист, переводчик и общественный деятель). В последующем идея панисламизма получила развитие в работах Джамал ад-Дина аль Афгани (мусульманский реформатор, идеолог панисламизма). Она была направлена на расширение политического влияния Турции.

Обратимся к зарубежным СМИ. Корреспондент газеты The Manchester Guardian от 13 июня 1906 г. писал, что следует обратить внимание на замечания Мустафы Паши Кемаля по поводу понимания панисламизма. Он указывает на то, что Европа преднамеренно или неправильно толкует идеал панисламизма. Она боится возрождения религиозной войны, подобной тем, которые в прошлом причиняли бедствия человечеству «Единовременная война, которую мы ведем или будем вести, — это против невежества, фанатизма и забвения» [3, с. 7].

В газете DublinDailyExpress за 1906 г. так сказано о панисламизме: «...Старейшая схема всеобщего господства, которая, как можно сказать, существует в наши дни. Панисламизм является просто туманной запоздалой мыслью к панславизму, пангерманизму и британскому языку, — изобретение вчерашнего дня» [4].

Автор книги о панисламизме за 1908 г., Шейх Мушир Хусаин Кидваи (секретарь Панисламского общества в Лондоне), трактует панисламизм как оборонительное, а не агрессивное движение. Автор считает, что греко-арабское слово «панисламизм» впервые использовал в своем истинном и правильном смысле Абдулла аль-Мамун Сухраварди, он прикрепил современное слово «пан», которое обозначает экспансию и союз, к слову «ислам». Почти во всех ведущих европейских газетах, особенно в Англии и Франции, разгорелся спор о значении и будущем этого движения.

Если обратиться к турецкой газете «Сират-Мустахим» за 1910 г., то имам Лондонской мечети Халил Халид пишет, что есть большая разница между выражениями «панисламизм» и «единение ислама». «Единение ислама заключается в объединении религиозных взглядов всех мусульман, исповедующих религию Магомета». «Панисламизм — это политическое объединение всех мусульман земного шара. Европа, не умеющая различать эти два понятия, опасается развития «панисламизма», которого и не существует у нас... Пусть Европа твердит себе слово «панисламизм» сколько угодно, а мы об этом никогда и не думали, и не знаем» [1].

Большую озабоченность по поводу развития мусульманского движения постоянно проявлял сам П.А. Столыпин. В январе 1911 г. В Совет Министров была подана его записка: «О мерах для противодействия па-

нисламистскому и пантуранскому (пантюрокскому) влиянию среди мусульманского населения». Его крайне беспокоили процессы, происходившие в Поволжье, где, по его словам, «татарско-мусульманское движение проявилось особенно рельефно и интенсивно и достигло наибольших реальных результатов». Результаты эти, по мнению Столыпина, заключались в следующем: ... 4) в создании целого ряда мусульманско-татарских духовно и культурно-просветительных и благотворительных учреждений, книгоиздательств, периодических изданий и т.п. ... 6) нескрываемом тяготении к зарубежному мусульманству, установлении постоянных отношений с Турцией и Египтом, воспитании молодежи в турецких учебных заведениях и т.п. Изучение этих явлений показывает, что они не случайны, а вытекают из определенно поставленной программы панисламистов [2, с. 347-352].

Проанализировав приведенный материал можно сказать, что в первой половине XX в. «панисламизм» рассматривался российскими имперскими чиновниками и интеллектуальными кругами как негативное явление, которое используется как оружие против существующего мирового порядка. Само понятие характеризуется как идея, течение, концепция, идеология, комплекс идей, учение. Время его возникновения остается спорным вопросом: с конца XVIII в. до середины и конца XIX в. Некоторые издания просто дублируют информацию, вышедшую ранее.

Что касается мнения о панисламизме, то отличия определенно есть. В Европейских странах оно заключается в объединении всех мусульман лишь ввиду культурных причин. В Российской империи среди мусульман, по словам чиновников, слышится призыв к религиозному, социальному, моральному и интеллектуальному продвижению. Общим моментом является реальное «пробуждение» исламского мира и действительно слышится призыв к объединению. Этот процесс, как мы видим, и в Российской империи, и зарубежом трактуется в разных ключах. У нас вещали об этом чиновники, а в европейских странах – СМИ. Но при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что за «пробуждение» выдаются действия мусульман, которые приемлемы и типичны для них: паломничество в Мекку, открытие издательств и печатание национальной литературы, желание организовать в группы и изучать свое историческое прошлое.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 240. Д. 74. Т. 3. (2). Л. 103.
2. Шакирова А. М. Мусульманское сообщество Среднего Поволжья в этно-конфессиональном дискурсе имперской политики России во второй половине XIX – начале XX в.: историко-политический анализ: дисс. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2009.

3. Meaning of Pan-Islamism: a mahometan civilization // The Manchester Guardian (1901-1959); Jun 13; 1906; ProQuest Historical Newspapers: The Guardian and The Observer.

4. Dublin Daily Express. 1906.Thursday 6 September. p. 2. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/saved> (дата обращения: 12.02.2019).

5. Turks across Empires/ Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856-1914/ James H. Meyer/ OXFORD University press, 2014.

6. Большая советская энциклопедия. URL: <http://www.rubricon.com/qa.asp?qttype=3&ii=1&id=1&rq=0&sletter=%u041F&onlyname=checked&newwind=&psize=200&pn=3&slid=1> (дата обращения: 10.10.2020).

7. Новый энциклопедический словарь. URL: <https://www.prlib.ru/item/429240> (дата обращения: 18.09. 2020). Т. 27. С. 571.

8. Oxford Global Languages (OGL). URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/pan-islamism> (дата обращения: 21.02.2019).

9. Советская историческая энциклопедия. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10469/#page/400/mode/1up> (дата обращения: 10.10.2020).

10. Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 18.09. 2020).

А.В. Протасова

Самарский национальный исследовательский университет

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1920-Е ГГ. В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

С момента установления советской власти и введением декретов об отделении церкви от государства, кризис внутри РПЦ, начавшийся еще с начала века, усугубился, что привело к образованию раскола. Очевидно, что установление советской власти не явилось его причиной, но советы его поддерживали и рассчитывали использовать внутренние противоречия среди духовенства для своих целей: «...СО ВЧК за последнее время в своих планах по разложению церкви сосредотачивает все свое внимание именно на поповскую массу, и что только через нее мы сможем путем долгой, напряженной и кропотливой работы разрушить и разложить церковь до конца...» [1,с.85]. Разделение церкви и создание обновленческого движения приходится на 1921-1922 гг., когда страну охватил страшный голод, и был дан официальный старт иезуитскому церковному движению. Во главе обновленческого движения, получившего название «Живой церкви» и учрежденной 29 мая 1922 г. в Москве встали священники В. Красницкий, Е.Белков и С. Калиновский.

С самого начала революционных событий 1917 г. в Самарской губернии, также как и в центре, начались волнения. Перемены происходили

во всех слоях жизни людей. Православное духовенство в середине 1920-х гг. распалось на две группы: сторонников патриарха Тихона (тихоновцев) и обновленцев. Численное превосходство было на стороне тихоновцев, так как в этот период времени в Самарской губернии появляется епископ Сергей – сторонник патриарха, обладающий большим авторитетом и ораторскими способностями. Из 780 деревень по губернии с января по апрель 1925 г. на стороне обновленцев оставалась 101 церковь, тихоновцев 319, вне определенной стороны – 360. С апреля по октябрь, в период получения наибольшего влияния патриарха Тихона, около 40 отдельных приходов и около 200 неопределенных прихода перешли на его сторону. Постепенно обновленцы теряли свои успехи, однако их влияние в Самарской губернии в середине 1920-х гг. еще чувствовалось, так как они имели официальные управления в Самарском, Мелекесском, Бузулуком, Пугачевском и Бугурусланском уездах [4, оп. 1. д. 1700. л. 2]. Организация обновленцев не имела качественного состава и это не давало им возможность систематически проводить работу по воспитанию приходов против сторонников патриарха Тихона. Духовенство, поддерживающее последнего, напротив, хоть и не имело официального управления, но из-за высокой популярности Сергея у верующих масс, работу проводила. Однако стоит отметить, что для последнего в данное время было трудным согласовать свои действия по губернии. Все приходы и священники действовали самостоятельно, но общей чертой была борьба против обновленчества. Так, представители духовенства патриарха Тихона бойкотировали выборы делегатов, проводимые в местном епархиальном управлении для участия на третьем Поместном Соборе, организуемом в Москве. Свой отказ они мотивировали тем, что без официального утверждения их управления, они не будут иметь влияния на самом соборе [4, оп. 1. д. 1700. л. 4].

Обновленческий раскол в Русской православной церкви должен был стать движущей силой в борьбе советской власти с религией. Однако в конце концов не удался и к концу 1920-х движение практически угасло. Во-первых, еще в начале своей деятельности представители обновленчества приняли непосредственное участие в «суде над князьями церкви» – расстреле 10 священнослужителей и митрополита Вениамина (Казанского). Постановление ВЦУ, лишившее их сана было опубликовано в газете «Живая церковь» и «в результате обновленчество заработало репутацию «врага церкви» [1, с. 94]. Однако самой главной причиной явилось то, что обновленцы слишком активно поддерживали советскую власть. Народ догадывался о том, что обновленцы были как бы агентами ГПУ и других органов власти и поэтому не могли доверять данному объединению [2, с. 255]. Также важную роль играл моральный облик представителей обновленческого духовенства: «...Обновленцев 1920-х гг. можно осудить за распутство—отчасти заключавшееся в допущении разводов и повторных

браков духовенства, в том числе и епископата — за безнравственность, предательства, служение врагам Церкви, то есть за грехи и преступления, но не за богословскую ересь по большому счету...» [2, с. 256]. Большой неожиданностью для обновленчества явилось освобождение патриарха Тихона из заключения весной 1923 г. Тысяча священников, представителей духовенства, которые ранее примкнули к новой Церкви, возвратились к патриарху через покаяние и если в 1922 г. больше половины церквей в Москве принадлежало новой «живой» церкви, то к концу 1920-х гг., на 30 тысяч патриарших храмов приходится лишь 6 обновленческих. «Вместе с обновленцами были скомпрометированы и их идеи, в результате чего и поныне любое новшество воспринимается Русской православной церковью болезненно, даже если оно на самом деле является возвращением к истокам» [2, с. 257].

Библиографический список

1. Лобанов В.В. «Обновленческий» раскол в Русской православной церкви (1922-1946 гг.). СПб., 2019.
2. Поспеловский Д. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996.
3. Поспеловский Д. Тоталитаризм и вероисповедание. М., 2003.
4. Самарский государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1.
5. Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов. Протокол заседания I обновленческого собора. М., 2000.

Е.И. Приймак

Самарский национальный исследовательский университет

ИДЕОЛОГЕМА «ПОБЕДА» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАН СССР В 1941-1946 ГГ.

Период Великой Отечественной войны был отмечен небывалым всплеском патриотизма у населения, это чувство активно инициировалось и поддерживалось советской пропагандой. Усиление патриотического воспитания имело важные предпосылки, так как в обществе кроме милитаристских настроений отмечались и пораженческие мотивы.

Одной из наиболее распространенных идеологем в изучаемый период являлась «победа». Анализ постановлений ЦК ВКП (б) СССР 1941-1945 гг. [4, с. 239, 420-423], агитационных брошюр, материалов прессы показывает, что в сознание советского народа вкладывалось представление о том, что победа в общем деле разгрома фашистской Германии зависит от каждого отдельно взятого человека, от его вклада в общее дело.

Идеологическая работа в данном направлении приносила свои плоды. В материалах местной прессы Куйбышевской области со второй половины 1941 г. стали появляться статьи, осуждавшие тунеядство, индивидуализм, дезертирство с фронта и трудового тыла. В назидание населению все больше стали печататься статьи под названиями «Работаю и учусь» [1, № 38], «Все зависит только от меня» [2, № 61] и др. С помощью идеологемы победа предполагалось внести уверенность среди граждан страны в неминуемом разгроме фашизма. Победа представлялась реальной, тем более что часто употребление этой идеологемы употреблялось с примером победы партии большевиков в Февральской революции. Поражение Германии и Японии на страницах печати представлялись реальными, неминуемыми, так как качество победоносности приписывалась руководящей партии, и всему советскому народу.

После окончания военных действий патриотизм оставался важным ресурсом, катализатором труда по восстановлению хозяйства, укреплению обороны. Таким образом, пропагандисты по-прежнему продолжали тиражировать патриотические мотивы во многих своих материалах. В месте с тем, в после военный период тенденция использования идеологема «победа» изменилась. Только все общество в едином порыве, согласно представлению официальных идеологов, сможет победить внешних и внутренних врагов. Тем самым на второй план отходит индивидуальная победа. Советское государство этими шагами боролось с идеями индивидуализма, инакомыслия. Показательным в этом отношении является статья в газете «Правда» «О журналах «Звезда» и «Ленинград»» [5, № 188], а также постановление Политбюро ЦК ВКП(б) Об опере «Великая дружба» В. Мурадели [6, № 63]. В этих статьях рьяно и негативно осуждался формализм в творчестве деятелей культуры, как признак отклонения от официальной идеологии, привнесение в творчество субъективных начал.

В отечественной историографии, посвященной послевоенному сталинскому режиму, неоднократно отмечается, что власть была озадачена вопросом повсеместного ослабления идеологии, тем, что люди, побывавшие в Европе, в ходе заключительного этапа войны хотели перемен, что основная масса населения рассчитывала на ослабление политического «гнета», на то, что после войны жизнь будет другая, намного легче и счастливее, а с народом-победителем власти уж точно будут считаться [3, с. 178-180]. Данные настроения не поддерживал сам И.В. Сталин, и в этом плане выдвижение идеологемы «победы всего советского народа», а не отдельных личностей показывает, что строить государство, бороться с врагами следует сообща, пример этому Великая Победа 1945 г., а индивидуализм приводит к формализму, который, по представлению политической элиты и государственных идеологов был чужд основам социализма.

Таким образом, использование идеологемы «победа» в центральных и местных органах печати в период Великой Отечественной войны и пер-

вые годы после ее окончания, способствовало формированию патриотических настроений у советского народа, при этом в первом случае указывалась важность индивидуальной победы в общем деле разгрома врага. В послевоенное время данная идеологема придавала уверенность в том, что грядущая война с капиталистическим миром будет победоносной при условии объединения сил каждого, осуждался индивидуализм. Вместе с тем общими силами предполагалось одержать «победу» в деле восстановления экономики и хозяйства страны, вопреки временным трудностям и лишениям.

Библиографический список

1. Волжская Коммуна. 1942. 13 июня.
2. Волжская Коммуна. 1943. 14 февраля.
3. Гусейнов Г.Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М: Три квадрата, 2004. 272 с.
4. Коммунистическая партия Советского союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1938-1945). Т.7.М: Политиздат, 1985. 586 с.
5. Правда. 1946. 21 августа.
6. Правда. 1948. 11 февраля.

М.А. Ермолаева

Самарский национальный исследовательский университет

КУЙБЫШЕВСКАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Социальная актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях высокой значимости образа Великой Отечественной войны в менталитете современного жителя России каждый аспект ее проблемы нуждается в самом пристальном изучении. Пример куйбышевских писателей, самоотверженно служивших Родине пером и словом, должен вдохновлять поколения ее современников. Научная актуальность темы исследования связана с необходимостью объективного анализа деятельности куйбышевских писателей как элемента культурной сферы советского общества, существовавшего в условиях тотальной мобилизации сил с целью победы в войне.

Целью данной работы является формирование системы научных знаний о процессе развития куйбышевского писательского сообщества в годы Великой Отечественной войны и определение вклада куйбышевских писателей в достижение победы в войне. В качестве источников были использованы фотоматериалы военного Куйбышева [5] и сборники доку-

ментов по функционированию культурной сферы области в годы Великой Отечественной войны [6]; материалы личных фондов куйбышевских писателей.

Главной литературной организацией Куйбышевской области являлось Куйбышевское отделение Союза писателей СССР, объединявшее куйбышевских поэтов, драматургов и публицистов [4, с. 156].

С началом войны культурная жизнь Куйбышева, как и всей страны в целом, сильно изменилась: происходит сокращение объема издательской продукции [5, с. 76]. В новых условиях ведущим книгопроизводителем становится Воениздат, создававший печатную продукцию, рассчитанную на рядовой и командный состав Красной Армии.

Тематика произведений писателей Поволжья тяготела к таким сюжетам, как военный подвиг, трудовые достижения тыла, тотальная мобилизация всего общества на войну [10, оп. 1. д. 74]. Литература имела важное мобилизационное значение в условиях начала войны, и куйбышевские писатели, такие как Л. Кацнельсон («Отстоим Москву!» и др.), стремились в своих произведениях убедить читателя в скорой победе над врагом и разгроме немецко-фашистских захватчиков. Куйбышевские писатели, оставшиеся в тылу, постоянно повышали свой профессиональный уровень, проводя творческие вечера, беседы, доклады [3, с. 61].

Значительное влияние на культурную жизнь Куйбышевской области оказала эвакуация в тыловые регионы ведущих деятелей культуры СССР. Куйбышевское отделение Союза писателей пополнилось целым рядом авторов, эвакуированных из прифронтовой полосы. В их числе были такие советские писатели и поэты, как Б.Н. Агапов, Н.Л. Вержейская, Д.С. Кинзон, Е.Б. Левановская, А.В. Поволоцкая, Л.Б. Эпштейн, С.Б. Гордон и др. [1, с. 86].

Работа Куйбышевского отделения Союза советских писателей сильно пострадала, так как более 40% его членов были отправлены на фронт в качестве солдат, офицеров, политработников, военков, редакторов армейских и дивизионных газет [6, с. 41]. В их числе были Иван Булкин, Сергей Шапошников, Александр Макаров, Андрей Петокки, Леонид Кацнельсон, Александр Ягунов, Захар Городисский и другие [7, с. 62].

Несмотря на то, что многие из писателей оказались частично или полностью выключены из литературной жизни Куйбышева, «в городе оставались несколько литераторов, которые не бездействовали, а старались быть полезными как воюющей стране, так и ее «запасной столице», какой выпало стать Куйбышеву» [1, с. 51]. Среди них следует отметить Н. Жмылева, В. Алферова, К. Кишину, Н. Жоголева, А. Савватеева и других.

Лишь с середины 1942 г. оставшиеся куйбышевские писатели смогли восстановить в полном объеме активную деятельность Куйбышевского отделения Союза писателей [2, с. 19]. В мае 1942 г. в одном из выпусков «Волжской коммуны» появляется заметка куйбышевского писателя

Н. Жмылева «Писатели в помощь фронту и тылу». В ней давался краткий отчет о деятельности и планах куйбышевской писательской организации [7, с. 62].

Одной из основных форм писательской активности куйбышевских литераторов становится издание сборников и альманахов [10, оп. 1. д. 89]. В середине 1942 г. начинается подготовка сборника «Поволжье в дни войны» [1, с.45-46]. В 1943 г. начинается издание альманаха «Волга». Вошедшие в него произведения были посвящены теме защиты Советского Союза от немецко-фашистских захватчиков, угрожавших полным уничтожением всему многонациональному советскому народу [2, с.17-26].

Таким образом, литературная жизнь Советского Союза и Куйбышевской области в частности прошла через сложную трансформацию, вызванную начавшейся войной. Как в Куйбышеве, так и в других городах Советского Союза, писатели отправлялись на фронт как в роли журналистов и полевых корреспондентов, так и простых военнослужащих. Многие из них отдали свою жизнь за Родину. Куйбышевские писатели вдохновляли читателей на подвиги, пробуждали в них любовь к Родине и ненависть к врагу, поддерживали в трудные жизненные минуты. Они, как и писатели всего Советского Союза, с чувством долга исполняли возникшие перед ними задачи, продиктованные обстановкой военного времени. Осознавая ответственность, которую возложила на них их профессия, они до конца выполнили долг перед Родиной и своим творчеством внесли значительный вклад в победу над врагом.

Библиографический список

1. Голуб Ю.Г., Баринов Д.Б. Судьбы российской художественной интеллигенции в условиях сталинского режима. Саратов, 2006.
2. Долонько В.В. «Осколок ковчега»: писатели в эвакуации в Куйбышеве // Вопросы истории и культуры. 2011. № 4.
3. Кривопалова Н.Ю. Новое осмысление действительности в творчестве художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны // Костромской гуманитарный вестник. 2011. № 2.
4. Кузнецова Н.А. Творческие союзы Среднего Поволжья в послевоенные годы (1946-1953) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. 2011. № 3.
5. Куйбышев времен Великой Отечественной войны. Фотографии. [Электронный ресурс]. URL: <https://drugoigorod.ru/kuibishevwar> (дата обращения: 26.03.2020).
6. Культурное строительство в Куйбышевской области. 1938-1977 гг.: Сборник документов и материалов. Куйбышев, 1979.
7. Низамова О.Б. Издано в Куйбышеве // Вопросы истории. 2014. № 6.
8. О составе Куйбышевской организации ССП на 5.02.1942 // Культурное строительство в Куйбышевской области. 1938-1977 гг.: Сборник документов и материалов. Куйбышев, 1979.

9. Фатахутдинова А.С. Культурная жизнь Куйбышевской области в 1941-1945 гг. // Лучшая научно-исследовательская работа 2017. Сборник статей. Пенза, 2017.

10. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-1389.

И.Д. Янцен

Самарский национальный исследовательский университет

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЖЕНСКОЙ ФРОНТОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Дискуссионность многих общих проблем истории советского общества, необходимость дальнейшего углубления изучения советской повседневности, в том числе женской, важность сохранения памяти о женщинах-военнослужащих, сражавшихся на фронтах в годы войны, делают нашу тему научно актуальной и социально значимой.

Цель данной работы – проанализировать советскую историографию женской фронтовой повседневности в годы Великой Отечественной войны, выявить основные этапы ее развития, особенности и характеристики.

Современные исследователи называют советский этап историографии по рассматриваемой проблеме этапом «героическим», где основное внимание советских историков концентрировалось на показе героического вклада женщин-фронтовиков в Победу. Нами выделяется четыре этапа советской историографии по изучаемому вопросу: 1) 1941 – 1945 гг., 2) 1945 – 1955 гг., 3) 1955 – 1965 гг., 4) 1965 – конец 1980-х гг.

Среди работ первого советского историографического этапа необходимо назвать прежде всего работы Э.А.Корольчук и О.П. Мишаковой [7, 9]. Они носили агитационно-пропагандистский, очерковый и публицистический характер, имели патриотическую направленность и должны были способствовать формированию у женщин стремления с оружием в руках защищать свое Отечество. Работы этого периода содержали богатый фактический материал о героизме женщин-военнослужащих на фронте, но были лишены глубоких обобщений и выводов.

На втором историографическом этапе документальная база исторических и историко-партийных работ заметно расширилась; в отличие от предшествующих работ, в них есть элементы научного исследования и систематизирован значительный фактический материал, что отразилось в трудах А.Д. Зарубиной и А.Ф. Шмелевой [5; 14]. Однако качество работ первого и второго этапа советской историографии не дает объективной картины вклада женской части населения СССР в защиту Отечества в годы войны.

После XX съезда КПСС историки получили доступ к новым архивным материалам. Используя новые документы, историки стремились критически осмыслить события военных лет и приблизиться к их объективной оценке. Только за 1956–1960 гг. было опубликовано более 200 трудов по истории Великой Отечественной войны. Появились обобщающие работы по войне, среди которых выделяется фундаментальный труд «История Великой Отечественной войны Советского Союза» в шести томах [6]. Однако упоминания в нем о женщинах-военнослужащих встречаются редко и только при описании героической борьбы советского народа на фронте.

В 1960-е гг. значительно увеличилось количество публикаций, подробно рассматривавших неизвестные ранее аспекты военной службы женщин различных специальностей. Так, например, о женщинах-снайперах писал Т.Я. Лильин [8], о медсестрах – М.М. Товбин [13], подвиги женщин-бойцов освещены в обобщающем сборнике «Героини: очерки о женщинах – Героях Советского Союза» [4].

К середине 1970-х гг. возросло число публикаций об участии женщин в Великой Отечественной войне, что было связано с празднованием 30-летия Победы и Годом Женщины. Наибольший интерес здесь представляют монографии В.С. Мурманцевой «Женщины в солдатских шинелях» [10] и «Советские женщины в Великой Отечественной войне» [11], ставшие первыми крупными комплексными исследованиями по вопросу участия советских женщин в войне. В них впервые затрагиваются вопросы масштабов мобилизации советских женщин в Красную Армию, порядка прохождения ими военной службы в различных родах и видах войск. В 1980-е гг. на первый план выходят такие аспекты, как особенности обучения женщин различных воинских специальностей, трудности повседневной жизни, морально-психологическая обстановка на фронте, затронутые в работах В.И. Ваньшиной [2], В.Я. Галаган [3], Л.П. Овчинниковой [12] и документальной очерке С.А. Алексиевич «У войны не женское лицо» [1]. Заключительный этап советской историографии стал поворотным пунктом в изучении проблемы участия советских женщин в войне. В этот период произошло численное увеличение не только монографических, но и диссертационных исследований, в которых большое внимание уделялось рассмотрению особенностей фронтовой жизни женщин-военнослужащих различных воинских специальностей. Но большинство исследований было выполнено в историко-партийном аспекте, что, в сочетании с трудностями с доступом к архивным документам, не позволяло их авторам показать реальную роль женщин в защите Отечества с оружием в руках.

Таким образом, советская историография прошла четыре этапа своего развития, из которых последний этап стал поворотным и самым плодотворным.

Библиографический список

1. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. Минск, 1985.
2. Ваньшина В.И. Ратный подвиг в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1989.
3. Галаган В.Я. Ратный подвиг женщин в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1986.
4. Героини: очерки о женщинах – Героях Советского Союза. В 2-х вып. М., 1969.
5. Зарубина А.Д. Патриотизм женщин Москвы в годы Великой Отечественной войны. М., 1952.
6. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. М., 1960–1965.
7. Корольчук Э.А. Советская женщина в боях за Родину. Л., 1941.
8. Лильин Т.Я. Женщина в серой шинели. М., 1961.
9. Мишакова О.П. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1943.
10. Мурманцева В.С. Женщины в солдатских шинелях. М., 1971.
11. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974.
12. Овчинникова Л.П. Женщины в солдатских шинелях. Волгоград, 1987.
13. Товбин М.М. Женщины в серых шинелях. М., 1965.
14. Шмелева А.Ф. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1947.

Д.А. Рамм

Самарский национальный исследовательский университет

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РАБОЧИХ ТОЛЬЯТТИНСКОГО ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО ЗАВОДА В 1960-Е ГОДЫ

В статье анализируются сферы бытования, которые определяются производственной деятельностью, а именно: условия труда, профессиональные болезни и предпочтения в одежде.

Тольяттинский электротехнический завод заложен в 1956 году для производства осветительных устройств. На начало 1960-х годов строительные работы еще продолжались, когда в корпусах уже развернулось основное производство. Выпуск игнитронов и выпрямителей тока велся параллельно с пуско-наладочными и ремонтными работами. Из-за спешки и ошибок в проектировании строители не заложили каналы для водных трасс в фундаментах промышленных строений [1, оп. 2. д. 15. л. 79]. В бытовых помещениях отсутствовала вода, а сами бытовки использовались не по назначению: для хранения строительных материалов и свалки мусора. Отсутствовали комнаты женской гигиены. В сильно загазован-

ных и запыленных цехах продолжался монтаж вентиляции [1, оп. 3. д. 29а. л. 20]. Земля вокруг корпусов разбивалась машинами, которые вместе с людьми заносили в цеха грязь, а сновавшие строители вносили неразбериху. Естественно, что, в условиях всеобщей сумятицы, дисциплине труда и технике безопасности уделялось незначительное внимание. На одном из заседаний завкома в 1960 году представлена следующая картина: «Захламленность цеха. Кабели в сварочном отделении, идущие от сборки, оголенные. Бормашинками работают без кожухов. Механический цех превратили в проходной двор» [1, оп. 3. д. 29а. л. 48]. Ситуация изменилась в лучшую сторону к концу десятилетия.

Многие цеха с наступлением осени из года в год обнаруживали недостаточную подготовку к зимним условиям: тепловые завесы и система отопления не работали на полную силу, местами отсутствовали стекла. Поэтому с наступлением холодов температура внутри производственных помещений опускалась до отрицательных отметок, и как следствие росло число простудных заболеваний [1, оп. 3. д. 29. л. 20-22]. На отдельных участках угрозу для здоровья создавали пары ртути – жидкости, которая служила рабочим телом для части продукции завода. Пары осаждались на поверхности предметов, в том числе и на одежде лаборантов. Зартученные фартуки и халаты надлежало чистить в специальной прачечной, но отсутствие нужных стиральных машин вынуждало работников вопреки запретам начальства стирать рабочую одежду на дому. По состоянию на 1960 год с ртутью работало 142 человека, 15 из которых имели повышенное содержание ртути в организме [1, оп. 3. д. 29. л. 20об]. Недостаточный уровень медицины в городе вынудил администрацию, начиная с 1960 года, превентивно укреплять здоровье рабочих гимнастическими упражнениями, а также начать закупку оборудования для заводской поликлиники. На протяжении 1960-х годов сохранялась проблема туберкулеза. В 1960 году на заводе числилось 2 больных, а в 1967 году уже 8, из которых 5 посещали общую столовую [1, оп. 3. д. 148. л. 45], чем создавали риски заражения окружающих. Некоторые рабочие, желая сохранить работу, намеренно скрывали туберкулез, приглашая для прохождения теста представных лиц [1, оп. 3. д. 148. л. 42].

Большинство работников являлись выходцами из сельской местности. Недавние жители деревень предпочитали носить привычную для себя строгую и однотипную одежду, отвечающую исключительно утилитарным запросам. Закрытая одежда помогала справляться с холодом при работе в цехах и защищала от незначительных механических повреждений, но одновременно сковывала движения. Употребление декоративных элементов в оформлении одежды считалось лишним и бескультурным даже в обыденной жизни. Типичный мужской наряд вне зависимости от погоды состоял из рубахи с длинным рукавом, классических или рабочих штанов, кепки-бескозырки. Женщины и даже молодые девушки носили

длиннополые платья ниже колен, полностью скрывающие фигуру, покрывали голову платками. Тенденция диверсификации вкуса (каждый одевается как хочет в зависимости от материального положения) [2, с. 216] еще не прослеживается.

На протяжении 1960-х годов завод переживал острый жилищный кризис. Недостаток просторного жилья и мест в общежитиях стал причиной скученности и неустроенности домашнего быта у значительной части рабочих. Выделяемые под садовые насаждения участки было запрещено передавать или обменивать, а также застраивать любыми, даже незначительными сооружениями такими как шалаши или навесы [1, оп. 3. д. 29. л. 32].

В январе 1967 года завод включился в экономическую реформу и перешел на хозрасчет. Чтобы выполнить план по товарной продукции было освоено производство детских игрушек «Кольт», которые по внешнему виду напоминали отечественный револьвер системы Нагана. Провал затеи в первый год действия новой системы обернулся кратковременной акцией по борьбе с пьянством и прогулами [1, оп. 3. д. 148. л. 55]. На что имелись соответствующие причины, т.к. случаи употребления алкоголя порой переходили допустимые рамки и выливались в застолье прямо на рабочем месте [1, оп. 3. д. 148, л. 7].

Завод, возводимый в «чистом поле», стал для первого поколения рабочих местом, которое определяло их запросы, возможности и характер; единственно настоящим, но не всегда желанным домом, где приходилось проводить большую часть времени. Однако, рабочий не являлся пассивным объектом, сущность которого без остатка определялась временными условиями. Рабочие, будучи носителями сельской культуры, привносили в индустриальное пространство часть деревенского мышления, консерватизм взглядов и поруку.

Библиографический список

1. Тольяттинский государственный архив (ТГА). Ф. Р-153.
2. Журавлев С.В., Гронов Ю. Мода по плану: История моды и моделирования одежды в СССР, 1917-1991. М.: [ИРИ РАН], 2013. 496 с.

А.А. Хажайнов

Самарский национальный исследовательский университет

НАЧАЛО ФУТБОЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ ЭДУАРДА СТРЕЛЬЦОВА (1951–1955 ГГ.)

С первой половины 1950-х годов с появлением целой россыпи талантов футбол в СССР переживал фазу бурного развития. Рост популярности футбола в нашей стране сильно повлиял на развитие всего спорта,

а футбольные звезды того времени, такие как Эдуард Стрельцов, привлекали взоры болельщиков к происходящему на футбольных стадионах. Вместе с тем в научной исторической литературе проблемы становления и развития футбола в СССР, вклад выдающихся футболистов в его достижения находятся на начальном этапе.

Целью настоящей работы является анализ начала футбольной карьеры выдающегося советского футболиста Эдуарда Анатольевича Стрельцова в процессе развития футбола в СССР.

Послевоенные годы в жизни людей были нелегкими. Спорт, увлечение футболом являлись формой позитивного досуга для подростков, часто играющих во дворах. Частью этого поколения являлся и Эдуард Стрельцов. Будущий футболист родился 21 июля 1937 года. Детские годы Эдуарда проходили в небольшом подмосковном поселении Фрезер (позже Перово) рядом с одноименным станкостроительным заводом [2, с. 13].

В 1944 году Эдуард пошел в первый класс школы № 439. Учился неважно, но отстающим не был. В школе его более привлекали такие предметы как история и физкультура. Он любил игры на свежем воздухе на стадионе, куда регулярно убежал и часами играл в футбол. Футбольные баталии разворачивались ежедневно. Там и заметили быстрого, техничного юношу тренеры местной команды «Фрезер». Руководство клуба с интересом отнеслось к подрастающему таланту и в 1951 году определило юного Эдуарда, закончившего 7 классов школы, работать на должность слесаря-лекальщика завода «Фрезер» и заниматься в детско-юношеской спортивной школе при футбольной команде. В ней в 14 лет Стрельцов стал самым юным воспитанником. Именно с этого момента начинается карьера футболиста Э. Стрельцова [5, с. 72]. В начале 1950-х годов подмосковная команда «Фрезер» состояла из рабочих завода и принимала участие в областных первенствах и даже стала обладателем Кубка Москвы в 1952 году [6, с. 51].

В начале 1953 года за блестящие результаты Э. Стрельцов был переведен в основную команду «Фрезера». На товарищеской игре «Фрезера» и московской команды «Торпедо» осенью 1953 года Эдуарда Стрельцова увидел тренер «Торпедо» В.С. Проворнов. Он позвал Э. Стрельцова в состав своей команды без предварительного просмотра по рекомендации тренера «Фрезера» Марка Семеновича Левина. И в этом же году шестнадцатилетний Стрельцов без раздумий переходит в команду «Торпедо», которая на тот момент играла в высшей лиге [3].

Уже 1954 году Эдуард Стрельцов попал в заявку основного состава «Торпедо». На тот момент он был самым молодым игроком в истории клуба. Но как ни странно в клубе юношу называли в шутку Эдуард Анатольевич, так как заявлен он был как 27-летний игрок, дабы не показывать молодого вундеркинда и сохранить его для своего клуба. В команде Э. Стрельцова встретили хорошо. Так, главный тренер «Торпедо» тех лет В.И. Горохов вспоминал: «Пришел Эдик в спортивный мир... в тело-

грейке. Здесь он встретил настоящих друзей — Л. Тарасова, А. Медакина, В. Воронина, В. Шустикова, В. Иванова, всех не перечислить» [1, с. 216].

Сам Э. Стрельцов первые годы игры в «Торпедо» вспоминает с благодарностью к заметившим его тренерам. В первые матчи Эдуарда выпускали под конец игры, давая шанс проявить себя. В свою же очередь молодой игрок регулярно пользовался возможностями показать свои способности [1, с. 219].

Дебют Э. Стрельцова в «Торпедо» состоялся в апреле 1954 года в начавшемся чемпионате СССР в матче с харьковским «Локомотивом». Сенсацией первого тура чемпионата стало произошедшее в Харькове. Эдуард Стрельцов вышел во втором тайме на замену и сразу же забил красивейший гол, который принес победу команде со счетом 1:0 [4, с. 39].

Рост популярности футбола в стране увеличивался также быстро, как известность молодого нападающего. 26 июня 1955 года ознаменовалось первым выходом Э. Стрельцова за сборную СССР в Стокгольме против сборной Швеции. Защита скандинавов была не готова к атаке противника и дала забить Э. Стрельцову три мяча. Такое количество голов и по сей день не удалось забить никому в дебютном матче за сборную СССР [2, с. 47].

Именно тогда юный нападающий с необычной манерой игры стал особенно заметен. Против Э. Стрельцова было сложно играть. Особенно трудно приходилось защите соперников. Так вспоминал об игре против впоследствии знаменитого нападающего его партнер по сборной СССР и соперник в чемпионате страны, защитник М. Хурцилава: «...Труднее всего играть против тех, кто едва ли не любым своим движением пытается загадать тебе загадку. К таким форвардам я относил Эдуарда Стрельцова. Играть против него было хотя и нелегко, но приятно. Все время держал себя настороже, подстегивал, как бы бросал вызов: давай состязаться в сообразительности, находчивости! Выиграть такой поединок — одно удовольствие» [2, с. 54].

Таким образом, начало футбольной карьеры Э.А. Стрельцова — это период с 1951 до 1955 года, когда происходит его превращение из начинающего игрока подмосковной футбольной команды «Фрезер» в профессионального футболиста команды высшей лиги «Торпедо», выступающего за сборную СССР.

Библиографический список

1. Васильев П.А., Лыткин О.Ю. Гвардия советского футбола. М.: Молодая гвардия, 2018. 269 с.
2. Винокуров В.И. «И тогда Эдик взял мяч...» Воспоминания об Эдуарде Стрельцове. М.: Молодая гвардия, 2018. 198 с.
3. Галедин В.И. Эдуард Стрельцов. М.: Молодая гвардия, 2017. 151 с.
4. Нилин А.П. Эдуард Стрельцов. М.: Молодая гвардия, 2002. 360 с.
5. Стрельцов Э.А. Вижу поле... М.: Современная опера, 1991. 48 с.
6. Хохлюк В.Н. Эдуард Стрельцов — гений русского футбола. М.: Книжный мир, 2020. 190 с.

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 1950–1985-Е ГГ.

Молодежная политика занимает одно из важнейших мест во взаимоотношениях государства и общества. Особенность молодежной политики СССР состояла в том, что компартия ставила перед собой цель овладеть всей массой молодежи, заключив ее в обусловленные организационные рамки при помощи подконтрольных партии организаций. Одна из политических установок партии гласила: «Главное в работе с молодежью – усилить коммунистическое воспитание» [1, с. 21].

В своих основополагающих документах партия ставила задачу формировать из молодежи эрудированных специалистов в выбранной профессии, активистов научно-технического прогресса, убежденных марксистов, пропагандистов политики партии, при этом они должны были обладать навыками организации и управления коллективом [4, с. 1]. Для реализации этих целей создавались молодежные и комсомольские организации, добровольные общества, посредством них юноши и девушки принимали активное участие в жизни государства, помогая строить новое общество.

Одним из главных организационных институтов по воспитательной работе с молодым поколением на протяжении существования СССР был Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ), влиявший на все стороны жизни страны. В ряды комсомола мог вступить молодой человек в возрасте 14 – 28 лет, признающий устав ВЛКСМ, активно участвующий в строительстве коммунизма, работающий в одной из комсомольских организаций [7, с. 3]. Всей работой руководил Центральный Комитет ВЛКСМ, избирающий Бюро и Секретариат [7, с. 4]. В отношениях партии и комсомола следует отметить верность поговорки: «Партия сказала – надо, комсомол ответил – есть!».

В военно-патриотической работе с молодежью ведущую роль заняло Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ СССР) [5]. Членами общества могли быть все граждане СССР, достигшие 14-летнего возраста, признающие Устав Общества, состоящие в одной из первичных организаций и уплачивающие членские взносы, а с 18 лет участник мог быть избран в руководящие органы ДОСААФ [9, с. 2]. Главной задачей оборонного Общества стало патриотическое воспитание трудящихся и молодежи, подготовка их к военной службе,

содействие в организации и проведении мероприятий гражданской обороны. Центральными органами являлись: Всесоюзная конференция, Центральный комитет, Центральная ревизионная комиссия. Общество также стало опорной площадкой для проведения военно-патриотических игр: «Зарница», «Игры надежды» и «Орленок» и множество других спортивных мероприятий [3, с. 93].

Движение студенческих отрядов начиналось как всесоюзная трудовая программа ЦК ВЛКСМ. Началом Всесоюзных студенческих строительных отрядов (ВССО или ССО) принято считать 1959 г., когда 339 студентов-добровольцев физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова во время летних каникул отправились в Казахстан, на целину. Главная причина поддержки начинавшегося движения – стремление СССР в короткие сроки решить продовольственную проблему в стране [2, с. 3]. Членами отряда могли быть студенты, успешно выполняющие учебную программу, не имеющие медицинских противопоказаний для работы в отряде, прошедшие обучение техники безопасности, признающие и соблюдающие Устав. Студенческие отряды формировались в ВУЗах, а также в средних специальных учебных заведениях [6, с. 8]. Главным руководящим органом ССО являлся штаб, отвечающий за всю работу студентов в трудовом семестре. Отправляясь на целину, ребята работали на объектах, занимались военно-патриотической, спортивной и просветительской деятельностью среди местного населения и молодежи [9, с. 17, 41]. Студенческие отряды стали «школой гражданской и трудовой зрелости» молодежи, которая постоянно находилась в центре внимания Коммунистической партии и Советского правительства, ВЛКСМ. Отличительной особенностью стройотрядов стало то, что им удалось стать относительно самостоятельным движением, ограничив контроль ВЛКСМ на свою деятельность на трудовых объектах.

Важную роль в воспитательной деятельности советских молодежных организаций играет культурное направление. В 1960-х возникает переломный момент и среди молодого поколения возникают инакомыслящие, которые и образуют «неформальные» объединения, тем самым, разделив культурную и досуговую деятельность советской молодежи на два лагеря. Первый лагерь – это комсомольские организации, добровольные общества и молодежные объединения, которые следовали программе КПСС, а второй – неофициальный, связанный с диссидентами и неформалами, стилями и рок-движением. При этом второй не поощрялся в обществе.

Невозможность выбора и загнанность молодежных организаций в определенные идеологические рамки в плане воспитательной деятельности отразились кризисом в молодежной политике СССР в середине 1980-х годов.

Библиографический список

1. Ильинский М.И. Государственная молодежная политика в СССР. М.: Издательство МГУ, 2017. 432 с.
2. Кириленко В.Н. Летопись движения студенческих отрядов Куйбышевской области 1956-1991. Самара, 2015. 532 с.
3. Комсомол и школа. Док. съездов, конф. комсомола, пленумов, Бюро и Секретариата ЦК ВЛКСМ (1919-1985) / Сост. Шмитков В. и др. М.: Молодая гвардия, 1986. 334 с.
4. Липицкий В.С. Трудовой семестр и коммунистическое воспитание студентов. М.: Издательство Московский университет, 1975. 71 с.
5. ДОСААФ России. История организации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dosaaf.ru/about/history/>.
6. Студенческая целина: Сб. статей. Ростов-на-Дону: «РИСИ», 1974. 139 с.
7. Устав Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи: Устав ВЛКСМ 1962 года [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/1962>.
8. ДОСААФ России. Документы. Устав ДОСААФ СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dosaaf.ru/documents/>
9. Фалеристика Всесоюзного студенческого отряда: 1959-1992 годы / под ред. Е. И. Белозерцева. СПб.: «Александр ПРИНТ», 2009. 96 с.

С.В. Николаев

Самарский национальный исследовательский университет

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ: ПОЭТ В ПРОСТРАНСТВЕ ВЛАСТИ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Уникальность поэтов второй половины XX века заключалась в том, что многие их произведения впоследствии ложились на музыку, что создавало готовый продукт – песню. Жанр авторской песни уникален тем, что автором и слов и музыки выступал сам исполнитель, а творчество т.н. бардов было разношерстно и, зачастую, неудобно партийной власти своими лейтмотивами. Владимир Высоцкий – уникальная фигура эпохи. Создав прочный культурный пласт в авторской музыке, поэзии, театре и кино своим талантом и харизмой, он прочно укоренился в сознании людей как поэт и автор-исполнитель собственных песен, а в сознании советской власти как маргинал, исполняющий блатные песни (такое мнение у партийных органов было вплоть до 1986 года).

Целью настоящей работы является анализ отношений власти и населения к поэтическому и музыкальному творчеству Владимира Высоцкого в 1960-х – 1970-х гг.

Историографическая основа темы основывается на монографии А.В. Кулагина, исследовавшей творчество поэтов-бардов, и В. Высоцкого в частности. А также на трудах В.И. Новикова, М.И. Цыбульского и В.К. Перевозчикова, чьи работы напрямую связаны с изучением биографии и творчества Высоцкого.

В качестве источников использованы собрание сочинений В. Высоцкого, а именно тексты его песен за период 1961-1970-е гг., первый выпущенный сборник стихотворений «Нерв», а также заметки и воспоминания друзей и коллег В. Высоцкого о нем и его творчестве и газетные вырезки о концертной деятельности Высоцкого, как автора-исполнителя.

Свою известность В. Высоцкий получил с начала 1960-х годов, как автор песен, которые можно отнести к типу дворового и лагерного контекста [4, с. 5]. Именно с того момента поэт начал ассоциироваться у партийной власти недоброжелательным элементом, который прославлял в своих песнях порочащие советский строй порядки. Стихотворения блатного толка были главными в творчестве Высоцкого до середины 1965 годов, именно этим годом датируются последние произведения подобной направленности [5, с. 69]. Однако среди песен этого периода были и произведения, которые можно отнести к типу сказочных, например, «Лежит камень во степи», к тому же к середине 1960-х годов Высоцким уже были написаны несколько военных песен [5, с. 61].

Подобный репертуар исполнителя, безусловно, являлся довольно спорным для массового распространения. Несмотря на это, Высоцкий начинает свою сольную концертную деятельность в апреле 1965 года в Ленинграде в местном ресторане [8, с. 36], где исполнил песни «блатного» толка, например, песни «Татуировка», «Почти из биографии» (она же «Тот, кто раньше с нею был») и др. [2, с. 153]. А первым серьезным выступлением Владимира Семеновича можно считать его концерт в начале 1966 года в Московском институте русского языка [5, с. 82-83].

Гораздо более широкую популярность среди населения страны Высоцкому принесли песни, написанные им во второй половине 1960-х годов. После выхода на экран кинофильма «Вертикаль» в конце 1966 года, саундтреки этой картины стали по-настоящему всенародно любимыми и культовыми. С этой же роли в фильме начинается отсчет серьезной работы Высоцкого в киноискусстве (артист играл в кино и ранее, но роли были, как правило, второстепенные и эпизодические). В начале 1967 года в прокат вышла первая кинокартина с песнями на стихотворения Высоцкого — «Последний жулик». Тогда же выходит грампластинка с песнями из фильма, где впервые была записана композиция на стихотворения поэта, с этого альбома стоит считать начало его песенной дискографии [9, с. 85-87]. Вопреки смене вектора в музыкальном творчестве Высоцко-

го на увеличение образов и тематик в его стихотворениях, песни блатной тематики продолжали присутствовать в его репертуаре.

Широкая популярность в советском обществе, где Высоцкий уже стал для людей артистом, который с гитарой в руках пел, кажется, обо всем, не дала власти разделить подобную трепетную любовь к поэту с народом, во многом из-за его свободолюбивого творчества. В 1975 году по причине постоянного отказа в выпуске больших альбомов, в частности, совместной пластинки поэта с М. Влади фирмой «Мелодия» (которая на тот момент имела монополию на выпуск аудиопродукции в Советском Союзе), Высоцкий вместе с супругой встретились с министром культуры СССР П.Н. Демичев, который никак не решил эту проблему. О факте предвзятого отношения к поэту партийных органов и высших эшелонов власти говорит и то явление, что только за год до смерти барда вышла первая пластинка-гигант с песнями в его собственном исполнении, но в магазины страны она в продажу не поступила, а отправлялась только на экспорт, так как за рубежом Высоцкий был не менее популярен [10, с. 472-475].

Несмотря на подобное отношение властей к музыкальному творчеству Высоцкого, все же многие его песни были записаны автором в активный период своей работы на весьма хорошее оборудование, которые он делал у своих друзей. Самым большим таким архивом песен поэта стал музыкальный архив К. Мустафиди, который собрал в своей коллекции порядка четырехсот композиций барда [3, с. 424].

В литературной сфере также наметились тенденции на игнорирование творчества В. Высоцкого. Этот факт подтверждает и то, что при жизни поэта не было выпущено ни единого сборника его произведений, а первым сборником стихотворений Высоцкого в СССР стал «Нерв», который был составлен поэтом Робертом Рождественским в 1981 году [1].

Появление В. Высоцкого на телевидении также было немногочисленным и практически было сведено на уровень регионального вещания. Примерами записей подобных интервью и выступлений, которые показали в эфире, является передача о поэте, снятая в 1972 году в Таллинне и показанная Эстонским телевидением [10, с. 228-229]; запись исполнения Высоцким нескольких песен в рамках гастролей Театра на Таганке Ленинградским телевидением [8, с. 186]; интервью, записанное и показанное на Пятигорском телевидении в 1979 году [6, с. 288]. Первое серьезное приглашение на Центральное телевидение Высоцкий получил в январе 1980 года, где в рамках передачи «Кинопанорама» был снят полноценный концерт исполнителя, в котором прозвучали песни различных тематик. Однако вышла эта запись лишь в 1987 году [5, с. 360-361].

В печатных изданиях также развернулась кампания против Высоцкого, толчком для которого стал конфликт властей с Театром на Таганке,

где играл Высоцкий. Ярким примером подобной дискредитации была статья о концерте барда в Куйбышеве в 1967 году, в которой было написано о том, что Высоцкий исполнял на концерте в основном песни, которые характерны для дворового пения [7].

Высоцкий еще при жизни получил главное признание – любовь людей к его творчеству. Несмотря на игнорирование властями популярности поэта-барда, люди все равно слушали запрещенного наверху исполнителя, перезаписывая и передавая друг другу записи его песен на радиоманнитных лентах (катушках). Спустя много лет после смерти Высоцкого, началась оценка наследия творчества артиста, движимая любовью людей к произведениям харизматичного поэта, барда, актера, которая только усиливается с каждым прикосновением к его произведениям.

Библиографический список

1. Владимир Высоцкий. Нерв / сост. Р. Рождественский. М.: Современник, 1981. 240 с.
2. Владимир Высоцкий. Собрание сочинений. Песни. 1961-1970 / сост. В. Новиков, О. Новикова. Т.1. М.: Время, 2014. 182 с.
3. Все не так, ребята...: Владимир Высоцкий в воспоминаниях друзей и коллег / сост. И. Кохановский. М.: АСТ, 2017. 512 с.
4. Кулагин А.В. Поэзия Высоцкого: Творческая эволюция. Воронеж: Эхо, 2013. 230 с.
5. Новиков В.И. Высоцкий / научн. кон. А.Е. Крылов и И.И. Роговой. М.: Молодая гвардия, 2013. 492 с.
6. Перевозчиков В.К. Неизвестный Высоцкий. М.: Вагриус, 2005. 303 с.
7. Потапенко В., Чернов А. “Если друг оказался вдруг” // Советская Россия. 1968. 31 мая.
8. Цыбульский М.И. Владимир Высоцкий в Ленинграде. СПб.: Студия НП-Принт, 2013. 248 с.
9. Цыбульский М.И. Владимир Высоцкий и его «кино». Нижний Новгород: Деком, 2016. 464 с.
10. Цыбульский М.И. Жизнь и путешествия В. Высоцкого. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 640 с.

Е.Ю. Сурдина

Самарский национальный исследовательский университет

А.А. БАСС – ДИРЕКТОР САМАРСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Изучение жизни и деятельности выдающихся личностей, которые внесли значительный вклад в развитие нашего края, приобретает особую актуальность на современном этапе развития российского общества

и отечественной исторической науки. В истории Самары было немало ярких имен, и значимое место среди них занимает Аннэта Яковлевна Басс, которая на протяжении многих десятилетий была бессменным директором Куйбышевского, а затем Самарского областного художественного музея.

На сегодняшний день не существует ни одной изданной полной биографии А.Я. Басс, а источники, отложившиеся в ее личном фонде в Центральном государственном архиве Самарской области и представляющие значительный интерес для исследователей, практически не введены в научный оборот. Целью данной работы является анализ основных этапов биографии А.Я. Басс, направлений ее профессиональной и общественной деятельности и определение на этой основе ее вклада в развитие культуры нашего края.

Аннэта Яковлевна Басс родилась 16 апреля 1930 года в г. Куйбышев в семье рабочих. Родственники по материнской линии происходили из купеческого еврейского рода, представители которого в самом начале XX века приехали в Самару из Белоруссии [1]. По окончании школы № 15 с серебряной медалью совсем юная Аннэта Басс поступила на исторический факультет Ленинградского университета им. А.А. Жданова на специальность искусствоведения.

По окончании университета в 1953 году Аннэта Яковлевна в соответствии с приказом о распределении была направлена на работу в Куйбышевский городской художественный музей в качестве научного сотрудника [3, оп. 1. д. 48.]. В этот же год А.Я. Басс сумела спасти более четырехсот работ мастеров-авангардистов из «Мира искусства», «Союза русских художников» и «Бубнового валета», которые подлежали уничтожению [5].

В должности научного сотрудника А.Я. Басс проработала всего 5 лет, и уже 1 апреля 1958 года была назначена директором Куйбышевского художественного музея [2]. Аннэта Яковлевна организовывала зарубежные выставки, приглашала известных мастеров, чтобы познакомить с их работами куйбышевскую публику [4, с. 161]. Титанические усилия А.Я. Басс сыграли важную роль в повышении культурного престижа г. Куйбышева (Самары) не только в нашей стране, но и за ее пределами. Из Европы и США в Самару стали приезжать художники, коллекционеры, любители искусства и искусствоведы.

Важным направлением профессиональной деятельности и особым талантом А.Я. Басс было умение собирать произведения искусства. Именно благодаря этому качеству в Куйбышевский художественный музей от Министерства культуры СССР поступали картины со всесоюзных и республиканских выставок, приобретались лучшие работы куйбышевских художников с областных и персональных выставок [4, с. 160].

Благодаря деятельности А.Я. Басс музей расширился. В 1989 году Художественный музей переехал в здание на улице Куйбышева (дом № 92), а в 1990 году ему была передана усадьба Шихобаловых по улице Венцека (дом № 55). В 1976 году музеем были приобретены в селе Ширияево два исторических памятника: усадьба крестьянина И. Алексеева (дом, где художники И.Е. Репин и Ф.А. Васильев работали и жили летом 1870 г.) и дом поэта А. Ширияевца [4, с. 161].

19 января 2006 года А.Я. Басс скончалась. На момент смерти ей было 75 лет, она прожила жизнь, наполненную любовью к искусству, музею, городу и жителям нашего края.

Подводя итоги, можно сказать, что А.Я. Басс — это легендарная фигура в российском музейном мире. Она внесла огромный вклад в развитие, сохранение и приумножение культурного наследия Самарской области. В результате ее деятельности Самарский областной художественный музей стал обладателем уникальной коллекции произведений искусства, а Самарская область превратилась в один из значимых культурных центров современной России.

Библиографический список

1. История, которую надо знать // СамКульт. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://samcult.ru/heritage/2395> (дата обращения: 19.11.2020).
2. Молок Н. Аннэта Яковлевна Басс. Некролог // Известия. 2006. 23 января. URL: <https://iz.ru/news/310487> (дата обращения: 19.11.2020).
3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-3590.
4. Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е годы / Под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2014.
5. 10 лет со дня смерти А.Я. Басс // Другой город [Электронный ресурс]. URL: <https://drugoigorod.ru/anettabass/> (дата обращения: 19.11.2020).

С.А. Семенихин

Самарский государственный медицинский университет

ЛИЧНОСТЬ ИГОРЯ БОРИСОВИЧА СОЛДАТОВА И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОТОЛАРИНГОЛОГИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ДОКУМЕНТОВ ФОНДА И.Б. СОЛДАТОВА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ В САМАРЕ)

В истории развития региональной и всесоюзной отоларингологии второй половины XX — начала XXI вв. имя Игоря Борисовича Солдатова входит в ее золотой фонд. Уроженец Симферополя, выпускник Военно-морской академии (1945) в 1961–1988 гг. возглавлял кафедру отоларингологии Куйбышевского медицинского института им. Д.И. Ульянова. Вли-

яние личности, таланта и высоких профессиональных качеств И.Б. Солдатова, а также благоприятная окружающая среда привели к оформлению научно-педагогической школы оториноларингологов в Куйбышеве (Самаре). Вот лишь некоторые известные представители школы академика И.Б. Солдатова – Ю.А. Лощманов, Ю.В. Митин, Н.В. Еремина, А.П. Мирошниченко, Н.С. Храппо и др. И.Б. Солдатов – Герой социалистического труда (1990). Актуальной проблемой является изучение его личного взгляда на жизнь, отношений с окружающими. Недостаточно исследованными являются также вопросы о роли личных источников в изучении наследия И.Б. Солдатова.

Источниковой основой исследования были научно-технические документы фонда И.Б. Солдатова (Ф. Р-1) [5] и личные источники (материалы интервью с вдовой И.Б. Солдатова Т.В. Макаровой (февраль 2020 г.) и с заведующей кафедрой оториноларингологии имени академика И.Б. Солдатова СамГМУ Т.Ю. Владимировой (ноябрь 2019 г.). Интервью были проведены С.А. Семенихиным и П.А. Мистрюговым.

Под руководством и при участии И.Б. Солдатова опубликовано около 2000 научных работ, выполнены 73 докторские и кандидатские диссертации, издано 15 монографий, 5 монотематических сборников, 40 методических писем, рекомендаций и указаний; написаны разделы в 6 руководств для врачей [6, с. 474-475].

В Куйбышеве он развил новые научные направления: проблему лечения патологии лимфаденоидного глоточного кольца, оптимизации диагностики и хирургической тактики при нарушениях слуха и равновесия, при шуме в ушах [2, с. 56]. Изучив фонд Р-1 в РГА, были выявлены заявки на изобретения И.Б. Солдатова. Среди них: универсальная вестибулометрическая установка, способ лечения вестибулярной дисфункции и ушного шума, насадка к инструменту для ультразвуковой эндоауральной микрохирургии [5], что отражало интенсивный научный поиск И.Б. Солдатова в исследуемой им сфере.

О высокой самоорганизации и соблюдении распорядка дня вспоминает Т.В. Макарова: «Он каждый день чего-то писал, чего-то обобщал – трудяга был». Всегда «приезжает с работы, пообедает, час подремлет, встает и садится писать»: был очень организованным» [3]. И.Б. Солдатов также обладал хорошим вкусом, одевался с учетом веяний моды, но при этом всегда оставался верен своему стилю – английская простота, строгость и изящество [1, с. 135]. Т.Ю. Владимирова отметила, что «И.Б. Солдатова отличало от многих преподавателей очень четкая постановка лекций: он не приходил без показательного материала, несмотря на то, что технические возможности в то время были небольшие. Помощники на лекции приносили таблицы, инструменты и даже пациентов с определенной проблемой. Во время перерыва студенты могли ознакомиться с инструментами. Так они наглядно видели все» [4]. Как отмечает Т.В. Макарова «его

очень ценили многие ученые, такие как – Преображенский, Чазов и др. Игоря Борисовича часто вызывали в Москву (он был кремлевским консультантом). Также хорошие отношения были у него с великими врачами того времени – Т.И. Ерошевским, Г.Л. Ратнером, А.М. Аминевым и др. И.Б. Солдатов был широкой души, никогда не завидовал успехам своих коллег» [3].

Таким образом, трудолюбие, талант, любовь к профессии были морально-нравственными и мировоззренческими ориентирами в жизни и деятельности академика И.Б. Солдатова и позволили ему достичь больших высот в профессиональной жизни.

Библиографический список

1. Героями не рождаются... (к 90-летию со дня рождения академика РАМН Игоря Борисовича Солдатова) / Н.С. Храппо, А.П. Мирошниченко // Российская оториноларингология. 2013. № 2. С. 132-136.
2. Еремина Н.В., Храппо Н.С., Владимирова Т.Ю. Вклад академика И.Б. Солдатова в обучение и воспитание оториноларингологических кадров // Актуальные вопросы последипломного образования и здравоохранения / Сборник трудов конференции. Самара, 11 июля 2008.С.54-59.
3. Макарова Т.В. Воспоминания об Игоре Борисовиче Солдатове: интервью с супругой И.Б. Солдатова Т.В. Макаровой; записал С.А. Семенихин и П.А. Мистрюгов // Архив автора.
4. Материалы интервью: Т.Ю. Владимирова (к.м.н., зав. кафедрой оториноларингологии им. И.Б. Солдатова); записал С.А. Семенихин // Архив автора.
5. Российский государственный архив в г. Самаре (РГА в г. Самаре). Ф. Р-1. Оп. 460-5, Д. 102; Ф. Р-1. Оп. 489-5. Д. 873; Ф. Р-1. Оп. 491-5. Д. 1718.
6. Семенищева М.И., Шайхутдинова Э.Ф.Самарская научно-педагогическая школа оториноларингологов академика И.Б. Солдатова // Студенческая наука и медицина XXI века: традиции, инновации и приоритеты / сборник XII Всероссийской (86-й итоговой) студенческой научной конференции. Самара, 2018. С. 474-475.

Д.В. Сочнева

Ульяновский государственный педагогический университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ВЕЛИКОЕ БЕЛОЕ БРАТСТВО» НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-Е ГГ.

Развал советской системы повлек за собой многочисленные изменения в государствах, являвшихся его частью. Одно из самых крупных преобразований — появление не только формальной, но и фактической религиозной свободы. В связи с этим на территории постсоветского про-

странства начали активно зарождаться религиозные движения, ранее неизвестные населению. Среди них, однако, встречались и те, чья деятельность считалась противоправной: самый яркий пример — «Великое Белое Братство ЮСМАЛОС».

Это течение основано в 1990 – 1991 годах в Киеве специалистом в области психического воздействия на личность Юрием Кривоноговым и Мариной Цвигун (Мария Дэви Христос). Юсмалиане начинают проповедовать приближающийся конец света, датой которого, по их настоянию, было объявлено 24 ноября 1993 года. Влияние «Белого Братства» быстро нарастало: общины появлялись не только на Украине, но и в Беларуси, Казахстане, России и других странах бывшего СССР. Культ сразу привлекает к себе внимание общественности: его активно обсуждают СМИ, органы власти, а также представители других конфессий. «Белое Братство» подверглось критике верующими не только традиционных религий России, но и экзотических для постсоветского пространства культов — например, кришнаитами [3, с. 7].

Ульяновская область впервые сталкивается с «Белыми Братями» в 1993 году. В правоохранительные органы поступают жалобы и заявления граждан, связанные с их близкими, вступившими в религиозную организацию. В них указывается, что проповедники этой общины обращаются в первую очередь к молодым людям, подросткам, призывая оставлять семьи, принимать страдания и мученичество как высшую степень приближения к Богу. Несколько человек были объявлены в розыск, в том числе несовершеннолетние дети [1, оп. 3. № 28. л. 12]. Имелись также сведения, что «Белые Братья» пытались запугивать людей неизбежными несчастьями, если те не присоединятся к их учению, например, заместитель мэра г. Дмитровграда сообщал о попытках освящать автомашины, запугивая водителей автотранспортных предприятий возможными авариями и катастрофами, если те не присоединятся к «Белому Братству» [2, оп. 1. № 48. л. 16]. В связи с этими обстоятельствами 20.04.93 года в Ульяновской области был создан экспертно-консультационный совет, в работе которого приняли участие независимые эксперты: психологи, врачи психиатрической больницы, преподаватели местных университетов, представители ряда конфессий и органов власти. Совет пришел к выводу, что «Великое Белое Братство ЮСМАЛОС» — объединение, не зарегистрированное ни в Ульяновской области, ни в Российской Федерации и ведет свою деятельность незаконно [2, оп. 1. № 179. л. 5].

10 ноября 1993 года члены «Белого братства» захватили Софию Киевскую и собирались себя сжечь, но в результате попытка захвата пресечена сотрудниками милиции, а Цвигун и Кривоногов были задержаны. В связи с этим деятельность юсмалиан приостановилась как в Ульяновской об-

ласти, так и в Российской Федерации. 13 августа 1997 года Цвигун выходит на свободу и восстанавливает «Великое Белое Братство ЮСМАЛОС». По состоянию на сегодняшний день организация активна и вербует новых приверженцев.

Библиографический список

1. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф.Р-112.
2. ГАНИУО. Ф.Р-3705.
3. Симбирский курьер. Среда. 9 июня 1993 г. №93.

Е.А. Аншаков

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ СЕРЕДИНЫ 1990–2000-Х ГГ. В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

В отечественной историографии еще не получили полного отражения особенности развития культурной жизни современной России. Так особый интерес представляет отображение динамически развивающихся политических событий в памятниках современной культуры.

Если говорить о живописи и графике 1990–х гг., то особый интерес представляет дуэт А. А. Виноградова и В. Е. Дубосарского. Примерами их работ являются: «На пленэре» (1995), «Дорогая, я еще в офисе» (1996), «Триумф» (1996) и другие. Картины выполнены технично, напоминают советский соцреализм. Но, содержание, сюжет самих работ явно испытывают влияние нового времени, особенно постмодернизма. Они представляют эклектичный стиль, в котором причудливо переплетаются традиции социалистического реализма и новые веяния капиталистического уклада жизни [10].

Также, в 1990–х гг. активно работает художник И. С. Глазунов. Его самые знаменитые работы: «Моя жизнь» (1994), «Россия, проснись!» (1994), «Мистерия XX века» (1999), «Рынок нашей демократии» (1999). Картины академически выверенные, повествуют об историческом пути России в XX веке, где идеальная Россия (представлена крестьянской архаической глумкой, с царем во главе) уничтожается сначала революцией 1917 г., затем Великой отечественной войной, и как итог, эпохой 90–х. Картины выставлялись в ГБУ культуры г.Москвы «Московская государственная картинная галерея народного художника СССР Ильи Глазунова», открытой 31 августа 2004 г. В 1987 г. Глазунов основал Российскую академию живописи, ваяния и зодчества, которая с 10 июня 2009 г. также носит его имя [5].

Одним из ярких символов эпохи начала 2000-х гг. было осмысление и появление более глубокого дизайна. Большую роль в этом процессе сыграла графическая студия Артемия Лебедева, который сделал попытку привить на постсоветской почве азы европейского дизайна и поднять планку компьютерной графики [7, с. 265]. Из молодых иллюстраторов – дизайнеров этого периода заслуживают внимания работы самарской художницы Яны Клинок. Первые ее работы исполнены от руки, чуть позже она начала работать с цифровым планшетом. Ее рисунки интересны своей продуманной ориентацией на эстетику книжности. В своей графике она пытается использовать изобразительные приемы начала XX века [7, с. 274]. Книжным рисунком ярко отличается художник Владимир Кричевский. В 2000-х гг. издавший ряд учебников по книжным иллюстрациям и дизайну 1920, 1930, 1990-х гг. [6].

Из монументальной скульптуры особый интерес представляют памятники историческим личностям, установленные в различных регионах страны. В частности памятник основателю Ярославля князю Ярославу Мудрому (авторы проекта скульптор О. Комов и архитекторы Н.И. Комова и А.Р. Бобович) был открыт в октябре 1993 г. с участием президента Б.Н. Ельцина [8, с. 360]. 3 и 4 сентября 1997 г., к 300-летию российского флота был установлен памятник Петру I в Москве (автор З.К. Церетели) [12]. Так же были установлены памятники другим русским царям: Александру I в Таганроге (11 сентября 1998 г.) [9, с. 161], Федору I Иоанновичу в городе Йошкар-Ола (4 ноября 2009 г.) [11]. В 2016 г. открылось сразу два памятника: Владимиру Великому в Москве и Ивану Грозному в Орле [4]. Также знаменательными являются памятники: Борису Ельцину, установленный в Екатеринбурге [3]; героям Первой мировой войны в Калининграде [1]; Дмитрию Шостаковичу в Самаре [2].

Изобразительное искусство рубежа XX-XXI вв. фиксирует политическое состояние, в котором находилась Россия в 1990-х гг. Образы эти далеко не непристрастны, во многом даже негативны. Более поздняя живопись и графика, представляет собой цельный коммерческий продукт, который может говорить только об экономическом подъеме страны. Тем не менее, живопись и графика пытается искать визуальные образы в историческом прошлом, образы во многом беззаботные. Для скульптуры современной России характерен поиск «утраченных страниц» своей истории, в виде монументов царям, творческим деятелям.

Библиографический список

1. В Калининграде открыли первый в России монумент героям Первой Мировой // Комсомольская правда. 2014. 31 мая.
2. В Самаре открыли памятник Дмитрию Шостаковичу // Волжская коммуна. 2019. 7 сентября.

3. Вести.ru, Медведев прибыл в Екатеринбург [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=424746> (дата обращения: 06. 06. 2020).
4. Владимир Путин и патриарх Кирилл открыли в Москве памятник князю Владимиру// Комсомольская правда. 2016. 4 ноября.
5. Закония. Академии меняют названия, 2009, 17 июня. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakonia.ru/news/40/29828/> (дата обращения: 18. 03. 2020).
6. Кричевский В.Г. Типографика в терминах и образах. М., 2000.
7. Культура России. 2000-е годы/Под ред. Е.П.Костина. СПб., 2012.
8. Марасанова В.М. Летопись Ярославля: 1010-2010. СПб., 2010.
9. Орлов Г.Н., Найговзин Л.И., Цымбал А.А. Памятники архитектуры, истории и культуры Таганрога на старых открытках и фотографиях. Таганрог, 2004.
10. Светляков К. А., Третьяковка онлайн – Искусство 2000-х [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tretyakovgallery.ru/exhibitions/iskusstvo-2000-kh/> (дата обращения: 01. 06. 2020).
11. Царь всея Руси прописался в марийской столице// ЗАО «Пульс–радио». 2009. 17 июня.
12. Это случай, когда я лично оказался объектом психологической манипуляции // Коммерсантъ. 2014. № 40.

СЕКЦИЯ V. ИСТОРИЯ РОССИИ В XX В.: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ РЕШЕНИЯ

В.С. Кухорев

Самарский национальный исследовательский университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУЙБЫШЕВСКОГО КРАЕВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ЖУРНАЛИСТИКИ ИМЕНИ В.М. МОЛОТОВА В 1935–1939 ГГ.

В 1930-е гг. в СССР создавалась сеть коммунистических институтов журналистики, целью которых была подготовка партийных журналистских кадров.

Одним из таких вузов был Куйбышевский краевой коммунистический институт журналистики им. В.М. Молотова (далее – КИЖ), созданный в 1935 г. КИЖ занимался подготовкой редакторов и литературных работников районных газет, специалистов для совхозных газет и крупных фабрично-заводских многотиражек [2, оп. 1, д. 2, л. 219].

КИЖ стал первым институтом для журналистов в Среднем Поволжье, использовавшим программу профессионально ориентированного образования. Перед КИЖем ставилась задача подготовки не только высококвалифицированных специалистов в условиях кадрового голода, но и воспитания их в духе политической благонадежности [1].

Система поступления в КИЖ практически ничем не отличалась от нынешних правил приема студентов в вузы [2, оп. 1, д. 64, лл. 16-17]. К абитуриентам предъявлялся ряд требований. Они должны были состоять в партийных органах, иметь законченное среднее образование [2, оп. 1, д. 64, л. 28]. Предпочтение зачастую отдавалось поступающим, которые ранее имели опыт руководящей работы в партии или органах печати [2, оп. 1, д. 2, л. 16].

Кандидаты успешно прошедшие все экзамены [2, оп. 1, д. 2, л. 17] и процедуры поступления зачислялись в институт [2, оп. 1, д. 64, лл. 16-17]. Всем без исключения предоставлялось бесплатное общежитие и стипендия в размере 250 рублей в месяц.

Если говорить об эффективности усвоения студентами образовательных программ, то студенты старших курсов КИЖа имели слабую образовательную подготовку по ряду дисциплин. На решение данной проблемы руководства вуза затрачивало немало ресурсов. Речь идет о внесении существенных изменений в учебный план, о разных формах усиленной

индивидуальной и групповой работы с отстающими студентами. [2, оп. 6, д. 1, лл. 2, 11, 14]. Связывалось это с низким уровнем образованности всего населения страны.

Образцовые студенты за лучшие показатели в учебной, партийной и общественной работе КИЖ поощрялись бесплатными путевками [2, оп. 6, д. 1, л. 69], именными стипендиями и выплатами, подарками и т.д. [2, оп. 1, д. 2, лл. 39, 166]. И наоборот, студенты, замеченные в совершении антипартийных поступков и подлогах, связях с «разоблаченным троцкистским охвостом», сокрытии социально-чуждого происхождения, нарушении дисциплины могли быть отчислены [2, оп. 1, д. 2, лл. 26, 53, 120, 148].

Неотъемлемой частью профессиональной подготовки журналистов было прохождение практик. Студенты КИЖа направлялись обкомом партии в отделы газет различного уровня, а также практиковались в других городах. Оценка за практику могла быть снижена за «сухость и бедность языка», грубые политические ошибки [2, оп. 1, д. 64, лл. 20, 23, 30]. Серьезным проступком считался плагиат. За такой недостойный советского журналиста поступок немедленно отчисляли как «позорящих институт» [2, оп. 1, д. 2, л. 18].

Среди особенностей построения учебной программы отдельного внимания заслуживает преподавание немецкого языка [2, оп. 6, д. 1, л.7]. Преподаватели регулярно проводили «дополнительные групповые и индивидуальные занятия по особому плану» по немецкому языку, «учащали консультации». Стоит отметить, что КИЖ являлся подписчиком немецких газет. Руководством планомерно закупались лингафоны с пластинками и учебные пособия на немецком языке [2, оп. 6, д. 1, лл. 10, 19]. Данный факт может указывать о новом внешнеполитическом курсе СССР в 1930-е гг.

На заседаниях кафедры преподавателями обсуждались наиболее эффективные методы обучения, среди которых выделялись:

Важным аспектом в деятельности института считалась научно-исследовательская работа преподавателей. В большинстве своем такие работы затрагивали проблему свободы печати, ее важности для построения коммунистического общества [2, оп. 6, д. 1, л. 12].

Издавались опытными профессорами и различные пособия. Часто при их составлении преподаватели прибегали к заимствованию учебных программ у других профильных институтов. Так, Куйбышевский институт имел тесные контакты с Ленинградским КИЖем [2, оп. 6, д. 1, лл. 3-4].

Крайне важным считалось постоянное взаимодействие между преподавателями для обмена опытом. Это способствовало повышению качества преподавания и формированию доброжелательной атмосферы в рабочем коллективе [2, оп. 6, д. 1, л. 16].

Стоит заметить, что за работой преподавателей института непрерывно осуществлялся внешний и внутренний политический контроль. Политическим «осечкам» предавался широкий резонанс, разбирательства часто заканчивались выговорами [2, оп. 6, д. 1, л. 5], увольнениями [2, оп. 1, д. 2, л. 68] и даже расстрелом, как в случае с процессом по делу ректора КИЖа Л.С. Мурафера.

Спустя несколько лет своей работы КИЖ по постановлению ЦК ВКП (б) от 30 августа 1939 г. подлежал немедленной ликвидации. Ни в одном из изученных нами документов не было обнаружено указаний на прямые причины закрытия института. Студенты переводились в Ленинград для завершения обучения [2, оп. 1, д. 2, л. 1]. Возможно, это было связано с огромными долгами КИЖа по строительству нового здания [2, оп. 3, д. 5, л. 33] или изменением политического курса правительства.

Библиографический список

1. Еремин М.А., Шестерикова В.В. Куйбышевский коммунистический институт журналистики в 1936–1939 гг. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2011. № 1. С. 1–6.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-1231.

А.И. Писарева

Самарский национальный исследовательский университет

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГГ.

Изучение демографического развития общества в определенный период времени представляет для исследователя определенный интерес, так как помогает провести объективный анализ социально-экономических и политических процессов, протекавших в нем. Период НЭПа занимает в истории России определенное место, так как именно в это время происходят изменения во всех сферах общественной жизни. Демографические процессы, протекавшие в среде сельского населения Самарской губернии в 1920-е гг., динамично развиваясь, отражали текущую социально-экономическую обстановку в Среднем Поволжье.

В 1920-м году население Самарской губернии по переписи населения составляло 2 823471 человек, из них 2 486355 проживало в сельской местности [3, с. 5]. По мнению А.И. Репинецкого данные цифры не являются точными, так как перепись, проведенная после окончания войн, не зафиксировала снижение численности населения в стране [4, с. 129].

Голод, разразившийся в Поволжье в 1921-1922 гг., негативно отразился на воспроизводстве сельского населения губернии. В этот период резко сокращается рождаемость, и увеличивается смертность. Особенно ситуация обострилась в зимние месяцы, когда смертность стала превышать рождаемость в 7-9 раз, младенческая смертность составила 45,3% от общего числа рождений [1, с. 49]. Спасаясь от голода, местные жители покидали свои дома и отправлялись в районы, которые менее пострадали от голода. В итоге, к 1923 г. сельское население губернии сократилось на 585119 человек [3, с. 5].

Несмотря на преодоление голода, детская смертность в уездах губернии оставалась высокой на протяжении всего десятилетия (см. таблицу 1) [6, с. 66].

Таблица 1

Смертность сельского населения Самарской губернии по возрасту

Годы	Число умерших в возрастах										
	Моложе 1 г.	1-4	5-9	10-14	15-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70 и более
1923	12655	6819	2487	1420	1288	3461	3223	3277	3322	3603	3559
1924	20104	8356	3438	1900	1357	3233	2691	2859	2924	3086	2913
1925	23418	11677	3264	1405	1088	2738	2179	2329	2569	2569	2525
1926	18654	8327	2117	987	874	2054	1683	1997	1938	2011	2260

Одной из причин высокой детской смертности в сельской местности было отсутствие детской стационарной лечебной помощи. Местное здравоохранение не могло оказать качественную медицинскую помощь детям. Кроме того, низкий уровень культурного развития крестьянства, недостаточный уход за грудными детьми, неправильное питание часто являлись причинами смерти новорожденных [2, с. 468].

В 1925 году демографическая ситуация меняется. Наблюдается снижение смертности среди сельского населения губернии. Так, если в 1923 г. смертность составляла более 43 промилле, то в 1925 г. она стала составлять 28 промилле, а к 1926 году смертность снизилась до 21, 18 промилле [7, оп. 1. д. 1334. л. 12]. Повышается рождаемость (см. таблицу 2) [6, с. 61]. Естественный прирост сельского населения губернии приобретает положительную тенденцию и в 1926 году составил 54 797. Численность сельского населения Самарской губернии в 1926 году возросла до 2 901236 человек [3, с. 7].

Массовая мобилизация мужского населения в годы войн отрицательно сказалась не только на состоянии сельского хозяйства губернии, но и резко нарушило соотношение полов. В 1920-м году численность мужского населения составляла 1 114996, женского – 1 371359 [3, с. 8].

Голод 1921-1922 гг. сильно ударил по женскому населению губернии. Показатели смертности среди женского населения в эти годы превышали показатели таковой среди мужского населения. Более того в ряде уездов

Самарской губернии наблюдается увеличение численности мужчин. Так, в Самарском уезде численность женского населения за годы голода сократилась на 5,4 %, при этом численность мужского населения возросла на 4,5%; в Мелекесском уезде женское население сократилось на 18%, мужское – на 12%; в Бузулукском уезде убыль женского населения составила 30,2%, мужского-24,9; в Бугурусланском уезде женское население сократилось на 7,3%, численность мужского населения возросла на 1,3%; в Пугачевском уезде потери среди женщин составили 34%, среди мужчин 25% [3, с. 7].

Таблица 2

Рождаемость сельского населения всех уездов губернии по полу

Наименование губерний	Число родившихся							
	1923		1924		1925		1926	
	Об. пола	В том числе женщин	Об. пола	В том числе женщин	Об. пола	В том числе женщин	Об. пола	В том числе женщин
Самарский	13324	6573	15299	7328	20321	10132	20970	10166
Бузулукский	12598	6130	16792	8161	20618	9880	20450	9978
Бугурусланский	22776	11059	26469	12863	29453	14250	27126	13011
Пугачевский	11881	5842	12069	5895	14608	7080	15318	7346
Мелекесский	12472	6002	15355	7396	17739	8508	15230	7491
Итого	73051	35606	85984	41643	102739	49850	99094	47992

К 1926 году в связи со стабильной политической и социально-экономической обстановкой в стране численность мужского населения продолжала увеличиваться, но так и не догнала численность женского. В указанный год в сельских местностях губернии проживало мужчин- 983261, женщин – 1111010 [3, с. 7].

Первая мировая и Гражданская войны, а также голод отразились и на возрастном составе сельского населения губернии (см. таблицу 3).

Таблица 3

Возрастной состав сельского населения Самарской губернии в %

Пол	Годы	До 1 г	1-4	5-7	8-9	10-11	12-13	14	15	16	17	18-19	20-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и более
М	1920	2,8	11,4	11,1	7,3	6,4	6,9	3,0	2,9	2,7	2,2	2,6	2,9	3,1	8,7	10,4	7,2	8,4
	1926	4,7	11,7	6,0	4,3	4,5	6,4	2,9	2,9	2,8	2,6	4,7	9,4	7,8	10,4	8,8	5,6	4,5
Ж	1920	2,3	9,3	9,2	6,0	5,3	5,5	2,6	2,5	2,5	2,2	3,6	7,9	6,8	11,4	8,9	6,6	7,5
	1926	4,0	10,5	5,5	3,9	4,1	5,8	2,8	2,8	2,9	2,6	4,6	9,6	8,3	11,3	9,1	6,6	5,6

В 1920-м году в связи с малочисленностью мужского населения в уездах была понижена рождаемость, представители возрастной группы до 1 года в 1920-м г. составляли лишь 5,1%. К 1926 году картина резко меняется, наблюдается резкое увеличение рождаемости, процент новорожденных составляет 8,7%. Группа от 1-4 лет к 1926 г. увеличилась не значительно, что было связано с высокой детской смертностью в губернии. С возрастов от 5-7 лет и до 11 лет процентное отношение против 1920 года резко понижается. Снижение численности возрастов от 5-7 связано с тем, что их рождение пришлось на период гражданской войны и голода. т. е. время, в которое рождаемость, в силу создавшихся тяжелых условий, была на низком уровне. Вообще, к 1926 г. в группах детей до 14 лет, так же как и в группах старших возрастов – у мужчин старше 40 лет, у женщин старше 60 лет заметно сокращение, что является следствием голода, который снял особенно обильную жатву среди наиболее слабых групп населения: детей и стариков. В группах от 15 лет до 40 замечается в 1926 г., некоторое повышение, особенно у мужчин в возрастах от 20 и до 40 лет [3, с. 27].

Таким образом, демографические процессы в 1920-е гг. были весьма динамичными. Естественный прирост сельского населения, снизившись до катастрофически отрицательных показателей в годы голода 1921-1922 г., с 1925 г. начал положительную тенденцию, но детская смертность продолжала оставаться на высоком уровне. Первая мировая и Гражданская войны оставили свой отпечаток на половом и возрастном составе сельского населения губернии.

В начале 1920-х гг. женское население превышало мужское, что негативно сказывалось на брачности и рождаемости. Однако во второй половине 1920-х гг. численность мужского населения существенно возрастает.

Библиографический список

1. Захарова Л.Б. Российское общество в 20-е годы XX в.: социальный аспект развития (на материалах Самарской, Саратовской, Симбирской губерний). Самара, 2001.
2. Комплеева Л.Ю. Мероприятия советской власти в области охраны материнства и детства и их влияние на социокультурный облик крестьянства в период нэпа (на примере Среднего Поволжья)// Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского Гуманитарные науки. 2011. № 23.
3. Население Самарской губернии по данным Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года. Самара, 1928.
4. Репинецкий А.И. Самарская область по материалам переписей населения страны // Самарский научный вестник. 2013. №4 (5).
5. Статистический ежегодник за 1925 год. Самарская губерния. Выпуск 1. Самара, 1926.
6. Статистический ежегодник за 1927 год. Самарская губерния. Выпуск 3. Самара, 1928.
7. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 76.

ПРОИЗВОДСТВО ГОТОВОГО ПЛАТЬЯ В СССР 1920-30-Х ГГ.

Швейная промышленность или производство готового платья была неотъемлемой частью жизни советского общества, визуальный облик которого не должен был пересекаться с дореволюционными образами.

Известно, что в дореволюционной России, как таковой швейной промышленности не существовало. Сами модели создавались, в основном, по подобию заграничных выкроек, а сырьевое производство было невозможным из-за недостаточного технического оснащения [1, с. 61-62].

К началу 1920-х гг. начинается формирование и национализация массового производства готовой одежды. Был создан Центрошвей, который позже стал Главным комитетом швейной промышленности. В обязанности этого комитета входило снабжение страны не только повседневной одеждой, но и военной [2, с. 276].

Очевидно, что для массовой швейной промышленности были необходимы специалисты, которых также начали подготавливать в 1920 году в Высших Художественно-Технические Мастерские (ВХУТЕМАС) на текстильном факультете. Задачей программы было научиться создавать массовое производство практичной одежды, и главной разработкой была прозодежда.

Конечно, обучение во ВХУТЕМАС предполагало больше художественное осмысление одежды, например, глубина цвета ткани, однако именно эти курсы положили начало текстильному обучению в СССР [3, с. 155-156].

В первую очередь швейная промышленность появилась в столицах. Так, появляются Москвошвей и Ленинградшвей, целью которых было объединить в себе все столичные кустарные производства, у которых была бы общая система, разработки и производственные планы [4, с. 14]. Эти предприятия должны были создавать простую, комфортную одежду без излишеств, что также соотносилось с идеологией раннесоветского периода о том, что мода – это пережиток прошлого, а сами костюмы должны лишь выполнять вспомогательные функции.

Московшвей было настолько уникальной организацией, что оставил «след» и в литературе, где одни восхваляли, а другие критиковали его. Так, Маяковский писал, что именно Москвошвей создает идеальную пролетарскую одежду, которая удобна для жизни и не подражает парижским модам [7, с. 153-154]. Мандельштам же в свою очередь критикует одежду, создаваемую эти трестом и пишет о том, что она «отличалась» плохим качеством костюмов и неправильными выкройками, что связано как раз таки с массовым производством [8].

В 1930-е годы выпуск одежды налаживается и в других городах страны. На примере города Куйбышева можно сделать вывод, что создаются не только швейные фабрики, как «Красная Звезда», но и целые сырьевые тресты, одним из таких был кожевенный. По данным из архива видно, что в 20-е годы в лучшем случае выполнялась половина плана по производству кожаной продукции, однако к 1930-м план уже выполнялся, что свидетельствует о налаживании производства на периферии [5, л. 34-41].

Подъем швейной промышленности в 30-е годы связан с улучшением оборудования на производствах, которое в основном было импортным, наличие специалистов и отлаженной системой, преодолением многих проблем, связанных с условиями труда [6, с. 164-167].

Таким образом, можно сделать вывод, что швейная промышленность 20-30-х гг. XX века лишь начинает свое развитие, которое происходило «с нуля», так как в дореволюционный период практически не было создано предпосылок для развития отрасли.

Библиографический список

1. Журавлев С.В., Гронов Ю. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917-1991. М., 2013.

2. Мандельштам О.Э. Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето [1931] [Электронный ресурс]. URL.: <http://mandelshtam.lit-info.ru/mandelshtam/stihi/stih-276.htm> (Дата обращения: 10.11.2020).

3. Маяковский В.В. Последний крик [1929] // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1958.

4. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943.

5. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 125. Оп. 1. Д. 9а.

6. Стриженова Т.К. Из истории советского костюма. М., 1972.

7. Хан-Магомедов С.О. ВХУТЕМАС. М., 1995.

8. Черняева Е.Н. Воплощение образа советского человека в эскизах костюмов журналов мод 1930-х годов // Вестник КемГУКИ. 2013. № 24.

Д.Р. Тагирова

Тольяттинский государственный университет

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВА СЕЛА САБАКАЕВО ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В предвоенные годы количество крестьянских хозяйств в селе Сабакаево, объединенных в колхозы «Согласие», «Вперед к социализму» (впоследствии «Рассвет») и «Алга» было уже больше 100. Колхозы вели разностороннюю деятельность. В основе ее лежало зерноводство, и частично

овощеводство (тепличное хозяйство), птицеводство, животноводство, овцеводство и свиноводство. С началом Великой Отечественной войны на фронт из села Сабакаево ушло более 300 человек. Оставшиеся в селе женщины, старики и дети вынесли на своих плечах все тяготы военного времени. Перед ними встали задачи: помощь в снабжении армии, поддержка стабильности урожаев, обеспечение поставки сельскохозяйственной продукции и теплых вещей на нужды фронта и другими необходимыми продовольственными и сырьевыми ресурсами.

Работники колхоза «Алга», несмотря на все трудности, усталость и недоедание, выполняли план поставок на фронт: производили и поставляли хлеб, картофель и другие овощи, продукты животноводства, причем не меньше чем в мирное время. Подростки 13–14 лет, трудившиеся на плугах ежедневно пахали до 14 га земли и выполняли дневную норму на 110–120%.

В первые же дни войны большая часть тракторов из МТС были мобилизованы на фронт, а их водители ушли на фронт. Во время войны существовало освобождение от призыва на военную службу. И во многом количество освобожденных зависело от значимости населенного пункта. Так, в Москве бронь имели свыше 40 % мужчин призывного возраста, а в деревне этот показатель не превышал и 5%.

В Сабакаево только четверо мужчин-трактористов получили бронь от фронта: Зарифуллин А., Мидаров А., Валиуллин Ш., Сингатуллов С. Поэтому колхозницам, которые до этого ухаживали за овцами и ягнятами, пришлось окончить краткосрочные курсы механизаторов при Мелекесской МТС. При уборке урожая на тракторах, комбайнах, на молотилках работали в основном женщины, а так же старики. Подростки с 12 лет работали на зерновом току. З. Валиуллина и Н. Имангуллова работали на гусеничных тракторах ЧТЗ. З. Сайфуллина, М. Туктарова, Н. Гайнетдинова и другие работали на колесных машинах [1, с. 4]. При работе в полях, девушки собирали прошлогодний картофель, недозревшие колосья ржи, из которых делали кашу.

Машины работали ненадежно. Запасные запчасти не поставлялись. Горючее топливо использовали второсортное. Ремонтировать сельскохозяйственные машины, с помощью нескольких мужчин, приходилось тоже женщинам. Завести мощные ЧТЗ было очень трудно даже опытным механизатором, что говорить о силе женщин. Обычно мужчины заводили ЧТЗ с помощью рукоятки утром и женщины не глушили мотор целый день. Не обошлось и без жертв, под колесами трактора погибла молодая девушка 17 лет Имангуллова Минжиан.

В первые месяцы войны армией вермахта были захвачены крупные сельскохозяйственные районы страны, что негативно повлияло на аграрный сектор экономики. В условиях плохого снабжения армии и тыла колхозам было необходимо перестроиться на военный лад. По инициати-

ве председателя колхоза «Алга» Азбуханова Н. и работников был введен военный распорядок. К осени 1941 года в колхозе оборудовали два полевых стана с жилыми домиками, банями и столовыми, так как работники колхоза и их руководители были заняты в полях круглосуточно. Работать начинали с 5 утра до темноты, но молотьба снопов производилась и ночью под освещением фонарями «Летучая мышь» и светом фар тракторов «Универсал» [1, с. 4]. За качественную работу и выполнение норм колхозникам дополнительно выдавали хлеб.

Во время войны число принимавших участие в колхозных работах, то есть трудоспособных мужчин, женщин и подростков 12–16 лет сокращается. В колхозе «Вперед к социализму» их уменьшилось на 23% [2, оп. 1. д. 8. л. 16, 17]. В списках колхозников стали преобладать женские фамилии [2, оп. 1. д. 11. л. 6].

Происходил и спад в животноводстве. Численность скота стала возрастать только в послевоенное время. В 1941 году же количество крупного рогатого скота уменьшилось на 39% [2, оп. 1. д. 10. л. 11, 12, 13]. Рабочих лошадей тоже не хватало. Часть лошадей забрали на фронт. На боронование земли выводились коровы [2, оп. 1. д. 13. л. 21].

В мае 1939 года для поддержания трудовой дисциплины вышло постановление ЦК ВКП(б) и СНК об обязательном минимуме трудодней для колхозников – 100,80, 60 дней в год. В феврале 1942 года они были увеличены в полтора раза и начали распространяться на подростков. Устанавливался минимум для подростков от 12 до 16 лет – не менее 50 трудодней в год. Если же трудодни не были выработаны, то колхозник мог быть исключен из колхоза, лишался приусадебного участка, привлекался к судебной ответственности и наказывался исправительными работами в колхозе. В 1943 году в колхозе «Вперед к социализму» 25 женщин не выработали трудодни. Дело пятерых, не выработавших не по уважительной причине: Пузранковой В.Д., Сорокиной Е.В., Сорокиной Е.П., Кузнецовой, Фильцевой Н.Н. были отданы в суд [2, оп. 1. д. 12. л. 9].

В колхозах «Согласие» и «Вперед к социализму» наблюдалась тенденция постоянного смена руководства, что негативно влияло на их работу.

Нельзя переоценить вклад людей, трудившихся в сельском хозяйстве во время Великой Отечественной войны. Единство фронта и тыла стало залогом успешного ведения боевых действий против немецких захватчиков.

Библиографический список

1. Азбуханов Н. Подвиг женщин //Знамя труда. 8 мая 1978г. № 56. С. 4.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАОУ). Ф. 3376.

**ЖЕНЩИНЫ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО РАЙОНА)**

Тема исследования определяется особой значимостью периода в Великой Отечественной войне истории нашей странынаселения и той роли, которую сыграли женщины тыла фронту в укреплении военной мощи страны и достижении Победы. В годы войны народ и армия слились в борьбе против сильного и опасного врага.

Утром 22 июня 1941 года, как и во все населенные пункты нашей страны, черные репродукторы принесли в Ставрополь-на-Волге страшную весть о том, что началась война в сельском парке им. Воровского состоялся военный митинг [1, с. 73].

Учащаяся школы медсестер Паршина от имени своих подруг, оканчивающих в этом году школу, просила записать их добровольцами на фронт [3, с. 102]. Прошло всего три дня, и школа медицинских сестер проводила на стареньком пароходе местного сообщения «Колхозник» Клаву Исаву, Веру Ванурину, Настю Загуляеву, Веру Колыганову, Машу Совину, Веру Краснову, Веру Согрешихину в составе первой группы добровольцев на фронт [4, с. 49].

Уже 4 июля 1941 года Ставропольский райком партии принял решение об экстренной подготовке трактористов и комбайнеров. Была организована школа механизаторов, в которой обучали по специальностям тракториста, комбайнера и помощника комбайнера.

В 1942 году в Нижнем Санчелееве пятнадцатилетняя девочка Галина Лазарева организовала первую в Куйбышевской области женскую тракторную бригаду [2, с. 51].

Крупных промышленных предприятий здесь не было, а существующие мелкие перестроили свою работу для выполнения военных заказов: артель «Заря», например, обеспечивала фронт валенками, телогрейками, теплым бельем; «Передовик» выпускал для бойцов обувь; пищекомбинат – концентраты; промкомбинат – лыжи и повозки [3, с. 91].

В связи с мобилизацией в области стало недостаточное количество профессий: 132 тракториста, 30 комбайнеров и 92 их помощника. Если до войны эти профессии считались в основном мужскими, то теперь положение менялось. 14 июля 1941 г. ставропольский райком партии принял решение об экстренной подготовке трактористов и комбайнеров [4, с. 27].

Ими теперь стали женщины и девушки. Первой обратилась с призывом к молодежи Ставропольского района Надя Белякова из с. Ягодное.

Комсомолка Кирилина пришла на курсы трактористок при Узюковской МТС, когда ей исполнилось только 16 лет. Несмотря на юный возраст, она хорошо овладела техникой и грамотно ее эксплуатировала.

Отлично работали на тракторах У-2 Анна Дмитриевна Богданова, Зинаида Алексеевна Сомова; на тракторах марки СТЗ трудились Анастасия Михайловна Ярышева, Надежда Петровна Дроботова, Прасковья Васильевна Полякова. «Мы должны сравнивать себя с танкистами и во всем походить на них», — заявляли молодые трактористки этой же МТС — П. Широкова, М. Юртаева, М. Никитина, А. Берляева, А. Куракина, К. Ефимова [1, с. 65].

Можно резюмировать следующее:

1) Война подорвала материально-техническую базу сельского хозяйства, сократился уровень квалификации механизаторов и уменьшались трудовые ресурсы.

2) Одной из первоочередных задач была перестройка экономики на военный лад, где за время войны доля женского труда в сельском хозяйстве, по сравнению с 1940 годом, возросла в 6 раз.

3) Освоение новых профессии: механизатор, агротехник и т.д. Широко была развернута переподготовка сельскохозяйственных кадров: бригадиров, звеньевых, специалистов по агротехнике по выращиванию сахарной свеклы, льна и конопли, где преимущество получали женщины.

Библиографический список

1. Ванчинов Д.П. Военные годы Поволжья (1941-1945). Саратов: изд. Саратовского университета, 1980. 313 с.

2. Захарова Ф.П. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. Куйб. книжное издание, 1966. 432 с.

3. Королев А.И. Великая Отечественная война и советская государственность // Правоведение. 1985. № 2. 354 с.

4. Овсянников В.А. Ставрополь — Тольятти. Страницы истории. Тольятти: Изд-во Фонда «Развитие через образование», 1997. 362.

А.С. Новикова

Самарский государственный институт культуры

СОСТОЯНИЕ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ И ПОДРОСТКАМИ, УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖЬЮ И ВОСПИТАННИКАМИ ДЕТСКИХ ДОМОВ В СОВЕТСКОМ ТЫЛУ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Годы Великой Отечественной войны были, несомненно, одним из тяжелых периодов для всей страны и жителей Куйбышевской области в частности. В это время все усилия в тыловых областях были сконцент-

рированы на снабжении фронта военной техникой, боеприпасами, обмундированием и продовольствием, на создании новых оборонных производств. Однако вопрос о работе с детьми и подростками, учащейся молодежью и воспитанниками детских домов в советском тылу также не мог быть оставлен без внимания.

Еще в дореволюционную эпоху в нашем крае сложились традиции государственной и общественной помощи детям в военное время [1]. В советское время она приняла заметно более широкие масштабы.

Как тяжело приходилось подрастающему поколению Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны, говорят факты. В течение данного периода выросла сеть детских домов. На 1941 г. по области насчитывалось лишь 12 детдомов с контингентом 1224 чел., а к 15 июня 1945 г. уже было 42 детдома с контингентом 4323 чел. Из числа всех прибывших 1907 детей были устроены в порядке патронирования и усыновления. Около 2 миллионов рублей денежных средств было внесено общественностью и населением в формирование детских домов. Особое попечение было проявлено о детях фронтовиков. При исполкомах советов работали комиссии по устройству детей, которые остались без родителей [3, с. 390].

Каждой детской организации оказывалась шефская помощь, но денежных средств все равно было недостаточно. Поэтому местные колхозы стали обеспечивать детские дома материально. Челно-Вершинскому детдому №53, местный колхоз имени Кирова выделил в мае 1942 года 3 лошади, 4 коровы, 3 свиньи и 10 ульев, а также помог засеять зерновыми 17 гектаров пашни и посадить картофель [4, с. 240].

Дети бережно ухаживали за своим большим хозяйством, а осенью смогли обеспечить себя картофелем, хлебом, мясом. Помимо этого, они отправили в фонд Красной Армии 305 пудов картофеля и 122 пуда зерна — за это получили личную благодарность Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Воспитатели проводили внеклассную работу, обеспечивали прядильно-вязальную мастерскую, различные кружки рукоделия. Челно-Вершинский детский дом стал выпускать собственную продукцию, а также готовил подарки для бойцов Красной Армии.

Юные куйбышевцы внесли огромный вклад для разгрома врага. Дети стояли у станков и даже создавали боевые машины, собирали теплые вещи для фронтовиков, ухаживали за ранеными. В это непростое время куйбышевские школьники и пионеры были постоянными посетителями госпиталей. Молодежь с трепетом окружала семьи воинов вниманием и всячески оказывала им всевозможные бытовые услуги по дому и хозяйству [4, с. 243].

Культурная жизнь и просвещение в годы Великой Отечественной войны также не прекращали свое существование. Во всех школах г. Куйбышева в новогодние дни устраивались елки для воспитанников детских

садов и учащихся младших классов. Во время каникул проводились экскурсии в музей Революции и дом-музей В.И. Ленина, лыжные походы, катание на коньках и т.д. Детей пятых-седьмых классов готовили к пионерским сборам. Для учеников старших классов проводились вечера художественной самодеятельности. В театрах и кинотеатрах города школьникам показали ряд спектаклей и кинокартин. Более 15 тысяч ребят побывали в пионерских лагерях.

Специальные мероприятия для детей, организованные местной филармонией в военные годы способствовали, музыкальному воспитанию подрастающего поколения [5, с. 257]. В Куйбышеве продолжала работать музыкальная школа, которую также посещали «дети эвакуированных из Москвы, других городов и сотрудников иностранных посольств» [2, с. 19].

В победе над безжалостным и сильным врагом в годы Великой Отечественной войны колоссальную роль сыграли отечественная наука и система народного образования. Школа осуществляла подготовку грамотных кадров для армии и народного хозяйства, заменяла семью многим детям, и стала центром, мобилизующим молодежь на патриотические дела и помощь фронту.

За период с 1941 г. по 1945 г. учителя и учащиеся области выработали 7 млн трудодней. Весомое значение получили школы ФЗО и ремесленные училища – они были основным источником пополнения квалифицированных промышленных кадров. В это время учебные заведения трудовых резервов подготовили 69 411 молодых рабочих. Несмотря на многочисленные трудности, в Куйбышеве была сохранена и усилена сеть вузов и техникумов [3, с. 392].

Можно сделать вывод, что несмотря на несоизмеримые трудности, которые переживала вместе со всей страной Куйбышевская область в 1941-1945 гг., работа с детьми и подростками, учащейся молодежью и воспитанниками детских домов в советском тылу не оставались без должного внимания. На основании исторических свидетельств можно с гордостью отметить, что в годы Великой Отечественной войны прилагались огромные усилия для их поддержки. Советская страна обеспечивала право своих молодых граждан на достойную жизнь, богатства культуры, знания и счастье, а они, в свою очередь, отвечали благодарностью, сыграв не последнюю роль в победе над врагом.

Библиографический список

1. Артамонова Л.М. Материалы попечительства о семьях нижних чинов, призванных из запаса и ополчения, в фондах Центрального государственного архива Самарской области как источник по истории Самары в 1914-1917 гг. // Память о прошлом – 2017: материалы и доклады VI историко-архивного форума. Самара, 2017. С. 86-92.
2. Артамонова Л.М. Музыка в историко-культурном ландшафте Самары первой половины XX века // Профессиональное музыкальное искусство Рос-

сии: традиции и новаторство. Материалы Всероссийской научной конференции. Самара, 2012. С. 8-27.

3. Самарское Поволжье в XX веке. Документы и материалы: сборник документов и материалов. Самара, 2000. 512 с.

4. Храмов Л.В. Самарский край в судьбах России: для высших и средних общеобразовательных учебных заведений. Самара, 2006. 370 с.

5. Храмова Е.Л. Культура России периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: историографические очерки. Самара, 2001. 317 с.

А.В. Ильин

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ Г. СЫЗРАНИ В СОЗДАНИИ ФОНДОВ ОБОРОНЫ В 1941–1945 ГГ.

Горкомы и райкомы коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны предпринимали различные меры для обеспечения содействия населения в создании фондов обороны. Они создавались на добровольной основе и активно функционировали на протяжении всей войны. При помощи агитации и пропаганды население тыловых районов привлекалось к участию в пополнении фондов обороны денежными средствами и провизией, обеспечении необходимыми средствами Красной армии для эффективного ведения войны.

Секретарей городских и районных комитетов ВКП(б) обязывали пропагандировать на собраниях в колхозах, совхозах, МТС, на предприятиях и в учреждениях необходимость сбора денежных средств. Они должны были оказывать всяческое содействие и поддержку в развитии мероприятий по изготовлению и приобретению колхозниками, рабочими, служащими и домашними хозяйками теплых вещей (полшубков, перчаток, рукавиц, теплого белья и т.д.) для Красной Армии, а также способствовать освещению данного вопроса на страницах городских и районных газет [2, оп. 2. д. 768. л. 29].

Первичные комсомольские организации обязывались партийным руководством принимать активное участие в сборе средств и вести широкую агитационно-пропагандистскую работу. Горкомы и райкомы должны были обеспечить строгий учет и контроль за поступлением средств от комсомольцев и молодежи. На открытых комсомольских собраниях регулярно обсуждались вопросы сбора средств. Шло постоянное информирование вышестоящего партийного руководства о ходе выполнения работы [4, оп. 1. д. 234. л. 24].

Статистические данные военного отдела обкома ВКП(б) о поступлении от трудящихся области средств в фонд обороны на строительство

танков и самолетов в 1941–1945 гг. позволяют оценить масштаб поступлений денежных средств в фонд помощи. Трудящимися г. Куйбышева было собрано 55566 рублей, г. Сызрани 11 780 руб., г. Чапаевска 6 391 руб. Безусловно, размеры пожертвований на военные нужды зависели от численности населения городов, вследствие этого работа в помощи РККА в областном центре велась более масштабно, чем в менее меньших городах [1, с. 351–352]. Тем не менее, в г.Сызрани Фонды обороны получили всестороннюю поддержку населения, о чем свидетельствуют данные периодической печати.

В газете «Сызранский нефтяник» от 12 июля 1942 г. освещалась компания сбора денежных средств для постройки танка «Приволжский осо-авиахимовец» по инициативе граждан Приволжского района. Ими было собрано более 200 тыс. рублей. Для ускорения строительства боевой машины коммунисты парторганизации г. Сызрани управления треста приняли решение внести на постройку танка однодневный заработок [3, с. 2].

В газете «Ударник Сталинец» от 15 октября 1942 г. сообщалось, что коллектив рабочих механического цеха вагоноремонтного завода станции Сызрань принял решение организовать помощь в строительстве эскадрильи самолетов «Куйбышевский комсомолец». С этой целью ими был отчислен полдневный заработок всего коллектива рабочих в фонд помощи [5, с. 2].

Сборы в фонды обороны предусматривали не только жертвования денежных средств, но и организацию различными слоями населения сбора теплой одежды, обуви, продовольствия для помощи солдатам РККА. 9 октября 1941 г. из сообщений райкомов и горкомов ВКП(б) о сборе теплых вещей для Красной Армии говорится, что по всей Куйбышевской области поступило теплых вещей для армии: полушубков 3289, овчин 37415, валенок 14502, шерсти 148039 кг, шапок 22522, курток ватных 7493, перчаток, варежек 44364, рукавиц меховых 4705, носок шерстяных 40112, белья теплого и нательного 20006, портянок шерстяных, теплых летних 34863, шинелей 505 и др. теплые вещи [1, с. 328].

Огромную роль сыграли мобилизационные мероприятия по организации трудовых ресурсов и перестройке производственных предприятий на выпуск военной продукции. Пропагандистская работа местных партийных и комсомольских организаций была направлена на активизацию сбора средств в фонды обороны и осуществление контроля их деятельности. Сызранцы, также как и все население страны, принимали активное участие в создании фондов обороны и их пополнении для борьбы с Германией.

Библиографический список

1. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 // Документы и материалы/ под ред. В.А. Кожевникова. Куйбышев, 1966. С. 422.

2. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1474.
3. Сызранский нефтяник. 1942.12 июля. № 12 (242).
4. Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области. Ф.187.
5. Ударник Сталинец. 1942. 15 октября. № 83 (1083).

А.Р. Садомцева

Московский государственный университет

«ФИНСКИЙ ВОПРОС» В СОВЕТСКО-ШВЕДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (СЕНТЯБРЬ 1944 Г. – 1948 Г.).

В сентябре 1944 г. завершилась советско-финляндская война. Между СССР и Финляндией было подписано Московское перемирие при посредничестве нейтральной Швеции. Данное соглашение было необходимо не только для Москвы и Хельсинки, но и для Стокгольма. На востоке от Швеции прекратилось советско-финляндское противостояние, которое могло поставить под угрозу шведский нейтралитет.

Однако Московское перемирие было все же не идеальным решением для Швеции. К СССР переходила территория Карельского перешейка с Выборгом, область Петсамо, а также создавалась советская военно-морская база в районе Порккала-Удд на 50 лет. Подписанное перемирие означало усиление позиций СССР на Балтике. Исторически русско-шведские отношения складывались достаточно сложно на протяжении многих веков, и события Второй мировой войны подтвердили это. Как отмечалось в аналитической записке политического отдела шведского МИДа, со времен войны у СССР было явное недоверие к Швеции [1, с. 1]. Вследствие этого шведам необходимо было выстраивать более дружественный внешнеполитический курс по отношению к Москве.

Выход Финляндии из войны в 1944 г. и посредническая миссия Стокгольма показали, что Швеция может выполнить свои внешнеполитические задачи посредством решения «финского вопроса». Поэтому в Швеции хотели сохранить возможность влияния на ход советско-финляндских отношений. Однако Москва не считала нужным присутствие Стокгольма в дальнейшем урегулировании отношений между СССР и Финляндией [2, с. 27-31].

Вместе с тем, шведское руководство не хотело оставаться в стороне от отношений Хельсинки и Москвы. После завершения советско-финляндской войны в сентябре 1944 г. Стокгольм выбрал тактику укрепления экономических отношений с Финляндией и СССР. Швеция снабжала Финляндию необходимым продовольствием [3, с. 412]. Финляндия была

важным стратегическим и экономическим партнером Швеции. Поэтому скорейшее восстановление Финляндии после войны видели необходимым в Стокгольме. Немаловажной шведская помощь была для своевременной выплаты финнами репараций Советскому Союзу. Таким образом, шведы вновь показывали свою доброжелательность по отношению к советской стороне. Для завоевания еще большего доверия Москвы осенью 1944 г. шведы предложили кредит СССР, который был подписан в 1946 г. и стал самым крупным в истории советско-шведских отношений [4, с. 221].

На дипломатическом уровне шведское руководство заняло двоякую позицию. С одной стороны, в Стокгольме видели необходимость в про-советской внешнеполитической линии Финляндии [5, с. 1], которая выразилась в доброжелательном отношении Финляндии к СССР. С другой стороны, шведское правительство опасалось перехода Финляндии в советскую сферу влияния. Беспокойство за будущее Финляндии особенно ощущалось перед выборами в финский парламент в марте 1945 г., когда шведы с тревогой отнеслись к возможности прихода к власти в Финляндии просоветского правительства [6, с. 1].

Однако СССР был заинтересован в дружественных отношениях со Швецией. Советская сторона неоднократно повторяла, что для СССР важно развитие Финляндии как независимого и суверенного государства. Кроме того, в условиях складывающейся биполярности Советскому Союзу крайне важно было сохранение Швецией нейтралитета, то есть не-присоединение к какому-либо из формирующихся блоков. В то же время, существующее положение на внешнеполитической арене беспокоило само шведское правительство, для которого не было ясно, сможет ли Швеция сохранить нейтральный курс в возможной будущей войне. Однако шведское руководство все же отмечало, что шведская сторона во что бы то ни стало будет стремиться сохранить свой нейтральный статус [7, с. 42].

Также шведское руководство понимало, что для советской стороны важны гарантии Финляндии, что она не станет плацдармом для нападения на Советский Союз [8, с. 1]. Однако Финляндия уже выбрала свой путь на несколько десятилетий вперед, определив свой внешнеполитический курс как дружественный по отношению к Советскому Союзу, получивший название «линия Паасикиви-Кекконена». Это привело к стабильности на Севере Европы, которая была важна для Швеции в первые послевоенные годы, что было закреплено подписанием советско-финляндского мирного договора 1947 г. и Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1948 г.

Библиографический список

1. Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartements arkiv, 1920 års Doss HP 1 Er Kungl. Utrikes departementet. Politiska avdelningen Avdelningschefen den 5.10.1945.

2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд 06 «Секретариат В.М. Молотова». Описание 6. Дело 27. Папка 3. Том 3. Записи бесед тов. В.Г. Деканозова с иностранными представителями. Прием шведского посланника Седерблума 3.10.1944.

3. Кан А.С. Внешняя политика скандинавских стран в годы Второй мировой войны. М., 1967.

4. Кан А.С. Новейшая история Швеции. М., 1964.

5. Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartements arkiv, 1920 års Doss HP 1 Af Finsk svar pe rysk protest efter 1 maj-incidenterna den 20.05.1946// S. 1.

6. Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartements arkiv, 1920 års Doss HP 1 Af. Överlämnas av Beskickningen i Helsingborg till chefen for fortroligt kännedom den 26.02.1945.

7. Andren N., Möller Y. Fran Uden till Palme: svensk utrikespolitik efter andra världskriget. Stockholm, 1990.

8. Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartements arkiv, 1920 års Doss HP 1 Af. Översättning av 'Kansan Sanomat' 'Sovjetunionen och Skandinavien'. Överlämnas av Beskickningen i Helsingborg till chefen for förtroligt kännedom den 15.06.1945.

А.А. Анфилогова

Самарский национальный исследовательский университет

КОНТРАЦЕПЦИЯ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНЦЕ 1960 – 1970-Х ГГ.

Начиная с 1960-х годов меняется картина мира советского человека. Тема секса перестает быть табуированной для молодого поколения. Происходит переворот в сознании молодежи. Этому всему способствовали внутренние (оттепель, международные встречи молодежи и т.д.) и внешние факторы (движение хиппи, развитие контрацептивной революции, феминистское движение и т.д.).

Актуальной проблемой общества являлся низкий уровень грамотности людей в области предохранения от нежелательной беременности, вследствие которой, СССР стояло на лидирующих позициях в мире по количеству абортотворения. В начале 1990-х годов была открыта советская статистика абортотворения, которая позволила демографам сделать вывод, что по уровню абортотворения в 1950-1980-е годы наша страна занимала первое место в мире [3, с. 47]. Нагляднее ситуацию показывают цифры количества абортотворения на количество родов в странах: В 1970-х гг. во Франции на 100 родов, приходилось 30 абортотворения; в США 43-44 абортотворения на 100 родов; в России на 100 родов – 200 абортотворения [2, с. 10]. Такую же устрашающую статистику показывают нам местные больницы Куйбышевской области. По данным статистики гинекологического отделения г. Сызрани, Чапаевска за 1967-1969 гг., каждый год принимающих больных около 5500 чел., 60-70 %

работы приходится на аборт. При этом сохраняется практика проведения внебольничных абортов (около 1-2 %), которая несет огромный риск здоровью матери [4, л. 83, 21] (Таблица 1).

Таблица 1

Количество абортов в г. Сызрань, Чапаевск в 1967-1969 гг.

	Аборты		
	1967 г.	1968 г.	1969 г.
Всего абортов	4321 чел.	4356 чел.	3781 чел.
медицинских	3570 чел. (82,7%)	3555 чел. (81,5 %)	3373 чел. (86%)
внебольничные	751 (17,3%)	801 (18,5%)	408 (14%)

Такое огромное количество абортивной практики напрямую зависело от существовавшей системы контрацепции в СССР.

По данным выборочных обследований 1980-х годов. Как видно, очень большую роль (в среднем, порядка 2/3 всех применявшихся методов и средств контрацепции) в предупреждении беременности играли малоэффективные методы – прерванное половое сношение, воздержание в опасные дни (календарный метод), спринцевание. Многие авторы указывали, что в тот период примерно 70-80% искусственных абортов скорее были результатом использования малоэффективных, с высокой долей контрацептивных неудач методов планирования [2, с. 229].

Очень большое количество абортов сочеталось в это время с практически полным отсутствием службы планирования семьи, которая занималась бы информированием, обеспечением противозачаточными средствами и медицинской помощью (отчасти эта функция была возложена на консультацию типа «Брак и семья»). Сохранились низкая обеспеченность населения современными средствами контрацепции и отсутствие выбора методов контроля рождаемости. Почти полностью отсутствовало половое воспитание и образование, контрацептивная и сексуальная культура населения оставалась крайне низкой.

Обеспеченность противозачаточными средствами в СССР всегда была намного ниже потребности в них. По расчетам на 1980 год обеспеченность всеми контрацептивами составляла 26%, в том числе презервативами – 18%, ВМС – 54%, гормональными средствами – 19%. Но это очень приблизительные оценки, базирующиеся на тогдашней фактической структуре контрацепции, которая была далека от оптимальной. Да и те противозачаточные средства, что были в наличии, уже тогда можно было охарактеризовать как устаревшие и малоэффективные [2, с. 228].

Нельзя сказать, что в 70–80-х годах ничего не делалось для изменения ситуации. Информация и пропаганда новых средств контрацепции велась врачами на местах (в виде тематических лекций, выпуска памяток, создании плакатов о вреде абортов, о методах контрацепции), но они отмечали низкий уровень применения на практике полученных знаний.

Это приводило к тому, что одним из главных средств регулирования рождаемости являлось искусственное прерывание беременности.

В целом, несмотря на некоторые позитивные перемены в сознании советских граждан, советский период был временем застоя во всем, что касалось развития необходимых подавляющему большинству женщин и супружеских пар современных методов планирования семьи. К концу существования Советского Союза контроль рождаемости в стране характеризовался широкой распространенностью аборта, неразвитостью услуг по планированию семьи, дефицитом средств контрацепции и низким уровнем сексуальной культуры населения.

Библиографический список

1. Вишневский А.Г., Денисов Б.П., Сакевич В.И. Контрацептивная революция в России // Демографическое обозрение. Т. 4. №1. М., 2017.
2. Демографическая модернизация России: 1900-2000 /Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006.
3. Клинова М.А. Некоторые аспекты контрацептивной культуры советского общества 1950-1980-х годов: опыт осмысления в отечественной литературе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-kontratseptivnoy-kultury-sovetskogo-obschestva-1950-1980-h-godov-opyt-osmysleniya-v-otchestvennoy-literature/viewer>
4. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р.-4054. Оп. 4. Д. 3106.

Г.О. Ковзик

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

«ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ СИНДРОМ» В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КПСС: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Общесоюзные теоретико-политические журналы ЦК КПСС, такие как «Агитатор», «Коммунист» и «Партийная жизнь», отвечали за воспроизводство идеологического дискурса. Помимо постоянных практик построения образа коммунистического будущего и реконструкции в рамках исторической политики прошлой социальной действительности, эти идеологические аппараты воспроизводили образы социальной реальности, содействующие легитимации политической власти КПСС.

В годы перестройки (1985-1991) идеологическая система КПСС претерпела множественную трансформацию. На примере такого исторического сюжета, как авария на Чернобыльской АЭС, произошедшая 26 апреля 1986 г. в Украинской ССР, возможно изучить как механизм конст-

руирования идеологии, ее репрезентации в социальные массы, так и обнаружить тенденции к переформатированию идеологического продукта.

Техногенная авария охватила территориальное пространство не только СССР, но и всего земного шара, что привело к резкому усилению внимания общественности к проблемам экологии, ядерного разоружения и безопасности атомной отрасли. Однако даже развернувшаяся политика гласности еще не обеспечила эмансипацию культуры публичности, вследствие чего на первоначальном этапе аварии сам сюжет подвергся процессу тотальной идеологизации.

В апрельско-майских номерах партийных журналах отсутствуют публикации по чернобыльской тематике, что обусловлено их жанровой направленностью: общественно-политическая периодика, в отличие от газет, тяготеет к аналитике, авторитетности источников и сдержанно-эмоциональному нарративу. Известия об аварии, в отличие от общесоюзных партийных газет, добрались до страниц журналов только в июне 1986 г. Первые публикации, например, академика Е. Велихова, были посвящены Чернобыльской аварии в контексте проблемы международной ядерной безопасности и ядерного разоружения [3, с. 87-97]. В статье Н. Симочатова, вышедшей в ноябре 1986 г., об аварии говорится как об уже пройденном этапе: «Необходимо при этом сделать должные уроки из аварии на Чернобыльской АЭС, везде строжайшим образом соблюдать правила эксплуатации, не допускать безответственности и недисциплинированности» [7, с. 18].

Дискурс, таким образом, действовал в направлении ассоциирования аварии с международным (не национально-государственным, конкретно советским) уровнем, а после окончания максимально активных работ и возведения объекта «Укрытие» — вбрасыванием сюжета в историческое, т.е. прошлое измерение, не относящееся к социальной действительности. В некоторых случаях такие дискурсивные практики доходили до абсурда. Поднимая тему Чернобыльской аварии, Б.Н. Пономарев описывает ее как «событие... с неожиданной стороны», обозначившее «глубокое подтверждение правильности политики Советского Союза, выступающего против атомных вооружений» [6, с. 109]. Случившееся описывается не как катастрофа для СССР и ее граждан, но как оказия, которая «привлекла внимание всех людей к колоссальной силе атома и вместе с тем к опасности, которую он может принести людям, если выйдет из-под контроля или будет применен в ядерном оружии» [6, с. 109].

С расширением политики гласности, Чернобыль выпадает в проблемное поле науки. Такие ученые, как В. Легасов, публикуют в партийных журналах свои статьи с вопросами о будущем атомной энергетики [4, с. 92-101]. На страницах партийной периодики зазвучали цифры финансовых последствий произошедшего, что можно обозначить как осознания «неосознанной» до этого катастрофичности события [5, с. 31]. Одно-

временно с этим, идеологические аппараты компартии продолжают репрезентировать сюжет как прошлое. Так, в публикации В. Варенникова о роли Вооруженных Сил СССР, упомянута роль армии: «Весомым был вклад воинов в ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС» [6, с. 14].

По мере углубления системного кризиса в стране, идеологическая система стала утрачивать свои тотальные черты. Тотальность в искажении социальной действительности разрушается, давая зарождающейся советской культуре публичности «заговорить» о чернобыльской проблеме вновь. В публикации Ю. Корякина, хотя Чернобыль как событие продолжается обсуждается в прошлом измерении (автор называет ситуацию в энергетике как постчернобыльскую), буквально прорываются исторические факты и реалии [7, с. 82-92]. Авария все более воспринимается как своя собственная, с катастрофическими последствиями для советского населения и государства: социально-психологическими проблемами, связанными с резким ухудшением отношения общественности к ядерной энергетике, но и требования анализа, помимо раннее обсуждаемых проблем научно-технического и инженерного, но и гуманитарного обеспечения развития данной отрасли [8, с. 77].

Будучи полностью подчиненные господству правящей элиты, идеологические аппараты деформировали образ социальной действительности. Они давали, следуя логике, предложенной Л. Альтюссером в отношении идеологических аппаратов государства, соответствующие формальные дискурсивные практики для социальных масс [9]. Происходила «позитивизация» события в искаженном образе социальной действительности, даже если оно было катастрофичным в фундаментальной реальности. Демократизация политической жизни в стране, внутреннее диалектическое противоречие в КПСС, окончившееся распадом общесоюзной политической элиты, привели к деконструкции и дестабилизации идеологической системы компартии. Чернобыльская авария сквозь призму осмысления учеными и представителями активной общественности вновь вышла в свет, но уже как осознаваемая катастрофа.

Библиографический список

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас, 2011. Т. 77. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 13.11.2019).
2. Варенников В. На страже мира и безопасности народов // Партийная жизнь. 1987. №5.
3. Велихов Е. Проблема планетарного значения // Коммунист. 1986. № 8.
4. Корякин Ю. Чернобыльский синдром в ядерной энергетике. Как быть? // Коммунист. 1990. № 2.

5. Легасов В. Проблемы безопасного развития техносферы // Коммунист. 1987. №8.
6. Пономарев Б.Н. Уроки Великой Отечественной войны и борьба за мир // Коммунист. 1986. №11.
7. Симочатов Н. Энергетику – на новые рубежи // Агитатор. 1986. №22.
8. Финансовое положение страны // Агитатор. 1989. №10.
9. Шейндлин А. Энергетика. Пути выхода из кризиса // Коммунист. 1991. №10.

М.А. Кокорев

Московский государственный университет

ОБЩЕСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОИНОВ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОЛЬЯТТИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО СОЮЗА ВЕТЕРАНОВ АФГАНИСТАНА

Участие Советского Союза в военном конфликте в Афганистане (25 декабря 1979 г. – 15 февраля 1989 г.) является одним из ключевых событий последней четверти XX века. В составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане прошли военную службу более 620 тыс. военнослужащих, тысячи советских воинов показали в Афганистане образцы мужества и отваги, были награждены орденами и медалями Советского Союза.

С честью выполнив воинский и интернациональный долг на земле Афганистана, воины-интернационалисты возвращались на Родину. Но смена общественно-политической ситуации в России на рубеже 1980-1990-х гг. повлияла на изменение оценки Афганского конфликта, и все чаще стала звучать фраза: «Мы вас туда не посылали». Поток грязи, клеветы и лжи обрушился на ветеранов Афганской войны.

Но герои Афганской войны противопоставили общественному безразличию и даже осуждению активную общественно-патриотическую работу. Необходимость организации действий стала ключевым мотиватором объединения воинов-интернационалистов. В 1986-1989 гг. в г. Тольятти одним из пер вых в Советском Союзе путем слияния районных клубов воинов-интернационалистов «Призыв» и «Долг» было образовано Тольяттинское городское отделение Союза ветеранов Афганистана.

Первоочередными воинов-интернационалистов, согласно уставу организации, являлись: помощь инвалидам, семьям погибших, патриотическая работа с молодежью и увековечивание памяти воинов-интернационалистов, отдавших свою жизнь при выполнении воинского долга [10].

Помощь инвалидам, семьям погибших включала в себя различные вопросы: от материальной помощи вплоть до устройства детей в школы,

детские сады. Немаловажной была помощь с организацией лечения, предоставлением путевок в санатории, протезированием. Как вспоминают воины-интернационалисты, зачастую только через обращение от организации добивались положенных льгот и помощи [5]. Зарабатывали средства самостоятельно: охранной деятельностью, созданием автомастерских.

В период 1987-1992 гг. в г. Тольятти было открыто 25 подростковых школ – военно-патриотических клубов, в 1988-1990 гг. действовал военно-спортивный лагерь для физического и патриотического воспитания молодого поколения «Гвардеец» в п. Луначарский [2].

Увекочивание памяти воинов-интернационалистов, отдавших свою жизнь при выполнении воинского долга, всегда было одной из важнейших задач объединения «афганцев». С 22 февраля 1987 г. регулярно проводились и проводятся Дни памяти погибших воинов-интернационалистов. В г. Тольятти были открыты: аллея воинов-интернационалистов в парке Победы (22 февраля 1987 г.) [9], памятный знак – стела воинам-интернационалистам в 21-м секторе Баныкинского кладбища (24 октября 1987 г.) [4], стена памяти на Молодежном бульваре рядом с мэрией г. Тольятти (15 февраля 1990 г.) [3], памятник воинам-интернационалистам в парке Победы (20 февраля 1994 г.) [7] и мемориальный комплекс воинам-интернационалистам напротив военного училища (ТВВСКУ) в Автозаводском районе (8 мая 1995 г.) [6], к настоящему времени перенесенный на ул. Революционную, недалеко от стен Спасо-Преображенского собора, где был торжественно открыт памятник «Военнослужащим, погибшим при исполнении воинского долга» (9 декабря 2005 г.).

5 декабря 1998 г. впервые в России в г. Тольятти был проведен благотворительный телемарафон «Я еще жив», приуроченный к десятилетию вывода советских войск из Афганистана и двухлетию окончания военного конфликта в Чечне [8].

15 февраля 1989 г., последние советские войска покинули территорию Демократической Республики Афганистан, в которой 9 лет и 2 месяца выполняли интернациональный долг. Из Афганистана в Тольятти вернулось более 2,5 тыс. воинов-интернационалистов и из них 45 – инвалидов. 37 тольяттинцев погибли в Афганистане [1]. Наш долг – сохранить память о подвиге воинов-интернационалистов, выполнивших поставленную Родиной задачу, помнить отдавших свою жизнь при выполнении воинского и интернационального долга.

Пока мы их помним, они среди нас.

Библиографический список

1. Выполняя воинский долг...: Книга памяти военнослужащих города Тольятти, погибших при исполнении воинского долга. Тольятти.: П/п «Современник», 1999.
2. Гвардейцами становятся //За коммунизм. 1987. 27 июня. С. 2. № 124 (10114).
3. День памяти //За коммунизм. 1990. 23 февраля. С. 2. № 37 (10777).

4. Игорев В. Чтобы память жила вечно // За коммунизм. 1987. 27 октября. С. 4. № 205. (10195).
5. Интервью с представителями Тольяттинского отделения Российского Союза ветеранов Афганистана (заместители председателя Тольяттинского отделения Кокорев А.В., Макаров В.П.) от 21 ноября 2018 г.
6. Михайлов Ю. Память // Волжский автостроитель. 1995. 11 мая. С. 2. № 83 (4121).
7. Посеева О. Афганский вальс «Фонарщик твой спит, моя радость...» // Площадь свободы. 1994. 23 февраля. С. 2. № 36 (796).
8. Святой долг памяти // Городские ведомости. 1998. 18 ноября. С. 1. №24.
9. Стуканова Д. День памяти 22 февраля 1987 г. // Волжский Автостроитель. 1987. 26 февраля. С. 4. № 24 (2476).
10. Устав Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана». URL: <http://rsva.ru/doc-menu/ustav-rsva>. (Дата обращ. 08.11.2020).

А.А. Кузнецова

Самарский национальный исследовательский университет

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В ВУЗАХ КУЙБЫШЕВА В 80-Е ГГ. XX В.

Актуальность работы состоит в том, что в 80-е гг. прошлого века советская повседневность по-прежнему была пронизана идеологической работой со стороны власти. Официальная идеология имела в своем распоряжении такие инструменты, как СМИ, средства пропаганды и агитации, гуманитарные науки. Для поддержания жизнедеятельности системы привлекались обществоведы и политологи [1, с. 374].

Историография по теме коммунистического воспитания молодежи представлена, к примеру, работами Рябова В.В. [2]. Источниками для нашего исследования послужили документы КПСС, хранящиеся в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории. Архивные документы фонда №714 позволили изучить контрпропагандистскую работу в высших учебных заведениях Куйбышева.

В сфере высшего образования важное место отводилось формированию марксистско-ленинского мировоззрения. Наибольший интерес представляет участие вузовской молодежи в организациях и мероприятиях идейно-политической направленности.

Так, в КуАИ в 1984 г. был создан политический клуб. Уже летом группа из политического клуба вошла в состав агитбригады ОК ВЛКСМ [2, л. 8]. Большая заслуга в патриотическом воспитании принадлежала военной кафедре [2, л. 10].

В Куйбышевском плановом институте много внимания также уделялось патриотическому воспитанию студентов: беседы на военно-патрио-

тические и нравственно-политическую тематику, встречи в общежитиях. Студенты привлекались к просмотру документальных фильмов, среди которых были «Партия – авангард советского народа», «От Парижской коммуны к Октябрю», «Мир социализма. В целях усиления внимания к вопросам контрпропаганды был организован студенческий научный кружок «Актуальные проблемы идеологической борьбы на современном этапе» [3, оп. 84. д. 39. л. 5].

В мединституте организовывались общественно-политические чтения, вечера вопросов и ответов, встречи за круглым столом, тематические вечера, беседы. Проводилась большая работа по контрпропагандистской направленности нравственного и эстетического воспитания. Там функционировал единственный в городе клуб нравственно-эстетического воспитания (КНЭВ) [2, л. 59].

Уделялось внимание интернациональному воспитанию. У Клуба интернациональной дружбы (далее – КИД) института сложились активные связи со студентами медицинских вузов Болгарии и ряда союзных республик. Были проведены вечера, посвященные Георгию Димитрову [2, л. 61]. Участники КИДа, действовавшего при комитете комсомола под названием «Земля людей» Куйбышевского педагогического института вели переписку с бывшими узниками Бухенвальда [3, оп. 86. д. 31. л. 44].

В рассматриваемый период была актуальна борьба с проникновением в студенческую среду «элементов буржуазной культуры и пропаганда постижения советской культуры». Комитеты ВЛКСМ вузов сотрудничали с творческой молодежью театров. Заключались творческие содружества с городскими театрами, филармонией, в соответствии с чем проводились просмотры спектаклей, встречи с актерами, вечера отдыха. Студенты встречались с коллективом артистов драматического театра им. Горького и театра оперы и балета [2, л. 60].

В политехническом институте в целях приобщения студентов к интернациональной солидарности и воспитания политических и гражданских чувств комитет ВЛКСМ ежегодно проводил дни солидарности (далее – ДИС). В рамках ДИС студенты ежегодно принимали участие в фестивалях политической песни, конкурсе политического плаката, Ленинских уроках с участием ветеранов Великой Отечественной войны [3, оп. 84. д. 13. л. 85]. Там же действовал дискуссионный клуб молодежи по вопросам критики буржуазной культуры. В общежитии под руководством молодых преподавателей-обществоведов действовали клубы «Собеседник» и «Фактотум» [2, л. 72]. Аналогичный клуб существовал в госуниверситете [3, оп. 86. д. 31. л. 39].

В год 40-летия Победы в Великой Отечественной войне была проведена большая военно-патриотическая работа среди студенческой молодежи [3, оп. 84. д. 40. л. 23]. В 1986–1988-е гг. студенты пединститута приняли участие в круглых столах по проблемам перестройки, совместных вы-

ступлениях с сотрудниками КГБ по проблемам идеологической работы [3, оп. 84. д. 40. л. 49].

Анализ выбранных документов позволяет сделать вывод о том, что в студенческой повседневности 80-х гг. XX века значимое место отводилось становлению личности, выработке идейных и гражданских позиций, эстетическому воспитанию. Рассмотренные материалы свидетельствуют об укреплении дружеских контактов со студентами других вузов СССР и зарубежных стран, входивших в состав социалистического лагеря.

Библиографический список

1. Никонова С.И. Кризис идеологии и советское общество в 1970-80-е гг. // Вестник ТГУ. 2008. № 7. С. 374-382.
2. Рябов В.В. Коммунистическое воспитание молодежи в условиях развитого социализма. Саратов, 1979; Теория и практика коммунистического воспитания. М., 1980.
3. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 714.

Д.В. Богданов

Самарский национальный исследовательский университет

СТРУКТУРА И ДОХОДЫ РЕКТОРАТА КУЙБЫШЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1980–1989 ГОДЫ

Структура ректората Куйбышевского университета в данный период времени в целом оставалась стабильной, но в то же время изменилась среди второстепенных должностей. Если к началу 1980 года ректорат включал в себя ректора, четырех проректоров (по учебной работе, по научной работе, по капитальному строительству и по административно-хозяйственной работе) и двух секретарей-машинисток [1, оп. 2. д. 122. л. 1-2], то до 1 мая того же года в структуре появились две должности. 13 марта была введена должность начальника штаба гражданской обороны [1, оп. 2. д. 122. л. 49], и с 1 апреля вводилась должность помощника ректора [1, оп. 2. д. 122. л. 54].

Изменения в структуре продолжились и в 1981 году. Введена должность ученого секретаря [1, оп. 2. д. 308. л. 2], с 25 апреля увеличилось число проректоров в университете до пяти с внедрением должности проректора по вечернему и заочному обучению [1, оп. 2. д. 308. л. 38] с разрешения на это Минвуза РСФСР [1, оп. 2. д. 308. л. 39]. Таким образом, штат ректората КуГУ за год увеличился с 7 до 11 человек.

Однако изменения в структуре ректората были и в виде сокращения штата. В 1988 году выведены из штатного расписания должности секре-

тарей-машинисток, получавших самые низкие оклады – 80-85 рублей [1, оп. 5. д. 474. л. 22-23]. После этого в 1988-1989 гг. в ректорате оставалось 9 должностей [1, оп. 5. д. 474. л. 22-23; 1, оп. 5. д. 624. л. 1].

Говоря об окладах администрации университета, следует обратиться к *таблице 1*.

Таблица 1

Оклады в ректорате КуГУ в 1980-1989 гг.

Должности	Годы					
	1980	1981	1986	1987	1988	1989
Ректор	600	600	600	600	600	600
Проректор по учебной работе	550	550	450	450	450	450
Проректор по научной работе	450	450	450	450	450	450
Проректор по заочному и вечернему обучению	-	300 (с 25.04. 1981)	300	300	300	300
Проректор по кап. строительству, начальник отдела кап. строительства	220	220	220	220	220	220
Проректор по АХР	220	220	220	220	220	220
Начальник штаба гражданской обороны	140 (с 13.03. 1980)	140	140	140	140	140
Помощник ректора	140 (с 1.04. 1980)	140	130	130	130	130
Секретарь-машинистка	85	85	85	85	-	-
Секретарь-машинистка	80	80	80	80	-	-
Ученый секретарь	-	180	180	180	180	180

Составлено по: Центральный государственный архив Самарской области (ЦГА-СО). Ф. 1255. Оп. 2. Д. 122. Л. 1-2; Д. 308. Л. 1-2; Оп. 5. Д. 142. Л. 18-19; Д. 306. Л. 28-29; Д. 474. Л. 22-23; Д. 624. Л. 1.

В 1980-1989 гг. в целом зарплаты были стабильны по размеру. Но следует отметить и то, что оклады по некоторым должностям изменялись. Если в 1980-1981 гг. проректор по учебной работе и помощник ректора получали 550 и 140 рублей соответственно [1, оп. 2. д. 122. л. 1-2; 1, оп. 2. д. 308.л. 1-2], то в 1986-1989 гг. уже зарплаты ниже – 450 и 130 рублей соответственно [1, оп. 5. д. 142. л. 18-19; 1, оп. 5. д. 306. л. 28-29; 1, оп. 5. д. 474. л. 22-23; 1, оп. 5. д. 624. л. 1].

В заключение нужно сказать, что структура ректората Куйбышевского государственного университета изменилась в 1980-1989 гг. несущественно за счет роста числа проректоров и изменений в части менее оплачиваемых должностей. Заработные платы оставались стабильно высокими по сравнению с заработками рядовых граждан, но при этом существенного разрыва в доходах не наблюдалось. Поэтому оклады не отличались на порядок, что объясняется тяготением советской системы к уравниванию доходов.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 1255.

Е.В. ШПАКОВА – РУКОВОДИТЕЛЬ ШОКОЛАДНОЙ ФАБРИКИ «РОССИЯ»: ЭТАПЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В изучении истории страны в целом и истории нашего края важную роль играют биографические исследования, раскрывающие вклад многих талантливых и ярких личностей в развитие региона. Елена Васильевна Шпакова – легенда города Самары. Выдающаяся женщина, сумевшая своим трудом и своей активной жизненной позицией сплотить команду единомышленников, и вместе с ней добиться высоких результатов и вывести свое предприятие – Куйбышевскую шоколадную фабрику «Россия» в ведущие предприятия страны.

Документы о жизни и деятельности Е.В. Шпаковой отложились в ее личном фонде, хранящемся в Центральном государственном архиве Самарской области. Целью данной работы является формирование системы научных знаний о производственной и общественной деятельности Е.В. Шпаковой. Источниковая база статьи включает в себя документы личного фонда Е.В. Шпаковой, автобиографические произведения, материалы периодической печати.

Елена Васильевна Шпакова родилась 18 марта 1925 г. в деревне Федюкино Смоленской области. В 1935 г. вслед за главой семьи Шпаковы переезжают в г. Дмитров. После успешного окончания школы Е.В. Шпакова поступает в Московский технологический институт пищевой промышленности. После окончания в 1948 г. она была распределена в г. Куйбышев на кондитерскую фабрику. Первое впечатление от фабрики было крайне неприятным [5]. Елена Васильевна пыталась исправить ситуацию на производстве, но работники приняли инициативную девушку «в штыки» [2].

Е.В. Шпакову избирают секретарем комсомольской организации, затем и освобожденным секретарем Фрунзенского райкома ВЛКСМ [4, оп. 1. д. 18]. С марта 1953 г. она заведует отделом Куйбышевского областного комитета ВЛКСМ по работе среди школьной молодежи и пионеров. Эта общественная деятельность помогла Е.В. Шпаковой приобрести опыт работы с людьми, который в дальнейшем пригодился ей на посту руководителя.

Спустя 7 лет Елена Васильевна вернулась на фабрику, только уже в качестве директора. За время ее отсутствия ситуация на производстве только ухудшилась: не было сырья, срывалось выполнение плана, в отчетности практиковались приписки, а само здание рушилось на глазах. За короткое время предприятие под руководством Е.В. Шпаковой было модернизировано и приобрело свое фирменное лицо. Были переобору-

дованы старые цеха, появились современные производственные линии, начался выпуск новых сортов конфет [6]. Фабрику в качестве передовой стали показывать официальным делегациям, приезжающим в регион, а ее директор Елена Васильевна Шпакова получила за свою работу Орден Ленина.

В середине 1960-х гг., во многом благодаря настойчивости Е.В. Шпаковой и отличным показателям кондитерской фабрики, было принято решение строить в г. Куйбышеве современную шоколадную фабрику. В 1967 г. Елену Васильевну Шпакову назначают директором и строительства, и будущего предприятия, а 20 апреля 1970 г. фабрика «Россия» торжественно отпраздновала о выработке первых 50 тонн шоколада с миндалем «Миньон». В рецептуре были использованы традиции производства элитных марок дореволюционного российского шоколада [1].

Вскоре после запуска фабрики во время итальянской командировки Елене Васильевне вручили золотую медаль фирмы-поставщика. Ее имя было внесено в книгу Трудовой Славы Министерства пищевой промышленности СССР [3]. В конце 1970-х гг. по объемам производства шоколадная фабрика «Россия» стала одним из крупнейших подобных предприятий Европы.

Большое внимание Елена Васильевна Шпакова уделяла своему коллективу и комфорту рабочего процесса: добилась постройки большого корпуса, где разместились просторные раздевалки для персонала, столовая, дегустационный и конференц-залы, строились профилакторий, база отдыха, детские сады, жилые дома [7].

Свою производственную деятельность Елена Васильевна успешно совмещала с активной общественной работой [7]. В течение ряда лет она избиралась депутатом Куйбышевского областного Совета народных депутатов [4, оп. 1. д. 27], являлась членом партбюро фабрики, членом Кировского райкома и Куйбышевского обкома КПСС [4, оп. 1. д. 26], ректором народного университета, избиралась делегатом XXV съезда КПСС, XV съезда ВЦСПС [4, оп. 1. д. 22], четыре года возглавляла женсовет города Куйбышева. Елена Васильевна оставила пост директора фабрики в 1991 году в возрасте 67 лет.

Таким образом, проведенный анализ источников позволяет выделить основные этапы производственной и общественной деятельности Е.В. Шпаковой, определить ее вклад в экономическое развитие не только Самарского региона, но и страны в целом. Елена Васильевна руководила Куйбышевской шоколадной фабрикой в течение 34 лет. Ни разу коллективы, возглавляемые ею, не срывали выполнение государственных планов даже по какому-либо отдельному показателю, работали с полной нагрузкой мощностей, каждый год, давая прирост по выпуску продукции. Фабрика на долгие годы стала брендом нашей области, постоянно получала награды высокого уровня. Огромная заслуга в этом, несомненно, принадлежит Елене Васильевне Шпаковой.

Библиографический список

1. Елена Шпакова. Жизнь как горький шоколад// Самарские судьбы. 2015. 6 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://samsud.ru/journal/heroes/elena-shpakova/page-1.html> (дата обращения: 21.03.2020).
2. Почетный гражданин Самары Елена Шпакова: «Комсомол воспитал меня» // SGPRESS – «Самарская газета». 2017. 7 декабря [Электронный ресурс]. URL: https://sgpress.ru/news/8806_5 (дата обращения: 18.03.2020).
3. Хозяйка «Родных просторов»// Волжская коммуна. 2019. 20 марта [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/'/Downloads/Волжская%20коммуна_20%2003%202019.pdf (дата обращения: 21.03.2020).
4. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-5222.
5. Шоколадная королева. Герой Социалистического Труда Елена Васильевна Шпакова// Самарские судьбы. 2014. 30 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://samsud.ru/journal/memoirs/elena-shpakova/page-1.html> (дата обращения: 21.03.2020).
6. Шпакова Е.В. «Россия» — любовь моя». Самара: ООО «Медиа-Книга», 2014.
7. Шпакова Елена Васильевна. // Историческая Самара. [Электронный ресурс]. URL: <http://историческая-самара.рф/каталог/самарская-персоналия/ш/шпакова-елена-васильевна.html> (дата обращения: 21.03.2020).

Н.В. Разумов

Самарский национальный исследовательский университет

МЕРЫ ПО БОРЬБЕ С ДЕФИЦИТОМ ТОВАРОВ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

Период перестройки в СССР отличался существенными преобразованиями во всех сферах общества, что влекло за собой множество новых явлений и усугубляло старые, такие как дефицит товаров народного потребления в государственной торговле. Положение дел в торговле можно назвать своеобразным индикатором состояния экономики государства и благополучия его граждан.

В Куйбышевской области процесс перехода к рыночным отношениям шел довольно активно, одной из главных проблем местной власти была организация продовольственного снабжения населения и укрепление межрегиональных связей.

Какие меры предпринимало торговое управление для ликвидации разрыва между спросом и предложением? Прежде всего, это расширение связей с кооперативами, улучшение рекламы товаров для дополнительного стимулирования работников розницы к тому, чтобы они были заин-

тересованы в результатах изучения спроса. Предлагалось расширение сверхпланового производства [1, оп. 7. д. 1231. с. 42].

На кризис потребительской системы серьезно влияли проблемы агропромышленного комплекса СССР, которые усугубились во второй половине 1980-х. Примечательно, что на фоне данного кризиса в Куйбышевской области начали происходить дезорганизации на уровне исполнительной власти. Так горсоветы Сызрани и Тольятти высказывали намерения выйти из состава Куйбышевской области, поскольку производимая в этих районах продукция уходила в областной центр и распределялась неравномерно среди остальных городов области. Одной из существенных проблем Куйбышевской области была проблема заготовок картофеля. Например, в конце изучаемого периода область могла обеспечить себя данной сельскохозяйственной культурой лишь на треть от плана. Отсюда и существенные перебои в торговле. Местная власть нашла интересный выход по преодолению данного кризиса, область начала закупки картофеля в соседних регионах в обмен на продукцию Волжского автомобильного завода. Однако существенно изменить положение не удалось, цены на картофель в Куйбышеве только за 1991 год выросли более чем наполовину. Вместе с тем сокращались поставки мяса и молока [2, с. 11].

К концу изучаемого периода кризисная ситуация в агропромышленном комплексе области усугубилась проблемами в сфере хранения и транспортировки товара. Местные советы обращались за помощью к школьникам и студентам. Но и этим меры не оказали существенного эффекта, поэтому вскоре Самарская область стала одним из дотационных регионов по выплатам на молоко и мясопродукты [3, с. 85].

Отдельной проблемой, вызванной дефицитом товаров народного потребления можно назвать злоупотребления и обман потребителей в сфере торговли. Для пресечения подобных ситуаций в СССР действовала Государственная торговая инспекция, а так же Комитет народного контроля. Эти органы выявляли случаи нарушения в сфере торговли и привлекали виновных к административной и уголовной ответственности. Во многих магазинах города в условиях перехода на нормированную систему распределения товаров был выявлен рост нарушений, прежде всего это связано с завышением цен, несоблюдения порядка продажи, несоблюдение ассортимента товаров, которые должны были продаваться по талонам. Продукты могли отсутствовать на витрине, но храниться на складах (т.н. несвоевременная выкладка). Потом эти товары реализовывались без талонов с черного входа в магазин. В таких ситуациях так же имелись нарушения в документообороте торгового предприятия. Стоит отметить, что кооперативные магазины не подвергались проверкам, поэтому они часто пользовались этим и скупали дефицитные товары, продавая их потом у себя по завышенным ценам. Так же спецификой работы торговых инспекций в эпоху перестройки можно назвать их малую эффективность,

поскольку вместо контроля они осуществляли лишь информирование властей о беспорядках в торговом секторе [4, с. 90].

Таким образом, можно сделать вывод, что работа местных властей по преодолению дефицита на товары народного потребления была малопродуктивной, поскольку колоссальную нехватку товаров невозможно было восполнить действиями лишь региональных властей. Меры, предпринятые правительством страны, не приносили существенных результатов, поскольку не были проработаны, или условия их внедрения не снабжались подготовленной нормативно-правовой базой. Отдельной проблемой можно назвать, что многие предпринятые шаги давали зачастую обратный эффект, как например внедрение кооперативов, которые не могли насытить рынок товаром, и начали спекулировать на ценах, перекупая продукцию из государственной торговли. Страдали в итоге простые граждане, которые с течением перестройки все более и более лишались возможности покупать не только простые категории товаров, но и товары первой необходимости.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО) Ф.Р-3954.
2. Кокорев О. Будем закупать картошку за «Жигули» // Самарская газета. 1991. №98.
3. Якупов Р.А. Агропромышленный комплекс и кризис потребительской системы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (по материалам Среднего Поволжья) // Вестник СамГУ. 2010. №77.
4. Крылов А.А. Спекулятивная горячка: истоки и лабиринты // Теневая экономика. М., 1991.

Б.В. Литичевский, А.В. Жукова

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В СССР В 1988–1991 ГГ.

Проблема создания многопартийности в России обозначилась в период правления М. С. Горбачева. С ноября 1917 г. большевики взяли курс на запрет политических партий, уже 28 ноября 1917 г. были арестованы лидеры партии кадетов, что привело к исчезновению этой партии, после июльского мятежа 1918 г. партия левых эсеров фактически была разогнана. В 1922 г. был осуществлен судебный процесс над эсерами. Союз 17 октября прекратил свое существование в годы войны. Таким образом к середине 20-ых годов XX века большевикам удалось установить в России однопартийный режим.

Пришедший к власти в 1985 г. Генеральный Секретарь ЦК КПСС Горбачев первоначально повел политический курс по пути устранения деформации социализма, однако меры, предпринятые новым руководством в виде ускорения, не привели к должным результатам [6, с. 18]. После этого новый лидер предпринял ряд мер, направленных на демократизацию политической системы, данный процесс начался с январского Пленума ЦК КПСС 1987 г., на котором было обозначено, что в СССР сложился механизм торможения, основой которого являются система управления страной, а также политические и теоретические установки. Выход из сложившейся ситуации видели в виде смены кадров, проведения выборов на альтернативной основе.

Следующим шагом на пути политических реформ стала XIX Всесоюзная конференция КПСС 1988 г., на которой были приняты пять резолюций, в том числе резолюция «О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны», которая предусматривала отделение КПСС от государства и создание нового высшего органа власти – Съезда народных депутатов [4, с. 106]. Съезды народных депутатов были созданы в СССР и РСФСР. 1 декабря 1988 г. состоялись выборы народных депутатов СССР, 4 марта 1990 г. народных депутатов РСФСР. Если в первом случае в выборах участвовали коммунисты и беспартийные, то во втором уже было и протопартийное образование, а именно блок Демократическая Россия [2, с. 35].

Однако в СССР сохранялась монополия КПСС на власть. Но вопрос об ее отмене стоял еще со времен I Съезда народных депутатов СССР, где его поставил лидер Межрегиональной депутатской группы А.Д. Сахаров. 4 февраля 1990 г. в Москве состоялся митинг, в нем участвовало 200 000 человек, на нем собравшиеся потребовали отмены 6 статьи Конституции СССР, закреплявшей монополию коммунистической партии на власть. 5 – 7 февраля 1990 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором с предложением разрешить создание партий выступил М. С. Горбачев [1]. Коммунисты поддержали своего лидера и отказались от однопартийного режима [5]. Однако было необходимо оформить решение КПСС через Съезд народных депутатов СССР.

12 марта 1990 г. начал свою работу III Съезд народных депутатов СССР, который отменил 6 статью Конституции СССР. 9 октября 1990 г. был принят Закон СССР о «Общественных объединениях», в котором провозглашалась многопартийность [3].

19 – 20 мая 1990 г. состоялся учредительный съезд, на котором была создана Партия конституционных демократов (ПКД). Сопредседателями партии были избраны В.Б. Золотарев, И. М. Суриков и М. О. Глобачев [7, с. 79–80]. 13 декабря 1990 г. состоялся I съезд Либерально-демократической СССР, ее лидером был избран В. В. Жириновский [7, с. 42]. 4 мая 1990 г. на учредительном съезде была создана Социал-демократическая партия Российской Федерации (СДПР) [7, с. 35]. 21 декабря 1991 г.

состоялся I съезд Российского Общенародного Союза (РОС), председателем правления РОСа стал С. Н. Бабурин [7, с. 101–102].

Таким образом, переход к многопартийности в СССР произошел благодаря переменам, которые был начал М. С. Горбачев в 1985 г. и углублены в 1988 г. на XIX Всесоюзной конференции КПСС. Процесс создания новых политических сил был возможен как из-за решений сверху в виде отмены 6 статьи Конституции СССР, так и благодаря широкой инициативе снизу, которая выражалась в самостоятельном формировании клубов, групп, которые в свою очередь постепенно преобразовались в политические партии и движения. В результате политических реформ периода Перестройки в России через шестьдесят с лишним лет была вновь создана многопартийность.

Библиографический список

1. Доклад Генерального Секретаря ЦК КПСС Горбачева М.С. на Пленуме ЦК КПСС 5 февраля 1990 года// РГАНИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 315. Л. 57.
2. Исаков В.Б. Парламентский дневник 1990, 1995-2012. М.: Палея, 1996. 395 с.
3. Закон СССР от 09.10.1990 N 1708-1 (с изм. от 19.05.1995) «Об общественных объединениях». Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1883/d58bff796a209ccc89ecc4f527c07a0aba7aac86/ (Дата обращения 02.11.2020).
4. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 года. М.: Политиздат, 1988. 160 с.
5. Платформа ЦК КПСС к XXVIII съезду КПСС. К развернутой социалистической демократии и самоуправлению народа// РГАНИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 315. 28 л.
6. Польшов М.Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР: вторая половина 1940 первая половина 1980-х гг. СПб.: Алетей, 2010. 512 с.
7. Прибыловский В.В. Словарь новых политических партий и организаций в России. М.: Панорама, 1993. 204 с.

С.Н. Абрашкин

Самарский национальный исследовательский университет

ПАРТИЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГУБЕРНАТОРОВ ПОВОЛЖЬЯ В 1991-1999 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ, САРАТОВСКОЙ И УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Партийная идентичность – это способ отождествления личности или групп людей с политической партией и практическое осуществление ее задач и целей в процессе политической деятельности [1, с. 42].

В 1990-е гг. воссозданный институт губернаторства стал играть одну из важных ролей в политической жизни страны, а губернаторы регионов становились опорой, на которую Федеральный центр и президент страны могли рассчитывать при проведении курса демократических реформ [8, с. 315].

В данной статье мы рассмотрим партийную идентичность губернаторов Поволжья в 1990-е гг. на примере Самарской (Константин Алексеевич Титов с 1991 по 2007 гг.), Саратовской (Юрий Васильевич Белых с 1992 по 1996 гг.; Дмитрий Федорович Аяцков с 1996 по 2005), и Ульяновской областей (Юрий Фролович Горячев с 1992 по 2001 гг.).

В 1990-1991 гг. начался мощный карьерный рост у ряда выходцев из комсомола, которые в 1990-е гг. стали ключевыми фигурами региональной политической элиты. Именно к этой категории можно отнести К.Титова, возглавившего в апреле 1990 года Куйбышевский городской Совет [10, с.180]. Безусловно, членство в партии помогло Константину Алексеевичу продвинуться по карьерной лестнице. В КПСС он состоял с сентября 1970 года [7, оп. 19. д. 339. л. 6].

После событий августа 1991 года Титов вышел из рядов КПСС, и с 1992 года связал себя с демократическими силами, а именно с «Движением за демократические реформы», являлся членом Совета Самарского регионального центра движения [11, с. 35]. Весной 1993 года Константин Алексеевич вошел в Политсовет движения. При поддержке «РДДР» и «Выбора России» Константин Титов баллотировался в Совет Федерации федерального собрания Российской Федерации, и по итогам выборов 12 декабря был избран с наибольшим количеством голосов. Тем не менее, после провала движения на выборах в Госдуму первого созыва вышел из его состава [9].

После ухода из «РДДР» Титов начинает более тесно сотрудничать с Е.Т.Гайдаром. 12-13 июня 1994 года на Учредительном съезде партии «Демократический выбор России» Константин Титов вошел в Политсовет партии.

Однако уже в 1995 году Константин Титов вошел в оргкомитет создаваемого председателем правительства РФ В.С.Черномырдиным движения «Наш дом – Россия», после чего покинул ряды партии «ДВР». На учредительном съезде «НДР» 12 мая 1995 года Константин Титов избирается первым заместителем председателя и главой Самарского отделения «НДР» [3].

«Наш дом-Россия» было общественно-политическим объединением, которое претендовало на то, чтобы стать новой «партией власти» и постараться занять центр политического спектра [12, с. 91].

В интервью с автором Константин Алексеевич рассказал, что перешел в «НДР», руководствуясь интересами региона: «Поговорил с Гайдаром.

Он ответил: Конечно, Константин, надо переходить туда. Иначе зажмут, и ничего не получишь для области» [5].

Если первоначально К.А. Титов перешел из одной «партии власти» в другую, то к концу 1990-х гг. он задумался о создании собственной партии. Однако к сентябрю 1999 года большинство губернаторов не выразили своего согласия на вступление в избирательный блок «Голос России», организованный К.А.Титовым к выборам в Государственную думу 1999 года, посчитав более перспективным другое объединение губернаторов-движение «Отечество-Вся Россия».

Не достигнув успеха в собственном партстроительстве, К.А. Титов вошел в состав избирательного блока «Союза правых сил», став одним из пяти его соучредителей и председателем политсовета [10, с. 217].

Губернатор Саратовской области Ю.В.Белых вышел из рядов КПСС в 1991 году, а затем стал членом движения «НДР» [2]. После отставки Белых, пришедший ему на смену Д.Ф.Аяцков также состоял в «НДР». Однако отношения Д.Ф. Аяцкова и В.С.Черномырдина не были гладкими: губернатор в многом критиковал премьера [6, с. 3]. Тем не менее, они смогли прийти к согласию, и на выборах в Государственную Думу 1999 гг. саратовский губернатор шел в первой тройке избирательного списка «НДР» [4, с. 559].

Губернатора Ульяновской области Ю.Ф.Горячева называли «красным губернатором»: он был членом КПСС и до 1991 года строил успешную партийную карьеру, но уже с КПРФ Горячев враждовал, и несмотря на активную критику политики федеральных властей, тем не менее состоял в «НДР» [4, с. 445].

Таким образом, партийная идентичность губернаторов Поволжья рассматриваемого периода оказалось различной. Самарского губернатора К.А.Титова не устраивали вторые роли в руководстве партий, он старался показать себя самостоятельным политиком федерального уровня, активно занимался партийным строительством. Саратовский губернатор Д.Ф.Аяцков, несмотря на ряд противоречий с главой движения В.С.Черномырдиным, остался приверженцем «НДР». Ульяновский губернатор Ю.Ф.Горячев больше занимался внутренними делами области, и в многом занимал выжидательную позицию, прежде чем выражать открытую поддержку тому или иному политическому движению или партии.

Библиографический список

1. Аванесян С.Р. Понятие и сущность партийной идентичности в условиях современного развития России // Научная мысль Кавказа. № 1. 2011.
2. Белых Ю.В. // Федеральное Собрание: Совет Федерации, Государственная Дума. Справочник. М., ИЭГ «Панорама», Электронная версия, 1997. URL: <http://www.politika.su/bio/belyh.html> (Дата обращения 17.11.2020)

3. Верстаков Г. Губернатор, которому удобно в своем кресле // Российский Кто есть Кто. 1999. № 6. URL:http://whoiswho.ru/old_site/rubin.htm
4. Иванов В. Глава субъекта российской федерации. Историческое, юридическое и политическое исследование (История губернаторов): В 2 т. Т. I. В 2 кн.: История: Кн. I. 2-е изд., испр. и перераб. М.: «Издание книг ком», 2020.
5. Интервью с заместителем председателя Общественной Палаты Самарской Области К.А.Титовым от 28.05.19 // Личный архив автора.
6. Политсовет «НДР»: «Когда вожак болен, стая начинает искать другого» // Коммерсант. 1998. 17 ноября.
7. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.5692.
8. Спинов А.С. Эволюция института губернаторства в конце XX – первой половине XXI в. // Молодой ученый. № 11. 2012.
9. Титов К.А // Путинская энциклопедия. URL: <http://politike.ru/termin/titov-konstantin-alekseevich.html> (Дата обращения 17.11.2020).
10. Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг. Очерки истории: коллективная монография / под. ред. П.С. Кабытова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014.
11. Энциклопедия Самарской области / Правительство Самар. обл. (т. 3-6); Т. 6: Т – Я. 2012.
12. Шутов А.Ю. Из новейшей истории формирования многопартийности в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. № 5. 2013.

СТЕНДОВЫЕ ДОКЛАДЫ

Д.А. Чугунова

Самарский национальный исследовательский университет

СОДЕРЖАНИЕ И ФУНКЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

На современном этапе развития исторической науки многие вспомогательные исторические дисциплины приобретают фундаментальный статус, способствующий стратификации знания о прошлом, совершенствованию методологических и методических основ работы с историческими источниками, в том числе геральдическими. Теоретическая геральдика, изучающая правила составления и прочтения гербов, наряду с сохранением своего научного значения, сегодня все в большей степени становится востребованной прикладной дисциплиной по мере возвращения геральдической культуры в социальное пространство современной России [1, с. 3]. Геральдическая практика превращается в динамично развивающуюся отрасль, поскольку активно идет процесс создания новых гербов как на государственно-муниципальном уровне, так и в сфере корпоративной, родовой и личной геральдики. В этих условиях классические традиции составления и трактовки гербов приобретают не только научную, но и социальную значимость.

Герб представляет собой сложную, составленную по определенным правилам знако-символическую композицию, которая выполняет функцию социальной идентификации государства, территории, корпорации, рода и отдельной личности. Родовой герб имеет наследственный характер [2, с. 24]. Сам термин пришел в Россию в XVII в. из Польши. В царствование Алексея Михайловича в России начинается развитие геральдики. По приглашению царя в страну прибыл австрийский герольд Лаврентий Хурелич, который стал автором «Родословия российских великих князей и государей московских». В эту книгу были впервые включены изображения гербов русских княжеств наряду с гербами западноевропейских государств [1]. В 1672 г. был создан первый в России общий гербовник – «Титулярник», который содержал изображения гербов княжеств и портреты государей. В 1722 г. указом Петра I в России впервые была создана профессиональная геральдическая служба – Герольдмейстерская контора, которая ведала учетом и составлением гербов. Геральдика, таким образом, окончательно оформилась как прикладная отрасль

в системе государственного управления. В середине XIX – начале XX вв. геральдика оформляется как научная дисциплина и создаются первые научные труды (работы А.Б. Лакиера, П.П. Винклера, Ю.В. Арсеньева). – Тогда же в геральдике выделяется самостоятельная область научного знания – теоретическая геральдика, изучающая правила составления и прочтения гербов в их историческом развитии и социокультурном содержании.

Теоретическая геральдика определяет общее строение герба и выделяет его составные части, среди которых главным, внутренним и обязательным элементом является щит, а внешними и необязательными – щитодержатели, намет, бурелет, мантия, шлем, нашлемник, корона, девиз и клейнод. Щит может иметь разную форму, которая определяется исторической формой реальных боевых щитов, использовавшихся в разных странах. Остальные части герба могут отличаться друг от друга размером, цветовой гаммой, материалом изготовления. Все эти элементы, создаваемые и комбинируемые по правилам теоретической геральдики, не только создают композиционную эстетику герба, но и транслируют значимую историческую информацию о гербовладельце.

Классические геральдические правила, сформировавшие несколько столетий назад, в современной России представляют интерес не только для ученых. Процесс герботворчества, набирающий силу в постсоветской России, вновь сделал теоретическую геральдику предметом активного практического использования. Геральдические правила представлены в настоящее время нормативно-правовых документах, регламентирующих составление и порядок использования гербов, а также в методической документации [4]. Так, геральдические правила запрещают использование одного и того же материала при изготовлении щита и других фигур, включение в состав герба предметов современного быта (если они необходимы, то следует заменить их символическими знаками). Геральдика также не позволяет использовать в качестве составной части архитектурные сооружения, которые имеются в жизни. Существуют также правила составления блазона – описания герба. Наиболее распространенной является следующая модель блазонирования: 1) поле, включая любые деления; 2) почетная геральдическая фигура; 3) важнейшие фигуры на поле, затем любые малые фигуры; 4) любые фигуры на почетной геральдической фигуре; 5) любые простые геральдические фигуры; 6) любые фигуры на простых геральдических фигурах [3].

Таким образом, в современной России теоретическая геральдика как специальная отрасль геральдики, занимающаяся правилами составления и прочтения гербов, представляет собой не только актуальную область научного знания, но и активно используемую прикладную дисциплину, широко востребованную в современной геральдической практике и геральдическом администрировании.

Библиографический список

1. Винклер П.Ф. Герб, гербоведение // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890. URL: <https://ru.wikisource.org> (дата обращения: 31.10.2020)
2. Косых О.И. Теоретические основы геральдики. М., 2007. URL: <https://studfile.net/preview/7068830/> (дата обращения: 04.11.2020).
3. Лакиер А.Б. Русская геральдика. СПб., 1855.
4. Методические рекомендации по разработке и использованию официальных символов муниципальных образований. URL: <http://www.admin-nnr.ru/adm/doc/metod.pdf> (дата обращения: 31.10.2020).
5. Наумов О.Н. Геральдическая историография России (XVIII – первая половина XX в.) / Отв. ред. С.М. Каштанов. М.: Московский педагогический университет, 2001.

О.Н. Голубева

Самарский национальный исследовательский университет

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ ВЛАСТИ В ПРОВЕДЕНИИ КУЛЬТУРНО-МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Сегодня идеология как предмет дискуссии становится неотъемлемой частью обсуждения исторических моментов жизни общества. За неимением внятной идеологии исследователи осторожно оперируют такими понятиями, как «образы идеологии», отмечая при этом «идеологическое двоемыслие, когда налицо одновременно и востребованность в объединяющей идеологии, и идеологический хаос в головах людей» [2, с. 106].

Воплощением идеологии выступает государство, «всеобщее выражение в виде государственной воли» [4, с. 342].

Действие идеологии в советский период времени оказало влияние на социальное и политическое поведение масс, на установление норм, которые члены общества воспринимали как должные и которым следовали, не выделяя данных ценностей. «Успешность официальной идеологии советского периода определялась не только репрессивными практиками, но и безальтернативностью участия общественной жизни на основе общепринятых ценностей и стандартов» [1, с. 12-13].

«Идеология советского режима, возведенная в ранг государственного и политического единomyслия, была прежде всего ориентирована на обслуживание государства, категорически требовала от всех деятелей культуры возвышать, одухотворять, эмоционально насыщать санкционированную мифологию, чтобы силой образного воздействия довести субъективные ориентации и установки до такой степени автоматизма, которая делает готовность действовать в заданном направлении базовой потребно-

стью человека, позволит манипулировать его личностно мотивированным поведением»[3, с. 685–686].

Идеология в культуре – это, прежде всего, особенности культурной политики. В чем же заключается особенность культурной политики? Это, во-первых, планомерный подход к вопросам развития культуры, управление ею на принципах марксизма – ленинизма. И во-вторых, это – рассмотрение культуры как сферы единого общественного организма.

Поэтому, я думаю, что культура рассматривается обществом в государстве как средство обеспечения устойчивости существующей формы власти и закрепления, проводимых ею изменений, требующих смены мировоззрения граждан в данном обществе.

Для каждого отдельного члена общества характерен уровень политической культуры, который определяется мерой включения идейно-ценностных установок. И можно сказать, что данные установки влияют на изменение норм участия отдельного человека в политическом процессе.

Отсюда следует, что влияние идеологии государства направлено на формирование культуры советского периода времени, которая подвержена изменениям политической направленности как части общей культуры, поддерживающей устойчивость в традициях, передающихся от поколения к поколению.

Важно отметить, что основа идеологической линии, созданная в период господства определенной концепции политической жизни общества, направлена на поиски смысла исключительных событий, не всеми понятых, урезанных ценностей и дефицита культурного содержания общества.

Культурные ценности советского периода времени, обусловленные рождением смысла, ориентированности на персональное идеологическое взаимодействие с сохранением семейных ценностей, социальных, дружеских контактов, что позволяли соединить многомиллионную общность трудового народа в единую коллективную группу, отмечающую с широким размахом государственные праздники.

Советская культура, рассматривает многообразные культурные части в динамике развития, классифицирует их взаимодействие и взаимовлияние, учитывает сложность функционирования мирового культурного процесса.

Для современной культуры коллективное начало стало значимой ценностной чертой существования. Каждая форма работы – это стремление утвердить в пространстве общественного развития, выделиться, отличаться от других. Отличительная черта в проведении мероприятий фокусируется на сформированных ценностях, закреплённых опытом. Но каждое культурное событие – это умение выделить особый момент торжественности и индивидуальности, способной реализовать участие в митинге или демонстрации, культурно – просветительные мероприятия, что характерно

в сочетании свободы и творчества. Тем самым, власть навязывала населению культурные новшества, которые обрели полезную значимость.

Идеологическая концепция, внедряемая в советскую культуру, широко освещалась в информационных сферах общественного развития (телевидение и средства массовой информации). Идеология партии распространяющаяся с помощью медиасистем, которые в советское время получили широкомасштабное распространение «информационно-коммуникативных технологий, богатой палитре изобразительно-выразительных средств, способности конструирования социальной реальности, персонализации медиапотребления стали поистине вездесущими каналами информационного и идеологического воздействия» [2, с. 107].

На протяжении определенного периода времени, конкретнее, режима советской власти, долгогосемидесятилетия, идеологию разрабатывали, продвигая ее народу и избирателям. Партия, структура власти и управления, эксперты, т.е. те, кого принято называть интеллектуальной элитой общества – формулировали цели и задачи, стратегии развития, основополагающие принципы жизни и деятельности общества и государства.

Принятие политической идеологии в разных сферах общества прослеживалось через взаимоотношения взрослого населения с подрастающим поколением, поэтому так широко транслировались сведения о совместных действиях партии, комсомола и пионерии в проведенных мероприятиях, где соединялась систем ценностей поколений, как интерпретация «особого пути», передающая молодежи яркие моменты истории государства. «Любовь к родине, объединение вокруг патриотических ценностей – это чувство, но не идеология, понимаемая как система ценностей, взглядов и убеждений, которыми руководствуется и которые разделяет личность, выражая, таким образом, свое отношение к событиям, фактам и явлениям социальной реальности» [2, с.108].

Таким образом, люди оказываются зависимыми от той идеологии, которая той или иной мере, отображает и преобразует события времени.

Библиографический список

1. Волков Ю.Г. Образы идеологии и гуманизма в современной России: монография. М.: КНОРУС, 2016. 208 с.
2. Дугин Е.Я. Власть идеологии и идеология власти // Власть. 2017. № 3. С. 106 -113.
3. Дмитриевский В.Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики. Ч. 2.: Советский театр 1917–1991 гг. М.: Государственный институт искусствознания, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 696 с.
4. Маркс К. Сочинения. М., 1955. Т.3.

**ЭЛЕМЕНТЫ ФЕТИШИЗАЦИИ МУЗЕЙНОГО ПРЕДМЕТА
В КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЯХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Результаты теоретической и прикладной музейной деятельности в Советском Союзе второй половины XX века и сегодня оказывают влияние на построение музейного пространства. Именно в тот период была сформирована концепция советского музея, в основе которой лежало понятие «музейный предмет». Музей являлся учреждением, культивирующим «предметные ценности прошлого». Посетителю в таком музее отводилась второстепенная роль молчаливого созерцателя старины, т.к. «старина» представлялась главной ценностью музейного предмета.

Как в теории музееведения, так и в практике музейные сотрудники вводят понятие «музейный предмет» в основу музейного дела. В это время зарождается представление о музее как об учреждении культивируемом «предметные ценности прошлого». Посетитель играет второстепенную роль, он молчаливый созерцатель старины. В музеях более раннего периода главная ценность предмета — его «старина» как таковая. В советском музее возникает «культ музейного предмета». Посетитель в таком музее является «чужаком», «лишним человеком». К тому же восприятие экскурсовода, как человека

с колоссальным объемом знаний отличается от восприятия «среднего» посетителя, часто посетители музея со средним уровнем образования могут усмотреть в этом угрозу оценки своего интеллектуального уровня. Безусловно, после посещения музея человек должен восполнить свой запас знаний, разжечь свое любопытство. Однако, подчас это может вызвать обратную реакцию — отторжение музейной культуры из-за «интеллектуального снобизма». Здесь целесообразно задать еще несколькими вопросами: Что происходит с посетителем после посещения музея? Какого характера эти изменения? Есть ли они? Насколько музейное пространство может быть увлекательным для посетителя? Причем, для абсолютно разных категорий посетителей. Насколько они становятся вовлечены? и т.д. Во многом попыткой понять этот процесс является наличие в музеях Книг жалоб и предложений [1].

Под термином фетишизация мы понимаем стремление вознести музейный предмет над другими историческими источниками. Подобный эффект приводит к тому, что другие исторические источники в обычной (не музейной) жизни теряют свою значимость и обретают ее только попадая в музейные фонды, а из фондов в разделы экспозиций и выставок.

Таким образом, фетишизация музейного предмета происходит из-за того, что 1960-1980-е гг. XX века сформировалось особенное характерное исключительно для советской, а, потом и для российской действительности отношение к музейному предмету. Главным плюсом в таком эффекте является то, что только в музее (или просто в выставках, проходящих не в музее) исторический источник визуализируется как часть истории (исторического периода). Безусловно, музейный предмет одна из основ музейного дела и музееведения. Однако, у эффекта фетишизации музейного предмета есть и минусы. К ним мы можем отнести: хаотичное и нелогичное использование музейных предметов в исторических экспозициях краеведческих музеев, что, вероятней всего, обусловлено тем, что само нахождение предметов из фондов в экспозиции должно служить самоцелью и не требовать использования дальнейших инструментов работы с историческими документами. Вторым негативным моментом, подобного эффекта можно назвать отсутствие интересного, качественного аннотирования, из-за того, что музейный предмет должен быть информативен сам по себе, одним своим присутствием и нахождением в системе музейной экспозиции. На наш взгляд, культивирование музейных предметов эффективно лишь для внутренней работы, для получения эффекта восхищения перед историей у музейных сотрудников (которое подчас исчезает после работы с историческими источниками длительное время). Представление музейного предмета не должно быть самоцелью, потому что экспозиция, которая является главным результатом музейной работы это организм и система, которая не может функционировать исключительно на предметной основе.

Библиографический список

1. В общей сложности нами были изучены пять Книг жалоб и предложений (далее – Книги) музеев Самары, Ульяновска и Пензы, а также 30 изданий краеведческой направленности. Каждое издание включало от 10 до 25 статей исторической, краеведческой и музейной тематики. Основным критерием отбора статей в изданиях и комментариев в Книгах было использование понятия «музейный предмет».

Д.Ф. Графова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

АГРАРНЫЕ БЕСПОРЯДКИ В СЕМАНТИКЕ И СЕМИОТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА НАЧАЛА XX ВЕКА

Содержание политического диалога в начале XX века в России определялось стремлением различных социальных групп, претендовавших на

политический статус, изменить патримониальный характер российского самодержавия. Вызванные к жизни эманациями властной воли в эпоху Великих реформ, эти общественные страты, — получившие собирательное название интеллигенции, — так и не были включены в структуру имперской организации, что обрекало их на маргинальное существование, вырождение и деградацию. Опыт для России не уникальный: стрельцы, опричники, лашманы, являлись из народных недр по велению государей и исчезали в небытии после того, как пропадала в них нужда. Однако, роль, отведенная образованным людям в проектах «просвещенных бюрократов», далеко выходила за рамки сиюминутных прихотей империи: принимая на себя государственные задачи, бизнесмены, адвокаты, земские врачи и учителя должны были, по логике вещей, занять свое место в административной структуре Российской империи. Но проблема заключалась в том, что места эти не были предусмотрены в новом общественном устройстве страны. Альтернативой чинам и рангам, — в соответствии с Программой М.Т. Лорис-Меликова, представленной им Императору в докладе от 11 апреля 1880 года, — должны были стать частная собственность и гражданские права.

Однако убийство Александра II и последовавшее за ним «воворение порядка и правды» [1, с. 234] исключили возможность реализации этого проекта, что, впрочем, не отменяло необходимости его воплощения в условиях модернизирующегося общества, где выразителями либеральных идей неожиданно оказались представители аристократии, предводительствуем некоторыми членами императорской фамилии, страдавшие от условностей и сословных ограничений.

Принимая во внимание то обстоятельство, что единственной дискуссионной площадкой, где могли быть представлены аргументы либералов, оказался вопрос о судьбах российской пасторали, нет ничего удивительного в том, что эта «семейная» дискуссия приобрела форму т.н. аграрного вопроса, где под предлогом «борьбы с крепостническими пережитками», решался вопрос об ограничении власти монарха, а, следовательно, и появлением у подданных определенных прав (главным из которых было право частной собственности, глубоко чуждое социально-хозяйственным практикам крестьянской этики выживания [2, с. 203]). Сами же крестьяне, фактически, рассматривались инициаторами этой дискуссии лишь как аргумент, своего рода, инструмент, которым можно было шантажировать оппонента. Оставалось лишь выучиться управлять «русским бунтом», который едва ли не со времен волхвов институционализировался в рамках т.н. «аграрных беспорядков», остававшихся неизменным атрибутом российского социального пейзажа. Исследование сельского быта и структуры деревенских миров, должно было раскрыть механизм крестьянских выступлений, последовательно интерпретировавшийся как про-

тестные. Однако все попытки сторонников либеральных или социалистических идей мобилизовать крестьянство для исполнения роли передовых баранов на поле политических ристаний, фактически, провалились, а связанные с носителями вековой правды надежды изменить самодержавные практики управления оказались иллюзорными. Великий немой оставался еще и глух к призывам радетелей о благе народном. Особенно четко это проявилось в годы «Хождений в народ» и во время первой русской революции 1905-1907 годов, где крестьянство не проявило себя, но где в полной мере показал себя рабочий/пролетарский класс. После чего все внимание политический класс переключил на него и стал связывать именно с ним свои надежды на изменение общественного устройства государства.

Между тем, в сельском хозяйстве России со времен реформ Владимира Святого утверждалась система обмена взаимными неоплачиваемыми услугами, известная под именем «моральной экономики» [2, с. 205], объединившая землевладельцев, крестьян и государственную администрацию. Способ общинного крестьянского бытийствования, хозяйственная эффективность которого вызывала критику, а гуманитарная структура – раздражение прогрессивной общественности, отличался феноменальной устойчивостью, не протяжении веков обеспечивая выживание и воспроизводство земледельческого класса в России. При этом само крестьянство, составлявшее основу государственного тягла, оставалось – будучи одним из атрибутов российского социума, – настолько прочно вмонтировано в имперскую структуру, что никаким образом не могло выступать носителем антисистемной программы. Ее реализация, – как очевидно свидетельствует опыт советской истории, – оборачивается уничтожением крестьянского мира, экзистенциально чуждого социокультурной матрице классового общества. В их представлении все еще продолжала существовать система т.н. «моральной экономики», в общем-то, разрушенная в ходе Великих реформ.

Библиографический список

1. Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов. / Под ред. Ю.С.Кукушкина. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1996. 526 с.
2. Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия / Сост. Т. Шанин. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 430 с.

СИМВОЛИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Политическая символика, начиная с самых ранних этапов развития общества, была неотъемлемой частью борьбы за власть, которую вели различные политические силы. Ее содержание и эволюция всегда отражали расстановку политических сил и ход политической борьбы, поэтому без изучения этого сложного социального явления политическая история любого общества будет неполной. В еще большей степени это относится к России, где период XX – начала XXI вв. был наполнен острыми политическими конфликтами и революциями.

Политические партии в Российской империи формировались в условиях угрозы революционного взрыва, что отразилось и в символике партий, ее повышенной социальной и эмоциональной напряженности. Для политических партий Российской империи не было характерно наличие единого эмблематического ряда. В своих агитационных плакатах многие партии часто использовали общие революционные символы. Так, красный флаг использовался практически всеми партиями, стремящимися к осуществлению революции.

Лидеры кадетов считали свою партию внеклассовой, соответствовавшей по своим идеалам «традиционному настроению русской интеллигенции» [5, с. 150]. Партия редко использовала символы, ассоциируемые в России с каким-либо классом. Кадеты позиционировали себя как партия «народной свободы», что нашло отражение в их агитационных плакатах. Кадетами использовались также и символы просвещения, например, горящий факел.

В символике партии эсеров отразилась их непосредственная связь с движением народовольцев. Партией широко использовался лозунг «Земля и воля». На многих партийных плакатах изображался процесс обработки земли и фигуры крестьян. Значимым символом в плакатах эсеров являлось «солнце свободы», символизирующее путь к светлому будущему.

Анархисты в качестве символов использовали анархистский черный крест и черный флаг, что было связано с трактовкой черного цвета как символа вечности и редким использованием этого цвета в официальной государственной символике [8]. В начале XX в. в России этот цвет избрали и радикально настроенные защитники самодержавия – черносотенцы [2, с. 38].

После победы Октябрьской революции 1917 г. в СССР установилась однопартийная политическая система, что привело к созданию единой партийной символики, принципиально отличной от дореволюционной.

Символами КПСС стали символы революции, например, красное знамя, являвшееся в годы революции священным символом, олицетворяющим «прозрение» трудящихся всего мира [3, с. 232]. Символ революции начинает восприниматься как символ нового строя и борьбы за него [3, с. 233]. Использование красной звезды, ставшей символом Красной Армии, было связано со значением звезды как древнейшего символа обороны [7], стремления к возвышенным идеалам, что было закреплено еще масонской символикой, использованной декабристами.

Важнейшими элементами эмблемы партии являлись серп и молот. Идея молота как символа пролетариата шла непосредственно из революционной поэзии периода революции 1905-1907 гг. В агитационных плакатах коммунистической партии часто встречается такой символ, как колосья, которые должны были символизировать вечность революции и олицетворять понятные для всех идеи мира и процветания [8].

Идея продолжения революционной традиции нашла отражение в таком символе, как изображение профилей Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Подобный этому символ уже использовался, когда на обложке альманаха «Полярная звезда» были изображены профили пяти казненных декабристов.

Радикальная трансформация политической системы в России в 1990-е гг. потребовала выработки принципиально новой символики и привела к очередному «символическому перевороту». Эмблема партии «Единая Россия» представляет собой композицию, в верхней части которой расположено изображение, символизирующее флаг Российской Федерации, а центром ее является медведь. Медведь — это символ, в котором отражаются мифологические и фольклорные традиции русского народа, в сказках он является хозяином леса. Медведь в эмблеме «Единой России» символизирует честного «хозяина территории россиян». Цвета флага Российской Федерации в партийной эмблеме указывают на доминирующую идею государственности [1].

Герб ЛДПР представляет собой щит темно-синего цвета с нанесенным рисунком. Отсутствие большого количества элементов на эмблеме партии и «спокойный» шрифт символизируют солидность и основательность данной партии. Выбор синего цвета обусловлен, в том числе, и тем, что в политике, начиная с эпохи Великой французской революции, синий цвет традиционно был символом многих либеральных партий [1].

КПРФ своей символикой стремится продемонстрировать свою связь с КПСС. Продолжая широко использовать красный флаг. Эмблемой КПРФ являются взаимоувязанные воедино серп, молот и отсутствующая в эмблеме КПСС открытая книга, что символизирует солидарность рабочих, крестьян и интеллигенции [4]. Следует отметить, что красный флаг традиционно используется не только КПРФ, но и другими коммунистическими партиями.

Таким образом, символика политических партий России в XX – начале XXI вв. в полной мере отражает социальные катаклизмы и революционные потрясения этого периода. Социальные революции в России с неизбежностью сопровождались радикальными «символическими переворотами», порождавшими политическую символику нового типа. Вместе с тем общей тенденцией в развитии российской политической символики является историческая преемственность, обусловленная цивилизационной целостностью и глубокими культурно-историческими традициями, обеспечивающими устойчивость знако-символических систем.

Библиографический список

1. Бабайцев А.В. Семантика эмблем современных российских политических партий // Вестник Донского государственного технического университета. Ростов н/Д., 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-emblem-sovremennyh-rossijskih-politicheskikh-partiy> (дата обращения: 06.10.2020).
2. Вовк О.В. Энциклопедия знаков и символов. М., 2006.
3. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012.
4. КПРФ: Официальный сайт // Устав политической партии. URL: <http://kprf.ru/party/charter/> (дата обращения: 06.10.2020).
5. Политические партии России: История и современность. М, 2000.
6. Похлебкин В.В. Из истории советской эмблематики. М., 2017. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/ИЗ-ИСТОРИИ-СОВЕТСКОЙ-ЭМБЛЕМАТИКИ> (дата обращения: 12.10.2020)
7. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М., 2001. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/pohl/ (дата обращения: 19.10.2020).
8. Руденко В.Н. Позиционирование левых в политической символике. Екатеринбург, 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsionirovanie-levyh-v-politicheskoy-simvolike> (дата обращения: 17.10.2020).

Научное издание

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXVI Всероссийская конференция молодых историков
(Самара, 11–12 декабря 2020 г.)

Материалы и доклады

Публикуется в авторской редакции

Художественный редактор *Л.В. Крылова*
Компьютерная верстка, макет *Л. Н. Законовой*

Подписано в печать 12.02.2021.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 13,5. Гарнитура «Newton».
Тираж 100 экз. Заказ №

Самарская гуманитарная академия,
443011, Самара, ул. 8-я Радиальная, 31.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в цифровой типографии ООО «Прайм»
Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, д. 49.